

Надежда Волгина
Мой призрачный рай

Мой призрачный рай

Глава 1. Письмо

Вот и долгожданный отпуск! Целый год «трубишь» от звонка до звонка, чтобы двадцать восемь календарных дней ни о чем, даже близком к работе, не думать. Отдыхать, отсыпаться, заниматься ничего неделанием... Так нет же! Я в первый день отпуска умудрилась проснуться в три часа ночи, проваляться до четырех и отправиться встречать рассвет. Правда далеко я не ушла — расположилась в летнем кафе, рядом с домом, наблюдала за редкими прохожими и слушала перебранку дворников в соседнем дворе. А всему виной безрадостные мысли. Почему-то именно сегодня я решила, что живу скучно. Работа-дом-работа... Ничего интересного не происходит. Что же получается — я не могу назвать себя счастливой?

А есть ли оно, счастье? Может, его нужно заслужить? Получить, как выстраданную награду? Вот живешь ты, как положено, совершая только добрые поступки, помогая людям, слушая совесть, и потом, как ценный приз за все твои заслуги перед жизнью, получаешь счастье. Не поздно ли? Кому нужно счастье на закате праведной жизни?

— Принести вам чего-нибудь?

Подошел молоденький официант, явно недовольный моим ранним визитом. Скорее всего, заканчивается его смена. Он спит и видит, как отправится домой. А тут непонятная посетительница, страдающая приступами бессонницы.

— Кофе, пожалуйста, и мороженого. Пломбир без наполнителя, если можно.

Где-то слышала, что мороженое помогает от депрессии. Не то что бы была близка к этому состоянию, но собственное настроение мне не нравилось, лишало равновесия. Не так представляла начало отпуска.

Я планировала отправиться к морю, в Одессу. Там живет тетка — мамина сестра. Но куда я поеду без денег? Рассчитывала на отпускные, которые мне не потрудились выплатить, сославшись на финансовые трудности.

— Тебе какая разница, Савельева? — с видом всезнайки поинтересовалась главный бухгалтер — Нина Александровна. — Получишь после отпуска. Сохраннее будет. Ну, нет сейчас, понимаешь?

А почему я должна это понимать? Не такие уж великие деньги, и те не могут выплатить вовремя.

Мороженое таяло в креманке, я лениво помешивала его ложечкой, пока оно не начало стекать, как сливки. Обожала доводить пломбир до такого состояния, а потом быстро съедать его.

Хочу на юг. Палящее солнце, обжигающий песок и ласковое море! Мечта, которая совсем недавно казалась реальной, а сейчас призрачно маячила на горизонте. Ну что делать целый месяц в душном и пыльном городе? Чем занять свободное время, которого оказалось в избытке?

— Чего-нибудь еще желаете?

Официант оказался другой. Значит, тот первый дождался-таки окончания смены и отправился домой. Этот настроен не так враждебно, хоть и тоже выглядит сонным. Студенты, наверное. Устроились, поди, на лето, подработать.

— Вы счастливы? — неожиданно для себя, спросила я у официанта.

Если он и удивился, то виду не подал. Подумал, наверное, что с придурью клиентов нужно мириться, как с неотъемлемой частью работы.

— Счастлив, — широко улыбнулся он.

— А я нет.

Вот тут он растерялся и явно не знал, что можно на такое ответить.

— Спасибо, ничего больше не нужно, — поспешила добавить. — Принесите, пожалуйста, счет.

И почему я решила, что несчастлива? Мама, папа живы, хоть и переехали в другой город, когда я заканчивала институт и вступала в пору самостоятельной жизни. Они позаботились о своей кровинушке — продали трехкомнатную квартиру в центре города и купили однокомнатную в старом районе. Тут даже был плюс — такие районы я любила больше за обжитость и уют. Например, дом, в котором я живу сейчас, находится на тенистой улице, густо засаженной деревьями. С годами они превратились в исполинов, и лишь редкие лучики солнца пробиваются сквозь их густую листву. В моей квартире солнца совсем не бывает, разве что на подоконниках с утра. Но мне нравится.

Младшая сестра какое-то время жила со мной, пока не закончила школу, а потом уехала в тот же город, что и родители, поступать в институт. Сейчас она уже отучилась, выскочила замуж и родила двух девочек-погодок. Так что родители счастливы, у них есть внуки.

У меня и брат есть, как в нормальных многодетных семьях. И ничего, что он старше меня на десять лет, живет на севере, и видимся мы с ним раз в три года. Есть же. Хотя у брата уже давно своя жизнь и трое детей. Но это тоже одна из составляющих обычного человеческого счастья.

К слову о родственниках, у меня их целая куча и разбросаны они по всей необъятной родине. Правда, к бабушке, что живет в станице под Краснодаром, последний раз ездила лет двенадцать или тринадцать назад, еще с родителями. Все времени нет или денег, или и того и другого. Стыдно, елки-палки, и бабушка обижается. Родители меня не раз звали к себе поближе, но что-то не пускает. Корнями я, что ли, вросла в этот провинциальный городок? Или просто нравится мне тут жить? Все родное, знакомое с детства. Опять же, друзей полно, работа приличная, практически творческая. Менеджер по рекламе с редакции газеты «Пресс-неделя». Почти художник — тоже требует таланта, чтобы привлечь как можно больше клиентов. А в незнакомом городе, что я стану делать? В тридцать лет поздно заводить друзей. Они либо с детства идут с тобой через всю жизнь, либо со студенчества и до старости.

Мороженое я съела, кофе выпила... Дольше сидеть в кафе показалось неудобным. Решила прогуляться в любимый парк. Время приближалось к одиннадцати. Солнце уже палило во всю, но в тени деревьев жарко не было. Я смотрела на лебедей и уток, плавающих в пруду, и завидовала. Вот кому ни забот, ни хлопот, главное, чтобы кормили вовремя.

Раз поехать никуда не могу, может, затеять ремонт? Только не это! Я представила себе разруху в квартире. И это на весь отпуск?! Увольте. Ремонт подождет до лучших времен. К тому же на него тоже нужны средства.

Может, занять денег и все-таки поехать к тетке? И есть, у кого, только не люблю я этого. Получается, что и отпуск проходит как бы в долг.

— Теть, дай пять рублей на хлебушек.

Рядом со мной остановился подросток, одетый вполне прилично. Голос ломается и взгляд такой наглый.

— А на кроссовки и костюм адидассовские ты тоже по пять рублей собирал с прохожих? — спросила я, окинув его оценивающим взглядом.

— Да пошла ты... — Таких слов в свой адрес еще не слышала. Я даже не сразу поняла, кем он меня назвал, да и потом еще долго сомневалась в своей правоте. В одном уверена, что слово не являлось синонимом «хорошей тети».

Ну, вот! Не выспалась, устала, проголодалась, к тому же еще и обхамили. Замечательное начало заслуженного отпуска.

С этим я и отправилась домой, чтобы завалиться спать и ни о чем не думать. Попытка поднять себе настроение закончилась провалом.

В почтовом ящике с погнутой дверцей, словно кто-то все время пытался достать мою корреспонденцию, лежало письмо. Ни слова по-русски на конверте не было. Одно я поняла, что письмо адресовано мне — латинские буквы я знала хорошо, и адрес со своей фамилией прочитать смогла.

Наверное, только я в жару обожаю есть борщ. Налила себе полную глиняшку, как я называю глубокие тарелки из обожженной глины, щедро добавила перца. Ела, вытирая пот со лба, и наслаждалась. Еще и сухарей подсыпала все время и съедала, пока они не набухали целиком, сохраняя жесткую сердцевину.

Наелась от пуза. Забросила посуду в раковину и отправилась спать. О том, что буду делать ночью, старалась не думать. Не младенец же, не должна перепутать день с ночью.

Разбудила меня режущая слух трель. Стоило взглянуть на будильник, как дверной звонок показался манной небесной. Время приближалось к шести, проспала я полдня.

— Как поживают тунеядцы? — заголосила с порога Олеся, подруга с детства и сослуживица в одном лице, и тут же прищурилась: — Ээээ, да ты еще хуже, чем я думала. Дрыхнешь, что ли?

В ответ смогла только промычать — ни глаза, ни рот слушаться не хотели. Я вернулась в комнату и уселась на диван, не заботясь, проходит или нет гостя. Такие, как она, не пропадут нигде, тем более не заблудятся в знакомой квартире. Гораздо важнее сейчас привести себя в нормальное состояние, заставить мозг проснуться окончательно.

— Так, так... Вот, значит, как ты решила провести отпуск? Обжираться и дрыхнуть? Хочешь превратиться в толстую корову?

Олеся с деловым видом прогуливалась по квартире и совала любопытный нос во все дыры. Даже на кухню умудрилась заглянуть и провести мини экспертизу на предмет, что я обедала.

— Опять борщом объедаешься? Да еще летом...

Она остановилась напротив меня, вся такая фигуристая, с блондинистыми локонами, голубыми глазами и курносый носом. Чем-то она напоминала мне Мэрилин Монро. Не столько внешностью, сколько повадками: вилянием бедрами, жеманными улыбками. Хотя, внешне она тоже явно пыталась подражать великой актрисе.

— Ты меня воспитывать, что ли, пришла? Хотя, молодец, что пришла. А то я бы до ночи проспала.

— То-то же, скажи спасибо.

Олесе надоело бродить туда-сюда, и она с королевской грацией опустилась в кресло, правда, тут же расслабилась и откинулась на спинку, вытянув ноги.

— Устала, жуть. Есть хочу, тоже жуть. А еще, как бешеная собака.

— Что случилось-то? — поинтересовалась я.

Честно говоря, интереса не было. Олеся все время с кем-нибудь ссорилась на работе, кроме меня, пожалуй. Ее сварливый характер мало кто мог вытерпеть, как и желание нравиться всем мужчинам без исключения. С женской половиной нашего большого коллектива отношения у нее точно не складывались. Наверное, со мной она ладила только потому, что я до такой же степени не интересовалась мужчинами, как она интересовалась.

— Да, гримза наша придиралась весь день, — махнула она рукой, не собираясь развивать эту тему. Грымзой она называла начальницу. По правде говоря, в этом вопросе я была с ней солидарна, да и не только я. Таких вредных теток еще поискать. — Лучше объясни, почему так тухло выглядишь?

— Настроения нет.

Как еще можно ответить? Рассказать ей, что внезапно поняла, как несчастлива? Заранее предвижу реакцию Олеси: или начнет высмеивать, или воспитывать. А мне это надо?

— Вымой голову.

— Зачем? — Я потрогала волосы. В отличие от Олеси, я их не завивала, а выпрямляла и красила в ярко-рыжий цвет. Кто-то умный сказал, что так веснушки менее заметны. А меня последними природа щедро одарила, не поскупилась. — Вчера, вроде, мыла.

— От депрессии помогает, говорят...

Олеся отвечала машинально. Она уже обнаружила конверт, который я достала из почтового ящика, бросила на стол, не распечатывая, и благополучно забыла.

— Люсь, а что это, а? — спросила Олеся, повернувшись в мою сторону и подняв вверх конверт.

— Не знаю. Какое-то письмо, — пожала я плечами.

— И тебе не интересно? — Она вытаращила и без того огромные глаза, жирно подведенные черным карандашом.

— Да, просто, я забыла про него. И там все не по-русски...

— Люсь, оно из Италии, — не слушая меня, продолжала Олеся. Голос ее зазвучал благоговейно.

Так случалось всегда, когда речь заходила об Италии. Это тайная страсть Олеси, о которой знала только я. Пять лет назад она отдыхала в Римини, именно тогда и влюбилась в Италию. Бредила ею настолько, что записалась на курсы итальянского языка. Три года училась и сейчас говорила на нем свободно. Чтобы не потерять навыки, посещала дискуссионный клуб по выходным. Каждый год собиралась поехать туда, но все время что-нибудь мешало. В прошлом году Олеся настояла, чтобы я тоже сделала себе загранпаспорт. Только, воспользоваться им мне пока так и не посчастливилось.

— Можно, я его открою? — чересчур вежливо поинтересовалась Олеся.

— Конечно!

Она аккуратно оторвала тоненькую полоску от конверта. Немного помедлила, прежде чем достать содержимое. Смешно наблюдать за ней. Она на самом деле верит, что держит в руках кусочек Италии.

Олеся достала сложенные бумаги. Странно, но я даже не испытывала любопытства, что в них. Все еще ощущала сонливость. Вредно спать на закате. Из стопки выпало что-то, похожее на фотографию. Олеся наклонилась, подняла, внимательно рассмотрела карточку и отложила. Потом развернула письмо и принялась читать.

Тут уже и я почувствовала интерес. Переместилась с дивана в соседнее кресло и взяла

фотографию со стола. Какой-то дом. Рядом пальмы. Так себе, ничего особенного.

— Едрит твою налево! — Олеся всегда так выражалась, если находилась на эмоциональном пике, в те моменты, когда мат неуместен. — Ты знаешь, что это? — Она кивнула на фото.

— Представления не имею.

— Это твой дом.

— В каком смысле?

Что-то сообразительность подводила меня основательно. Как ни старалась, ничего понять не могла.

— Этот дом принадлежит тебе по завещанию, оставленному... Сейчас гляну. — Она уткнулась в письмо. — Михаилом Савельевым. Родственник твой?

— Без понятия.

— Люсь, тут написано, — она потрясла перед моим лицом письмом, — что тебе следует приехать в Лампедузу и вступить в права владениями наследством.

— В лампе... что?

— Лампедуза, темнота. Это остров такой в Средиземном море, южнее Сицилии...

Олеся превратилась в сгусток мыслей — сидела, сосредоточенно глядя в одну точку, и тарабанила по столу пальцами. Она всегда так делала, когда что-то сильно заинтересовывало ее. Жаль, только, такие моменты приходилось наблюдать не часто. Заинтересовать ее — дело сложное, обычно она все уже знала, ничему не удивлялась и, как следствие, ни во что не вникала. Она даже сама о себе говорила: «Удивить меня сложнее, чем укусить себя за локоть».

Я воспользовалась минутной передышкой и тоже задумалась. Скорее всего, письмо по ошибке адресовано мне. Правда, на конверте мой адрес и фамилия, но это тоже может быть ошибкой. Мало ли Савельевых? Фамилия достаточно распространенная. В письме речь идет о наследстве, значит... А что это значит? А то, что мне следует отнести его в соответствующие органы, чтобы оно вовремя нашло адресата...

— Так! Решено! Мы едем туда! — прервала мои размышления Олеся.

— Куда?

— В Лампедузу.

— Олесь, это ошибка, я уверена. — Старалась говорить спокойно, чтобы смысл сказанного дошел до подруги. — Я не знаю никакого Михаила. У меня нет родственников за границей. Письмо попало ко мне по ошибке.

— Ну, естественно! Почему-то я не удивляюсь, когда слышу такое от тебя, — ухмыльнулась Олеся. — Конечно, ошибка. С тобой же каждый день происходят такие недоразумения, все время приходят письма с сообщениями о наследстве.

— Олесь, не ерничай. Я же серьезно. Я теперь думаю, куда податься, чтобы письмо нашло хозяина... Слушай! — внезапно осенило меня. — А, может, кто пошутил так неостроумно?

— Да? Тогда, этот шутник живет именно в Лампедузе. Вот, тут и адрес конторы есть и штамп тоже ихний.

Ну и что! Есть же компьютерные программы специальные. Можно любой штамп сделать, даже такой. Правда, кому нужно так шутить? И смысл шутки? Глупость какая-то.

Начинал раздражать стук пальцев Олеси по столу. Сама ситуация выводила из себя. Не люблю не понимать чего-то до такой степени.

— Олесь, перестань уже! О чем ты так сосредоточенно думаешь?

— Я думаю, где нам взять деньги на поездку. В отличие от некоторых, я понимаю, что придется очень постараться. — Она посмотрела на меня, как на досадную помеху плавному течению ее мыслей.

— Да, какие деньги?! Сначала нужно все выяснить.

— Ага, — кивнула она, вставая с кресла. — Выясняй. Флаг тебе, как говорится... А я уже придумала. Деньги можно занять у Славика. Он — мужик богатенький, да и бывшим одноклассникам не откажет.

В школьные годы, мы здорово дружили с ним и сидели на соседних партах. Есть такие парни, что легче сходятся с девочками, чем с мальчишками. Вот Славик именно такой. Мы даже называли его подружкой. После окончания школы он сделал стремительную карьеру и сейчас занимал должность заместителя министра по образованию и жил в Москве. У меня отношения с ним оборвались, а Олесь продолжала общение, и меня ругала, что теряю связь с нужными людьми.

— Кстати, он и с визой поможет. Должны же у него быть там связи.

— Олесь, ну какая виза? Еще же ничего не ясно. Давай завтра сходим к нотариусу, все выясним?

— Вот и сходи. — Она уже обувалась в коридоре. — Мне некогда заниматься ерундой. А ты выясняй, узнавай, добывай доказательства...

— А как же работа? — ухватила я за соломинку. Стремительность подруги по-настоящему пугала. — Это же я в отпуске. А ты-то работаешь.

— Да, плевать я на нее хотела! Возьму за свой счет, хоть от гримзы отдохну. И ты правильно сказала, мы работаем, значит, времени у нас в обрез. Отпуск — он не резиновый. Нужно все быстро проверить. Все, я ушла.

Я осталась одна и какое-то время стояла в коридоре, не зная, что делать дальше. Потом вернулась в комнату и взяла письмо, как будто надеялась в нем найти ответы. Я даже развернула листок, вложенный в конверт. Это оказался стандартный бланк, заполненный довольно корявым почерком. Естественно, ни слова я не поняла. Как ни старалась, даже название «Лампедуза» не смогла отыскать. Как Олесь тут разобралась, что к чему?

Отложила письмо и взяла фотографию. Снимок плохого качества и цвета тусклые. Ни дом, ни окрестности толком не разглядишь. Странно, но, глядя на изображение дома, я испытывала уютное чувство. Меня словно что-то манило туда. Средиземное море... Это же так здорово! Я на Черном-то была всего несколько раз, а самостоятельно ездила всего однажды — три года назад, к тетке, в Одессу. Вот, хотела поехать еще раз, и то не получилось.

Наваждение какое-то. В душе рождалось раздражение. Мне хотелось верить в сказку, но я понимала, что такое вряд ли возможно. В итоге пострадал снимок — полетел на стол, как бесполезный источник моего раздражения.

Но с этим нужно что-то делать. Завтра следует сходить к нотариусу, убедиться в подлинности письма, а потом... Что потом?

Да, чего это я? Можно же позвонить родителям, попытаться уже сегодня что-нибудь выяснить про таинственного родственника.

— Мам, привет!

— Людочка, ты? У тебя все в порядке?

Почему-то мама считала, что если я звоню им, значит у меня не все в порядке. Все

родители, интересно, такие? Как будто я не могу позвонить просто, потому что соскучилась. Наверное, сама виновата, редко звоню.

— Все нормально, мам, — поспешила успокоить. — С сегодняшнего дня я в отпуске.

— Да? А к нам приедешь? Мы ужасно соскучились.

Я поняла, что тоже соскучилась. Родителей не видела с новогодних каникул, когда мы все собирались у них — отпраздновать Новый год. Даже брат прилетал с севера с семьей, чтобы не нарушать традицию.

— Постараюсь, мам. Правда, я тут ремонт затеяла...

Врушка! Вариант поехать в отпуск к родителям я даже не рассматривала. Сама не знаю, почему. Только сейчас такая мысль посетила. А ведь знаю, что папа чувствует себя неважно — сердце прихватывает, да и мама не становится моложе. Эгоистка чертова!

— Мам, как у вас дела? Как папа?

— Да, у нас все хорошо. Папа чувствует себя сносно. Пролечился маленько, прокапали его. Сейчас более-менее. Ты-то сама не болеешь?

— У меня тоже все хорошо. Мам?..

— Дочь, а зачем тебе этот ремонт-то? Лучше бы съездила куда, отдохнула, — перебила меня мама. Я уже собралась задать ей главный вопрос. — Приезжай к нам, Катюшка рада будет. На Волгу походите.

Катюшка — это моя сестра. Она живет в одном городе с родителями. После окончания института так и осталась там.

— Мам, я постараюсь, правда. Пока ничего конкретного сказать не могу. — Господи! Как же стыдно отделываться общими фразами. И почему я такая трусливая? Что стоит сказать матери правду? Хотя, какую правду? Что хотела отправиться на море и так расстроилась от невозможности это сделать, что решила не ехать никуда, а зачехнуть дома? Мама вряд ли поймет правильно, только расстроится. Тем более что мне и самой внезапно захотелось к ним. — Я хотела спросить тебя кое о чем...

— Ну, спрашивай, чего же ты?.. Что-то мне твой голос не нравится. У тебя точно все в порядке?

— Да, мам, все хорошо. Тут такое дело... Ты не помнишь, вернее не знаешь, есть ли у нас такой родственник — Михаил Савельев?

Я замерла в ожидании ответа. Только сейчас поняла, сколько от него зависит.

— Михаил Савельев?.. Что-то не припомню. Сейчас у папы спрошу... Толик!..

Я слышала, как мама спрашивает у папы. Потом повисла пауза. Что говорил папа, я не слышала.

— Где? — переспросила мама не у меня. — Да ты что?! А давно?

Разговор затягивался. Мама явно выясняла подробности у отца. Я уже устала держать трубку возле уха и вслушиваться в односторонний диалог на расстоянии.

— Дочь, — наконец-то, она обратилась ко мне. — Тут такая история... Папа сам толком ничего не знает. Говорит, что, вроде, так звали родного брата его отца. Только он его не видел ни разу. Тот уехал, еще когда молодым был, до войны. Там какая-то еще история нехорошая с его отъездом связана, папа говорит. Вроде, украл он что-то из семьи и вывез за границу. Только папа об этом ничего не знает. Говорит только, что родственники с ним перестали общаться после этого.

— А куда уехал, не знает?

— Откуда? Нет, конечно. Но ты можешь позвонить бабушке. Она, наверняка, больше

нашего знает. А зачем тебе все это понадобилось?

— Да... — Что сказать-то? Лихорадочно соображала. Говорить про письмо не хотелось. Сама еще толком ничего не выяснила. Если это тот самый родственник, то причем тут я? Все равно, оставались одни вопросы, на которые не было ответа. — Просто, я в журнале прочитала про богатого дядьку с нашей фамилией, в Австралии. Вот и подумала, вдруг родственник.

Ну, приехали! Завралась совсем. Да еще и так неправдоподобно! Не удивлюсь, если мама подумает, что у дочери не все в порядке с головой. Про письмо упорно не хотелось рассказывать. Я как будто боялась, что это известие может огорчить родителей.

— Ну, ты даешь! — засмеялась мама. — Миллионов захотелось на дармовщинку? Вроде, взрослая уже... Да Савельевых знаешь сколько? Тьма тьмущая.

— Ну, не все же миллионеры, — пыталась я все перевести в шутку. — Ладно, мам, не морочь себе голову. Это все мои дурацкие фантазии.

— Да, конечно, — согласилась она. — Кроме того, тот Михаил вряд ли еще жив. Хотя папа и говорит, что он был младше его отца и уехал совсем молодым, но, все равно, представь, сколько ему сейчас может быть лет.

Мы еще немного поболтали, и я попрощалась с мамой, пообещав постараться приехать, пока буду в отпуске. Напоследок мама посоветовала позвонить бабушке, матери отца, что жила под Краснодаром и которую я видела последний раз так давно. Оставалась надежда, что бабушка знает больше. Позвонить решила завтра. Нужно еще придумать, что говорить в свое оправдание, почему не приезжаю в гости.

Итак, что мы имеем? Михаил Савельев, действительно, числится среди моих родственников. Он, на самом деле, уехал за границу. Еще мы знаем, что история эта темная, и совершил он что-то непорядочное перед отъездом. А еще удалось выяснить, что умер он в довольно-таки преклонном возрасте, хоть и неизвестно, в каком точно. Вот, пожалуй, и все. Негусто, но факты налицо. Я начинала верить, что письмо адресовано мне. Правда, и вопросов оставалось немало. Почему именно мне, когда есть еще куча родственников? А главное, каким образом попасть в ту самую Лампедузу? Что-то подсказывало, что только там я смогу получить ответы на вопросы.

Глава 2. Деловые хлопоты

Вечером, когда я уже собиралась спать, позвонила Олеся.

— Ну и, Пинкертон, рассказывай, что удалось раскопать? — начала она без предисловий и пожелания доброго вечера или ночи.

— Да, особо-то ничего...

Я добросовестно пересказала разговор с мамой, стараясь ничего не упустить.

— Так! А что сказала бабушка? — продолжала допрос Олеся.

— Так я ей еще не звонила. Завтра собираюсь.

— А почему не через неделю? — издевательски поинтересовалась она. — Ты, хоть, понимаешь, что время не на нашей стороне?!

Кому, как не мне, понимать это? Именно об этом и размышляла весь день, благо дел никаких не запланировала.

— Ладно, — продолжила Олеся, когда поняла, что оправдываться я не собираюсь. — Не будем пугать старушку на ночь глядя. Позвонишь ей завтра с утра. Вернее, позвоним. Я приду с анкетой для визы. Быстренько заполнишь ее, потом сходим сфоткаемся... В общем, все завтра. Если тебе интересно, то насчет денег я договорилась. Пока, — немного обиженно закончила Олеся и отключилась.

Ну, не виновата же я, что не пышу энтузиазмом, подобно Олесе? Не верю я в деньги, падающие с небес. Не бывает такого. Скорее всего, там развалюха, а не дом, который продать будет проблематично. Это я еще не спросила у Олеси, как мы будем долг Славику отдавать? Пока, даже интересоваться не хочу, сколько она у него заняла.

Стараясь не ругать себя за излишний скептицизм, я отправилась спать, справедливо рассудив, что утро вечера мудренее.

Мне снилось море. Оно штормило, а я стояла так близко, что того и гляди накроет волной. Я даже ощущала брызги, пропитывающие одежду. Там кто-то плавал, и я очень волновалась, что он может утонуть. Уверенность, что это мужчина, не покидала. Голова то появлялась на поверхности, то снова исчезала под волной. Он из последних сил боролся со стихией, и помочь было некому — кроме меня на берегу ни души. С радостью бы помогла, но во сне я не умела плавать. Я словно приросла к месту, стояла и наблюдала, чувствуя, как силы окончательно оставляют тонущего. Ужасное состояние, когдарываешься между невозможностью что-то сделать и желанием помочь во что бы то ни стало. Когда я уже готова была броситься в бушующее море, отчетливо различила призыв Олеси. Обернувшись, она стояла на каменном утесе и звала меня, размахивая руками и показывая куда-то себе за спину...

Проснувшись я в холодном поту от пронзительного звонка в дверь. Вроде сон не страшный, но я испугалась. Находясь во власти непонятного страха, пошла открывать дверь, даже не сомневаясь, кого принесло с утра пораньше.

— Я уже кучу дел переделала, а она все спит, — недовольно изрекла Олеся, отодвигая меня плечом и проникая в тесный коридор. — Ты для этого взяла отпуск, чтобы проспять его?

— Так рано же еще... — попыталась я защититься.

— Полшестого — это рано, в половине десятого... — Она оборвала себя на полуслове и

повернулась ко мне лицом. Выглядела при этом воинственно. Голубые глаза метали молнии. — Удивляюсь тебе! Такая инертность! словно речь идет не о наследстве и увлекательном путешествии, а о походе на рынок. Люсь, прекращай, а? Ты на меня тоску нагоняешь и сбиваешь запал.

Она не шутила, я видела это по ее лицу. Наверное, на самом деле, стоит отнестись к наследству серьезнее, чтобы не рассориться с единственной близкой подругой. Кроме того, я не планировала спать так долго. Кто бы мог подумать, что, проспав полдня, я умудрюсь благополучно не страдать бессонницей ночью. Вчера, как легла, так и не просыпалась до самого утра.

— Все, Олесь, обещаю, что буду во всем тебя слушаться и гореть диким интересом, — серьезно произнесла я. Очень надеялась, что выгляжу убедительно. — Командуй, что нужно делать?

— Для начала, налей нам кофе. Тебе нужно проснуться, а мне срочно подкрепиться. Я с семи часов на ногах, есть хочу, умираю. — С видом полководца Олеся прошла в кухню и заняла почетное место между столом и холодильником. — Анкета подождет. — Она положила на стол файл с бумагами. — Свою я уже заполнила, еще вчера. До двух еще есть время.

— А что будет в два? — поинтересовалась я, чтобы хоть что-то спросить. Таким образом, я для нее, да и для себя, создавала видимость активного участия в событиях.

— Передам ее нужному человеку, который занимается нашими визами. Что же еще?!

Уточнять цепочку из нужных людей, которых она подключила к быстрому решению наших проблем, не хотелось. Вместо этого я занялась кофе и бутербродами, догадываясь, что если не накормлю подругу, она не поделится.

— Что первое — заполнишь анкету или сфотографируемся? — спросила Олеся, сыто откинувшись на стуле и допивая остатки кофе. — Анкета! — сама же себе и ответила. — Нет! Давай-ка дуй, умывайся и шпугатурься. Я передумала. Сначала смотаемся в ателье, сделаем срочное фото твоей физиономии. Я там останусь, дожусь фотографий, а ты вернешься, заполнишь анкету и позвонишь бабуле. Как раз к двум все успеем.

Делать нечего, пришлось в срочном порядке заняться собственной внешностью. Хорошо хоть голову мыть не нужно, потерпит, не на банкет собираюсь.

Я приглаживала щеткой непослушные волосы, когда в комнату заглянула Олеся.

— В хвост собери, — скомандовала она.

— Зачем?

— Чтобы уши открыть?

— Чего?

— Того! Они там что-то определяют по форме ушей.

— Кто, они? — Я запуталась. Никак не могла понять, о чем она сейчас мне говорит.

— Кто-кто... Те, кто решают, выдавать тебе шенгенскую визу или нет. Говорят, они что-то определяют по ушам, черты характера.

Дурдом какой-то! Теперь еще и уши мои понадобились. Придется собрать волосы в хвост, да еще так, чтобы открыть уши. Дело в том, что я носила прямой пробор и гордилась тем фактом, что отношусь к редкому числу женщин, которым он идет. Но с пробором невозможно зачесать волосы, оставив уши открытыми, станешь похожа на чебурашку. Пришлось переложить на косой пробор.

— Ух ты! Как стильненько получилось! — восхитилась Олеся, придирчиво осматривая

меня в зеркале. — Тебе сейчас большие очки и станешь вылитой итальянкой. А еще парэо и пляжную сумку на плечо... Блин, как на море хочется! Пора заканчивать бумажную волокиту и отправляться уже. Иначе, сойду с ума от нетерпения.

На все про все у меня ушло полчаса. Фотоателье, вернее Паша-фотограф с цифровым фотоаппаратом и минимум аппаратуры для печатанья фотографий располагался в соседнем подъезде моего дома. Сделав несколько снимков, они с Олесей выбрали самый удачный и отправили меня домой заниматься делами. Дольше приводила себя в порядок, чем фотографировалась.

В первую очередь я позвонила бабушке. Стыдно было, что вспомнила о ней, только когда понадобилась информация о таинственном родственнике, но деваться некуда. Впрочем, бабушка и этому обрадовалась. Долго выспрашивала, как я живу, почему не приезжаю. Пришлось отделяться ничего не значащими фразами и обещаниями приехать в ближайшем будущем.

О Михаиле Савельеве бабушка рассказала немногим больше, чем мама. Да, действительно, это родной брат моего дедушки. Оказывается, их было не двое братьев, как я всегда считала, а трое. Михаил уехал из России во время Отечественной войны, прихватив сокровища отца, которые тот собирал всю жизнь. Что толкнуло его так поступить, никто из родственников не знает. В ту пору ему едва исполнилось восемнадцать. С тех пор его перестали считать членом семьи, даже не вспоминали, а если и делали это, то между собой не разговаривали.

На вопрос, много ли он с собой увез драгоценностей, бабушка ответить не смогла. Это ее мужу, брату Михаила, не было известно. Он даже не знал о существовании сокровищ, пока брат не исчез. Отец их тоже так и не раскололся, умер вскоре после бегства сына, унеся тайну в могилу.

Интересную вещь я узнала от бабушки, что род Савельевых, оказывается, аристократический, и когда-то считался очень зажиточным. Раньше мне об этом никто не рассказывал, не считали нужным, видно. А может, сама виновата, что никогда не интересовалась своими корнями.

Бабушка, естественно, поинтересовалась, зачем мне все это? Не смогла соврать, ответила честно про виллу и наследство. В свою очередь спросила, откуда Михаил мог знать про меня, почему именно мне решил все оставить? На этот вопрос бабушка не ответила, и такое впечатление сложилось, что сделала это намеренно. Словом, после разговора с ней толком информацией я по-прежнему не располагала, а вот впечатление, что бабушка что-то темнит, не покидало.

Все новости я по порядку изложила Олесе, когда она вернулась с моими фотографиями. К тому моменту я, как примерная ученица, заполнила анкету и бездельничала, разглядывая фото виллы.

— Все ясно, что ничего не ясно, — подвела итог Олеся. — Ладно, будем разбираться на месте. В конце концов, о хозяине могут и стены рассказать.

Я себе почему-то представила говорящие стены и чуть не рассмеялась. Не питала иллюзий, что, прибыв, если еще получится, на место, мы узнаем о Михаиле больше. Скорее всего, загадок прибавится.

Оформление всех необходимых документов заняло два дня, в течение которых Олеся милостиво разрешила мне наслаждаться отпуском. Ничего умнее не придумала, как заняться

генеральной уборкой дома, такой, чтобы из всех углов все выгрести сначала, а потом долго и нудно раскладывать по местам, создавая видимость порядка. Слабая попытка придать квартире ухоженный вид в отсутствие ремонта.

Зато, думать можно было сколько угодно, пока руки заняты физической работой. Чем больше я думала, тем больше затея с поездкой казалась мне авантюрой. Ну, куда я лезу? Зачем мне все это? Вряд ли наследство такое, ради которого стоит прилагать столько усилий.

Вечером второго дня, когда я уже смотреть не могла на свою «блестящую» квартиру и спины не чувствовала от усталости, позвонила бабушка.

— Людочка, ты не передумала ехать? — спросила она, едва поприветствовав.

— Да, вроде, нет.

— Вот, и ладненько. Я тебе там денежку отправила. Сходи, получи завтра утром.

— Бабуль, ну зачем? У меня есть деньги на поездку, — пришлось соврать ей. Деньгами у нас заведовала Олеся, и сколько она заняла, я представления не имела, да и вникать не хотела. Решила, что успею об этом подумать, когда вернемся обратно и встанет вопрос, как и с чего возвращать долг.

— Не спорь. Тебе деньги лишними не будут, а мне они уже ни к чему. Так что записывай код. — Она продиктовала код экспресс-перевода.

Я записала и адрес банка, а потом задала вопрос, который не давал мне покоя с момента последнего разговора:

— Бабуль, ты же мне не все рассказала, верно?

— С чего ты взяла? — спросила она, но даже сейчас в ее голосе слышались нотки колебаний.

— Почему-то мне так кажется.

— Вот что я тебе скажу, Людмила. — Подобное предисловие меня немного испугало. — Всего рассказать я тебе не могу, так уж случилось. Да, думаю, и не нужно это. Ты все узнаешь сама, когда приедешь туда. То, о чем не узнаешь, чего я тоже не знаю, догадаешься, уверена. Доверяй своему сердцу и следуй его подсказкам. Я буду молиться за тебя.

Еще хлеще! Короткой речью бабушка умудрилась внести в мою душу еще больше смятений и сомнений. Что прикажете обо всем этом думать? Я начинала испытывать безотчетный страх, который прибавился к неуверенности, усиливая чувство дискомфорта. Ехать хотелось все меньше.

О разговоре с бабушкой я не стала рассказывать Олеся, когда та явилась чуть позже с радостным известием, что визы готовы, а она купила билеты на поезд до Москвы на завтрашний вечер.

— Славик встретит нас на вокзале. Отдаст визы и паспорта. Потом отвезет в аэропорт. Самолет завтра вечером в восемь тридцать. Ну, не замечательно ли я все провернула? — порхала она по квартире, во власти радостных эмоций, которые я не могла разделить. — Он такой умничка! И визы сделал, и билеты забронировал на рейс до Лампедузы с посадкой в Риме. Ты чего какая хмурая? — наконец-то обратила она внимание на меня. — Завтра изменится ее жизнь, а она ходит, как грозовая туча на солнечном небосводе.

— Просто, устала...

— Интересно, от чего? От отдыха и сна? — съехидничала Олеся, доставая из конверта, который я намеренно оставила на видном месте, фотографию виллы и впиваясь в нее

любовным взглядом. — Я мотаюсь, а она устала. Парадокс, едрит твою налево!

— Я тоже не бездельничала.

— Да? И чем же полезным ты занималась?

— Грязь выгребала столетнюю. Вещи перебирала, лишнее выбрасывала...

— Нашла, чем заниматься, — фыркнула Олеся. — Кстати, о вещах, — спохватилась она.

Видно, ни о чем другом, кроме поездки, рассуждать она была не в состоянии. — Лишнего с собой не бери. Пару платьев и баста! Там жара и мы должны быть налегке. Ограничься одной сумкой.

Я не собиралась брать с собой много вещей. Стопку платьев и футболок со штанами я еще вчера приготовила, чтобы уложить в небольшую сумку-саквояж. Напротив, опасалась, что Олеся возьмет все свои вечерние наряды, и багажных мест у нас будет больше, чем по чемодану в руки. Тем более удивилась, услышав от нее такое предостережение. Как видно, она воспринимала поездку не как развлекательное мероприятие. Этим фактом я была приятно поражена.

— Бабуля выслала нам денег, — на радостях сообщила я.

— Супер! Значит, сможем ни в чем себе не отказывать, — хохотнула Олеся. — По правде говоря, придется нам подвязать пояса. Денег я заняла в обрез, — посерьезнела она. Приятно было осознавать, что она оказалась не такой легкомысленной, как я полагала сначала. — Но и впроголодь жить не будем! — снова улыбнулась она.

Наутро следующего дня я отправилась в банк и получила деньги. Размер суммы меня приятно удивил. Правда, потом я расстроилась от мысли, что бабушка, возможно, выслала мне все свои сбережения. Я поспешила позвонить ей и высказать переживания. Она строгим голосом велела не забивать голову ерундой, а заниматься делом. Уверила меня, что эти деньги ей без надобности, что она оставила себе сумму на черный день и пенсии хватает, чтобы жить безбедно. В общем, я получила четкие инструкции ни в чем себе не отказывать и радоваться жизни.

Вечером мы с Олесей садились в поезд, следующий в Москву, она — полная радостных предчувствий и ожиданий, я — уверенная, что мы ищем приключения на свою голову и найдем обязательно, и они не покажутся нам приятными.

Не успели устроиться в купе, как Олеся достала две бутылки пива.

— Нужно обязательно выпить за начало нашего путешествия! — провозгласила она тост, откупорив мою бутылку, потом свою, и стукнув их друг об друга. — Чтобы наша поездка прошла замечательно.

— Кстати, — вспомнила я, с удовольствием отхлебнув прохладного пива в душном вагоне. — Как ты на работе-то все объяснила? — Странно, что я не догадалась поинтересоваться этим раньше. Вела себя, как эгоистка, полностью поглощенная своими проблемами и переживаниями.

— А никак. Я уволилась.

— Как?

Ничего себе новость! Зачем увольняться-то?

— А чего ты так распереживалась? — равнодушно поинтересовалась она. — Я и без этого подумывала увольняться. Манала я эту работу вместе с гримзой. Она у меня уже в печенках сидит. Вернусь, найду себе лучше. Кстати, тебе тоже советую подумать о смене места работы. Не загоняйся, я нам обоим найду такую работу!..

Она разглагольствовала, попивая пиво, а я удивлялась и восхищалась, как у нее все просто. Взяла и уволилась, потому что не нравится работа. Я бы решалась на такое с полгода, а потом бы еще долго думала, правильно ли поступила?

В Москве, на вокзале, нас встретил раздобревший со школьных времен и явно довольный жизнью Славик. Он с мигалкой домчал нас до аэропорта и извинился, что не может провести с нами время до вылета. Для этого ему пришлось бы целый день торчать с нами в здании аэровокзала. Гулять по Москве мы не решились намеренно, чтобы не было соблазна потратить деньги.

— Пошли в бар, хрястнем по чуть-чуть, — предложила Олеся. — Все-таки в полете предстоит провести три с половиной и еще час. Что-то меня мандражирует немного.

Меня мандражировало не немного. Я панически боялась летать. Поэтому с радостью согласилась пропустить пару рюмок, а заодно и пообедать. Есть хотелось жутко, в поезд, кроме печенья и чая мы ничего другого взять не удосужились. Поэтому сейчас мой организм требовал мяса.

В уютном баре аэровокзала мы обосновались основательно, чтобы не слоняться без дела. Олеся заказала сразу двести граммов коньяка. По паре рюмок мы умудрились пропустить без закуски, пока ждали ее. Мне заметно похорошело. Под плотную закуску из свиной отбивной со сложным гарниром ушли остатки первых двухсот граммов. После этого заказывали еще два раза по двести. Или три?.. Точно я не запомнила. Что было дальше, я вообще помню местами. Хорошо, что Олеся перепить не мог даже самый крепкий мужик. От спиртного она становилась только более разговорчивой, но пьяной вдрызг я ее не видела никогда.

Нам удалось-таки достойно проществовать в самолет, не вызывая подозрений у таможенников и пограничного контроля. Уже в салоне, удобно устроившись в кресле, я позволила себе уснуть, и проснулась только, когда приземлились в Риме. Из самолета не выпускали, пока заправляли топливом. У меня началось жуткое похмелье, и всю дорогу до Лампедузы я страдала головной болью и тошнотой. Страх отошел на второй план. А потом я и про похмелье забыла, или оно прошло незаметно.

глава 3. Прибытие

Когда мы приземлились в аэропорту Лампедузы, еще сидя в самолете и ожидая, когда стюардесса пригласит на выход, я почувствовала, что жизнь моя резко изменится. Интуиция кричала во весь голос, а я никак не могла разобраться, о хороших или плохих переменах она меня предупреждает. Олеся суежилась рядом, складывая в сумку книгу, газету, косметичку... все, что успела достать во время полета. Она даже не поленилась освежить макияж, когда самолет пошел на посадку, и меня ругала, что прибываю в новую страну, похожая на пугало огородное.

— Ты, хоть, расчешись, — шипела она, подкрашивая губы рубиновой помадой. — Чего народ-то отпугивать. На, вот, брызнься. — Она протянула мне флакон туалетной воды. — Боюсь, спиртным от нас будет тарашить. Где-то у меня была жвачка. Ага, нашла. На, жуй, — протянула мне пластинку.

Я действовала, как послушный робот, и ничего не могла поделать с заторможенностью. Сунув в рот жвачку, достала расческу и пригладила волосы. В зеркало смотреть не хотелось, боялась заглянуть правде в глаза и увидеть отражение своих страхов.

Народ начал продвигаться к выходу. Олеся вскочила, намереваясь оказаться в числе первых. Я придержала ее за руку.

— Давай, подождем немного. Пусть все выйдут, — слабым голосом попросила.

— Ты чего это такая бледная? Трусись? — она подозрительно всмотрелась в мое лицо.

— Что-то не по себе мне как-то, — попыталась отмазаться я.

— Люсь, ты ненормальная, да? Ты, хоть, осознаешь, что приехала сюда получать наследство?!

Осознавала ли я? Скорее нет, чем да. Теоретически знала, что двоюродный дед ни с того ни с сего, по одной ему понятной причине, решил оставить мне в наследство свою недвижимость. Вот только, не могла избавиться от ощущения, что все это дурной сон. Испытывала потребность проснуться и зажечь, как раньше, спокойно, пусть и скучно.

— Ну-ка, вставай, давай! — Олеся схватила меня выше локтя и потянула вверх. — Не беси меня. Ведешь себя, как столетняя матрона или монахиня, не покидавшая стен монастыря сто лет.

Салон самолета уже практически опустел. Если я не встану сама, то меня будут выдворять отсюда с полицией. А потом еще покажут в местных, а может и не только, новостях, что туристка из России до такой степени испугалась неизвестности, что решила провести отпуск в самолете. Фантазии рассмешили, и я тихонько захихикала.

— С ума сходишь, да? — повернулась недовольная Олеся. — Теперь смеешься в одно рыло? Скоро разговаривать сама с собой начнешь.

— Да, это я так... просто.

Ничего себе воздух! Я даже остановилась, выйдя на трап. Пахло влагой и солью, с примесью мазута и еще чего-то экзотического. Освежающий ветерок обдувал лицо, шевелил волосы, проникал под платье.

— Запах свободы! — восторженно воскликнула Олеся, схватила меня за руку и потащила за собой. — Чего застыла, пошли уже.

От самолета, до маленького и неказистого здания вокзала мы добирались пешком.

Пассажиры тянулись гуськом по летному полю, щедро обдуваемые ветром с моря.

В одном небольшом зале вокзала находилось все сразу: и ожидающие вылета, и встречающие, и кассы... Тут же, за небольшой перегородкой, мы получили багаж, через пятнадцать минут, которые ушли на обозрение окрестностей. Я по-прежнему ощущала нереальность происходящего. Олесе приходилось повторять по два раза, прежде чем до меня доходил смысл сказанного.

С радостью оказалась опять на улице, когда получили багаж. Воздух мне нравился, даже казался вкусным, а вот окружающий пейзаж разочаровал сразу. Растрескавшийся асфальт с пробивающейся высушенной зеленью, гигантские кактусы, карликовые лысоватые деревья кое-где и солнце, палящее, выжигающее все на своем пути. Никаких тебе таксистов, суесящихся и заманивающих туристов. Даже автобусной остановки рядом я не заметила.

Олеся не собиралась унывать.

— Так, достаем головные уборы! — скомандовала она. — Иначе, пока доберемся до места, превратимся в обгорелые головешки. Я сейчас...

Она достала из сумки письмо и сунула его под нос первому попавшемуся мужчине, везшему пустую грузовую тележку, предположительно работнику аэропорта. Показав ему обратный адрес и задав несколько вопросов, получила нужное направление. Мужчина просто указал рукой, в какую сторону нам следует двигаться дальше.

— Тут недалеко, слава богу, — вернулась она, отдуваясь и обмахиваясь письмом. — Он сказал, что пешком доберемся быстрее, чем ждать, когда будет следующий автобус. Не повезло нам, только ушел...

Недалеко — понятие растяжимое. Если в комфортных условиях и налегке, то да. Хоть у нас из багажа и было всего по одной сумке, но, к тому моменту, как добрались до нужного дома, петляя и все время уточняя направление у прохожих, мы стали похожи на вареных раков.

Одноэтажное небольшое строение, на котором числился нужный нам адрес, больше смахивало на жилой дом, нежели на нотариальную контору, чем, по сути, и являлось. Веранда с плетеными креслами, какие-то вещи, развешанные на натянутой между деревянными подпорками веревке. В одном из кресел сидел мужчина, курил и что-то потягивал из запотевшего бокала.

Олеся, на всякий случай, решила уточнить еще и у него, по адресу ли мы пришли? Он активно закивал головой и что-то затараторил, показывая на дверь. За дверью оказался тесный и темный коридор, и которого вели четыре двери, по две с каждой стороны.

— Нам сюда. — Олеся толкнула первую дверь слева.

Комната, в которой мы оказались, не сильно отличалась от коридора размерами. Единственно, была чуть более освещена, благодаря давно не мытому небольшому окну, художественно пропускающему солнечные лучи. За заваленным бумагами столом сидел дедок в очках, дымил сигарой и читал газету. Воздух до такой степени был пропитан табачным дымом, что даже глаза начали слезиться. Странно, что он курил и даже не удосужился открыть окно.

Дедок продолжал читать газету, не обращая на нас внимания, пока Олесе не надоело это, и она громко не кашлянула. Только тогда он соизволил поднять на нас глаза и посмотреть поверх очков.

Олеся бодро прошла к столу, уселась на стул и велела мне занять второй, пустовавший рядом. Она положила перед дедком письмо и превратилась в слух. Нотариус не спеша достал

из конверта бумаги, прочитал их, кивнул и отложил в сторону. Затем коротко что-то спросил у Олеси. Она указала на меня и что-то ответила.

Не очень приятно наблюдать оживленную беседу, не понимая ни слова. Интересно, что бы я делала, если бы со мной не было Олеси, отлично владеющей итальянским? Хотя, в таком случае, я бы вообще вряд ли тут находилась. Скорее всего, так и не рискнула бы отправиться в путешествие. В лучшем случае, делами бы занялось какое-нибудь доверенное лицо или еще кто-нибудь. Такое, наверное, тоже практикуется? Ну, не все же могут бросить дела, найти необходимую сумму и рвануть за наследством. Я бы оказалась из их числа. Честно говоря, я с трудом представляла порядок своих действий после получения письма, не будь рядом Олеси.

Размышления на тему «если бы да кабы» прервала Олеся, подсунув мне какие-то бумаги.

— Подписывай! — велела она и стала показывать, где мне нужно оставлять свой автограф. — Объясню все потом, — прервала она готовый сорваться с моих губ вопрос. — Не переживай, тут все чисто.

В этот момент я восхищалась ее сноровкой и деловыми качествами. Что она потеряла в редакции какой-то газетенки? Это явно не ее призвание. Ей бы работать в суде или в налоговой инспекции, или еще где. С ее-то способностью вести дела! И образование она явно не то получила. Экономический факультет политеха... Из нее получился бы отличный юрист.

Дедок встал из-за стола, продемонстрировав нам довольно крепкую фигуру. Не такой он и старый, как показался сначала. Достал из шкафа связку ключей и направился к выходу.

— Пошли! — Олеся надела свою самбреру, и я последовала ее примеру, нацепив на голову бейсболку. Ее я приобрела специально в поездку, решив, что такой головной убор больше подходит моему спортивному типу одежды. Для путешествия я выбрала трикотажное платье выше колена. В нем удобно, и, главное, оно не мнется. Правда жарковато немного, я чувствовала, как местами оно стало мокрым. Зато, ногам было комфортно в открытых сандалиях на плоской подошве. Как Олеся передвигается на шпильках по колдобинам и впадинам неровного тротуара, по которому мы спешили за семенящим впереди дедком, я старалась не думать. У них тут все пешком ходят что ли? Да нет, вроде и машины есть. Я огляделась по сторонам и специально зафиксировала тот факт, что есть проезжая часть, по которой периодически проезжают машины, сигналижая пешеходам.

Я чувствовала, как постепенно выдыхаюсь, особенно когда дорога превратилась в узкую тропинку и повела в гору, оставляя жилую часть города за спиной.

— Долго нам еще идти? — поинтересовалась я у Олеси.

— Заметь, я тоже тут впервые, — повернулась ко мне красная она.

Только тут я сообразила, что на своих каблуках устала она гораздо сильнее меня. Да и сумка у нее была потяжелее. Ответить я не успела, она обратилась к провожатому.

— Скоро придем, — опять повернулась ко мне Олеся, выслушав ответ дедка. — Дом на отшибе, возле самого моря. Купаться можно будет каждый день, — с воодушевлением закончила она.

Мне эта новость тоже придала сил. Сейчас бы окунуться в освежающую водичку и на время забыть обо всем, смыть с себя усталость путешествия.

Наконец, тропинка вывела нас на небольшое плато между двумя утесами. Плато было покрыто каменистой почвой. Пробираться к нему нам пришлось через заросли колючек.

Пока Олеся доставала колючки из моих волос, а я из ее, нам было не до осмотра местности. А посмотреть было на что, как я поняла чуть позже.

Пока я снимала колючки с платья, Олеся разговаривала с провожатым. Я даже не прислушивалась, злясь на себя, что поперлась на этот остров, на судьбу, что покинула мне это испытание, короче, на все на свете. Я проклинала всех и вся, когда поняла, что Олеся обращается ко мне:

— Это плато принадлежало твоему деду, а теперь тебе, — сказала она. Выглядела при этом торжественно.

Вот тут я остолбенела от охватившего меня чувства восторга. Площадка, не больше трехсот квадратных метров, закрытая с двух сторон скалами, сзади зарослями колючек, открывала взору бескрайнее синее море. На ней самой, как и везде почти ничего не росло, кроме отдельных вкраплений пожухлой травы. Но факт отсутствия сочной зелени не делал картину менее волшебной. Мне казалось, что я попала в далекое прошлое, не тронутое цивилизацией.

К левой скале пристроен одноэтажный дом, частично скрытый забором. Но мне пока было не до него. Хотелось ближе посмотреть на море, тем более что дедок уже стоял на краю плато и активно жестикулировал, призывая нас. Подойдя ближе, я заметила уходящую вниз, достаточно крутую тропинку с редким кустарником по бокам и каменистый пяточок внизу, перед морем. С пяточка вел деревянный пирс, к которому была привязана моторная лодка. Дедок что-то говорил, а Олеся переводила:

— Пляж тоже теперь твой, а раньше находился в частной собственности твоего деда. Лодка — тоже. Тропинка только выглядит крутой. На самом деле спускаться по ней легко, он сам пробовал. Правда, подниматься тяжеловато. — В этом месте дедок рассмеялся.

Мне было все равно, легко или тяжело спускаться. Я вдруг осознала, что раз пляж мой, то и кусочек моря я тоже могу считать своим. Невозможно передать словами, что я испытала в тот момент, но чувство это было похоже на эйфорию с примесью гордости.

— Я у него спросила, все ли пляжи тут такие, с огромными булыжниками, — говорила между тем Олеся. — Он говорит, что если идти на юг, но дойдем до песчаных пляжей. Мне как-то это больше улыбается. Тут даже прилечь позагорать негде...

А мне нравится. И лежать совсем не обязательно. Зато можно посидеть на камне и помечтать, глядя на ровную морскую гладь. Определенно, я начала влюбляться в этот дикий и негостеприимный уголок природы.

— Он заверяет, что мы с тобой запросто справимся с моторкой, стоит только один раз посмотреть, — щебетала Олеся, которую я слушала в пол уха, думая о своем. — Оказывается, у них тут почти у всех есть моторные лодки. Представляешь?

— Ага, — машинально кивнула я.

— Что, ага?! Опять размечталась и унеслась в заоблачные дали? Пошли уже в дом, я еле держусь на ногах. — Она что-то сказала нотариусу, и тот, достав из кармана ключи, направился к калитке.

Несмотря на палящее солнце и то, что платье промокло от пота, мне не хотелось уходить. Казалось, я могу вечность стоять и смотреть на море, пока не сгорю дотла. Но Олеся права, пора прятаться в дом, по времени как раз разгар сиесты. Если мне себя не жалко, то уж дедка точно нужно побережь, он нам еще пригодится.

Подойдя ближе к забору, я поняла, почему толком невозможно рассмотреть дом? Он прятался за густой растительностью, не характерной для этой местности. Вдоль забора

росли пальмы и какие-то кустарники с листьями, больше похожими на длинные шипы. По бокам высились два одинаковых дерева с крупными толстыми листьями, блестящими на солнце, словно их каждое утро протирают от пыли и чем-то пропитывают для блеска. Удивительно! Как я сразу не обратила на это внимание?

Нотариус, меж тем, открыл калитку и пропустил нас вперед. Мы ступили на поверхность, выложенную отполированным камнем. Это как булыжниковая мостовая, только абсолютно гладкая и чистая, ни единой соринки кругом. Слева и справа от дома располагался приусадебный участок. А прямо перед домом из камней была выложена круглая клумба с растущим в ней карликовым деревом.

— Красотень какая! — восторженно пропела Олеся и прислушалась к тому, что говорит ей нотариус. — Он сказал, что твой дед все здесь построил своими руками: и дом, и сад... Представляешь, все?! — Она потрясенно смотрела на меня. Да я и сама потеряла дар речи. Даже не понимала, как относиться ко всей этой красоте?

Дом начинался просторной верандой, без ступенек или какого другого пьедестала. Каменная площадка просто уходила под навес. Я так и не поняла, из чего он был сделан, но по виду напоминал черепичный. Как и веранда, навес шел вдоль всего периметра дома, кроме задней стены, что вплотную примыкала к скале. А, может, стены и не было, возможно ею служила скала. Навес поддерживали колонны из камня, квадратные в сечении, а одной стороной он упирался в дом, выступающий над ним правильным прямоугольником и заканчивающийся плоской крышей с резным ограждением.

— На крыше солярий, — перевела Олеся слова нотариуса, когда тот проследил за моим взглядом. — Там можно загорать! — Она впадала во все большей восторг, забыв, что еще недавно умирала от усталости.

Почему-то у меня возникали ассоциации с японскими жилищами, глядя на дом. Возможно, такое впечатление складывалось именно из-за своеобразной формы, которую представляли навес и крыша, если рассматривать их вместе.

— Этот камень очень долговечен, — сказал дедок, указывая пальцем вниз. — Весь материал, — он развел руки в стороны, давая понять, что имеет в виду не только дом, — экологически чистый, ни чем не пахнет. Дом не боится солнца и хорошо моется.

На веранде непривычно прохладно, она тонет в полумраке. Кроме стола с четырьмя стульями и двух подвесных плетеных кресел, крепящихся к навесу, больше ничего из мебели. Стены дома выкрашены в красный цвет, а понизу идет каменный купон, как и вдоль дверь и окон. Вкупе все смотрится гармонично, у деда явно имелся отменный вкус и мастерство.

Что особенно удивило, так то, что наружную стену дома, с той стороны от двери, где не было окна, увешивали небольшие картины в одинаковых рамках. Я подошла ближе и поняла, что это репродукции, причем не самые лучшие. Интересный выбор.

— Твой дед, наверное, не очень разбирался в живописи, — проследила за моим взглядом Олеся.

Не считая просторной кухни и санузла, в доме имелось всего три комнаты — гостиная и две спальни. В одной спальне стояла огромная кровать, занимая почти все пространство. Другая спальня была примерно такого же размера, только кроватей там имелось две — полутороспальных. Интересно, зачем деду понадобилось столько кроватей, если он жил один?

В гостиной стоял овальный стол с массивными ножками, четыре стула под старину и небольшой диванчик. Другой мебели не заметила, зато имелось несколько напольных ваз и

множество картин на стенах. Полы везде выполнены из каменной плитки и тоже способствовали приятной прохладе.

Нотариус попрощался и ушел. Олеся упала на диван, окончательно потеряв способность двигаться и соображать. Я чувствовала примерно то же, только продолжала стоять посреди гостиной. Тут я заметила старинный комод в углу комнаты, который не увидела раньше. На комод стояла фотография в позолоченной рамке. Каково же было мое удивление, когда я подошла ближе и узнала на фотографии себя!

Глава 4. Неожиданные открытия

Я взяла в руки собственный портрет. Надо же, какой тяжеленный! Рамка выглядела помпезно, выполненная под золото, а стекло казалось очень толстым. Это же сколько мне тут лет? Я пыталась вспомнить, когда фотографировалась? Вроде, тогда я как раз заканчивала школу. Получается, что на снимке мне лет восемнадцать?

— Олесь, — позвала я.

— Ну что еще? — Подруга нехотя поднялась с дивана и босиком доковыляла до меня. Туфли она сняла сразу же, как зашла в дом.

— Как ты это объяснишь? — спросила я, протягивая ей портрет.

— Люська, это же ты!

— Вот именно!

— Получается, дед тебя видел?

— Вряд ли... — размышляла я. — Но, он точно знал обо мне. Только откуда, ума не приложу.

Я взяла у Олеси фотографию и вернула ее на место. Почему-то стало страшно, что та может выронить ее и разбить. В тот момент я подумала, раз дед так хотел, чтобы фотография тут стояла, значит, так тому и быть. По крайней мере, пока.

— Разберемся, — уверенно произнесла подруга и вернулась на диван. — Ноги гудят, стоять не могу. Чур, моя комната с большой кроватью, — предупредила она, — я уже отнесла туда сумку.

Когда только успела? Моя сумка до сих пор стояла на полу, посреди гостиной.

— Я так есть хочу, что ни о чем больше думать не могу, — пожаловалась Олеся. — Но, даже двинуться сил нет, чтобы куда-то пойти или что-то сделать.

— Не думаю, что в доме есть что-то съестное. — Я подошла ближе и тоже опустилась на диван. — Не хочешь мне все рассказать? — спросила я, откинувшись на спинку дивана, чувствуя, как мышцы расслабляются.

— Да больно-то рассказывать нечего, — сонным голосом пролепетала Олеся. Меня тоже клонило в сон, сказывалось длительное путешествие и усталость. — Твой дед составил официальное завещание, по которому все, чем он владел, переходит к тебе. Все необходимые документы ты подписала. Там все чисто, я проверила. Кроме дома, у него есть кое-какие сбережения. Правда, основная их часть ушла на уплату налога на наследство. Завтра можно будет сходить в банк и узнать, сколько осталось? Там еще какая-то сумма освобождается от налогообложения, но я не очень поняла. Думаю, в банке нам объяснят все популярно. Она каким-то образом зависит от степени родства. Я в этом не разбираюсь. Да, — встрепенулась Олеся, — чуть не забыла... Дет тебе еще оставил рыболовецкий корабль, представляешь?

— Интересно. — Сон, как рукой сняло. — И что я с ним буду делать?

— А вот это самое интересное. — Олеся тоже резко проснулась и забралась с ногами на диван, устраиваясь поудобнее. — В завещании есть одно условие, что ты наследуешь все только в том случае, если соглашаешься, чтобы корабль продолжал работать.

— Рыбу ловить что ли? И что с ней делать?

— Можно сказать, что твой дед был меценатом или филантропом, обзывай, как хочешь. Весь улов он за гроши продавал беженцам, которых тут видимо невидимо. Нотариус

сокрушался, что их тут больше, чем коренных жителей. Все они прибывают из Африки за лучшей жизнью. Местные жители их не любят, особенно летом, когда разгар курортного сезона. Они только летом и зарабатывают более или менее. Зимой тут все ловят рыбу. Тем и живут. Из-за наплыва беженцев, поток туристов резко снизился. Бедные местные жители, их остров заклеили черной меткой, пусть и на время. Разрулят же власти когда-нибудь все это... Из-за беженцев в этом году очень мало туристов...

Какое-то время Олеся размышляла на тему заработка местных жителей, которому мешают беженцы. Я задумалась и поняла, что мне жаль этих бедных людей. Не будут же они просто так бежать из родных мест? Значит, им там совсем несладко живется? А получается, что и тут они никому не нужны — ни правительству, ни местным жителям. Скорее всего, большинство из них, после продолжительных мытарств, депортируются обратно. А дед молодец, раз хоть как-то пытался облегчить их существование. Только ума не приложу, как я со всем этим буду справляться?

— ... В общем, корабль должен продолжать работать в нужном режиме, — прислушалась я опять к словам Олеси. — Не думаю, что это будет сложно устроить. Можно завтра встретиться с капитаном и обо всем поговорить.

— А где он? Корабль?

Мне почему-то представлялся парусник, как в «Алых парусах». И почему я его не видела, когда любовалась морем?

— В порту, где же еще? Каждый день, кроме выходных, они в восемь утра отправляются в море за уловом. Наверное, завтра лучше встать пораньше, чтобы успеть до отплытия. Или можно наведаться на корабль вечером. Решим потом.

Олеся прилегла на подлокотник и закрыла глаза, широко улыбаясь.

— Люсь, ты только подумай, мы в Италии! Представляешь? Отсюда до Сицилии рукой подать. Да мы с тобой куда угодно можем съездить! Даже в Венецию! Обалдеть... Могла ли ты мечтать о таком?

Для меня все происходящее в настоящий момент продолжало казаться сном. Вроде я и понимала, что нахожусь далеко от дома, но не осознавала, что это происходит на самом деле. Как-то все слишком нереально: дед, про которого я ничего не знала, наследство, свалившееся на голову и оглушившее, как раскат грома. Наверное, нужно время, чтобы все осознать.

Я посмотрела на Олесю. Она сладко посапывала, свернувшись в углу дивана. Улыбалась каким-то своим мыслям, перетекающим во сны. Решила последовать ее примеру, устроилась на другом подлокотнике.

Мне снилось, как я купаюсь в море. Оно было таким же, как в моем прошлом сне, штормящем. Но в этот раз я не боялась, ныряла в волны с бесшабашностью юной пловчихи. Ждала, когда вспенится огромный барашек, и бросалась под него. Хотела ощутить, как толща воды накрывает, погружая на короткий промежуток времени на глубину, но тут же оказывалась на поверхности. Раз за разом кидалась под волны, но продолжала всплывать, как поплавков.

А потом я увидела его. Он, как и в первый раз, боролся со стихией на глубине. И в этот раз я отчетливо поняла, что он тонет. Поплыла в его сторону. Гребла размашисто, прилагая максимум усилий, но не двигалась с места, волны постоянно откидывали меня назад, в сторону берега. Его голова все реже показывалась на поверхности. Нужно что-то предпринять, иначе он утонет. И вот я взлетаю над волной и перепрыгиваю ее. Как дельфин,

совершаю пируэты в воздухе, кувыркаюсь в прыжке.

Я уже почти доплыла, как проснулась... И опять меня разбудила Олеся, только в этот раз ее не было в моем сне.

— Люська, подъем! Ты дрыхнешь полтора часа. Если я сейчас не поем, то растерзаю тебя, как голодная хищница.

Как будто не она первая решила поспать? Реальные события мгновенно восстановились в памяти. Даже на время мне не показалось, что нахожусь в родном городе, в своей квартире. Каким-то непостижимым образом дом деда стал для меня родным, словно я жила уже тут сто лет.

— Пойдем, что покажу, — позвала Олеся. — Я уже тут произвела разведку боем.

Мы вышли во двор. Олеся сразу нырнула за угол дома, приглашая меня следовать за ней. Пройдя через живую изгородь, я остановилась пораженная. В тени деревьев, насаженных вдоль забора, приютились два шезлонга с небольшим столиком между ними. Вдоль дома тянулся ряд каменных клумб, наподобие центральной, только поменьше. В каждой из них росли экзотические деревья на кривых стволах с толстыми листьями.

— С другой стороны дома так же, прикинь? Только без лежаков, — восторженно откомментировала Олеся. — Мне кажется, твой дед специально готовил тут все к твоему приезду. Даже лежака два! Он как будто знал, что ты приедешь не одна.

Удивительная гармония! Куда не глянь, все ласкает взгляд.

— Сколько лет ему было примерно? — размышляла я. — За восемьдесят?

— Восемьдесят три, — кивнула Олеся. — Нотариус сказал, — ответила она на мой изумленный взгляд. — Но, говорит, мужик он был крепкий, никто не давал ему больше шестидесяти.

— А от чего же он умер?

— А я и не спросила. Не догадалась, — ответила Олеся. — Поинтересуемся в следующий раз.

Странно... Я была уверена, что дед был старый и дряхлый. Нужно будет покопаться в его вещах. Может, найду какие-нибудь фотографии. Интересно, каким был человек, что жил здесь? Почему он не женился? Может, какой физический изъян помешал этому? Хотя, теперь я в этом сомневалась.

— Пошли куда-нибудь, поедим, а? — Олеся скорчила недовольную гримасу и схватилась за живот. — У меня уже внутренности ломит от голода.

Кто же против? Я и сама испытывала волнообразные приступы. Наверное, если бы сейчас запахло чем-то типа котлет, я бы просто умерла от вожделения.

Через полчаса мы выходили из дома, экипированные для пляжного отдыха. Я обмоталась красной в белые крупные цветы парео, голову спрятала под широкополую белую шляпу, а глаза — за огромными солнечными очками. Олеся выглядела примерно так же, только ярче и экстравагантнее. Ее парео блестело золотом и едва прикрывало плавки купальника. Я уже стала переживать за бедных представителей мужского пола на этом острове. Смогут ли они вынести подобное великолепие в лице моей подруги, если даже я залюбовалась ее фигурой и формами? Я ей не завидовала, хоть и не могла похвастаться тем же. Свою фигуру считала мальчишеской — слишком худая, высоковатая для женщины и с формами, явно уступающими Олесиным. В пору юности мама называла меня кипарисом. Она говорила: «Ты у меня такая стройная, что любой рядом с тобой чувствует себя сутулым. Вылитый кипарис! И такая же неприступная». Странно, когда тебя сравнивают с деревом. С

годами я нарастила немного мяса, но, все равно, считала себя чересчур худой. К тому же еще рыжей и веснушчатой. Сейчас свои огненные волосы я спрятала под шляпу, предварительно собрав в пучок.

Как велел полководец в лице Олеси, мы без труда преодолели тропинку к морю и решили двигаться вдоль его кромки на юг, туда, где предположительно находились песчаные пляжи.

— Если там есть пляж, значит рядом обязательно должен быть бар, — рассуждала логически Олеся. — Должны же люди где-то есть.

А я вот заглянула в Интернет перед отъездом. Информации о Лампедузе толком не нашла, но прочитала отзыв одной путешественницы. Так вот она предупреждала, что баров и ресторанов тут не так уж и много. Еду, желательно, брать с собой, отправляясь на пляж. Но разубеждать Олесю не стала, рассудив, что из дома нам все равно брать нечего.

Несмотря на то, что время близилось к вечеру, солнце палило нещадно. За полчаса, что мы провели в пути, я успела взмокнуть и дышала с трудом. Если бы не приступы голода, я бы плюнула на поиски пляжа и бара и рванула бы в море, которое приятно охлаждало ноги. Я буквально предчувствовала блаженство, которое испытаю, когда смогу окунуться в него целиком.

Слава Богу, Олеся оказалась права. Первым, что мы увидели, оказался небольшой бар с пятью столиками под тряпичным навесом. До пляжа мы еще даже не добрались.

— Ура! Мы спасены! — рванула Олеся к небольшому строению из камня.

В то время как Олеся кокетничала с симпатичным барменом, который пришел от нее в полный восторг, я изучала меню. Цены баснословные! Я, конечно, понимаю, что в курортный сезон они стремятся заработать как можно больше. Но не до такой же степени! Мы себе точно не можем позволить каждый день питаться в баре. Разве что раза два в неделю. Нужно прикупить продуктов и готовить самим.

— Ты видела, какой хорошенький? — прошептала Олеся, кивая в спину бармена, который наливал нам пива, отдав заказ на кухню. — Серхио зовут. Нужно будет почаще сюда захаживать.

Я промолчала. Кроме того, ответить мне было нечего, я даже не рассмотрела лица бармена. Фигура сзади и правда выглядела ничего. Он явно демонстрировал нам свои мышцы, которые бугрились в вырезах борцовки. Потом появилась возможность рассмотреть и лицо, когда он повернулся, вручая нам по бокалу холодного пива. Вылитый итальянец, с черными кудрями, искрящимися смехом глазами и ямочками на щеках, когда он широко улыбался, обнажая два ряда белоснежных зубов. И правда, очень симпатичный и, кажется, дружелюбный.

— Как думаешь, не замутить мне с ним романчик? — спросила Олеся, когда мы расположились за столиком и принялись потягивать пиво в ожидании заказа.

— Мне кажется он немного моложе тебя.

— И что? В мамы-то я ему все равно не гожусь.

Я так прикинула, бармену от силы года двадцать четыре. Не такая уж и большая разница с тридцатилетней Олесей. Она как раз сейчас находится в свободном полете, уже два месяца, как рассталась с парнем. Почему бы и нет? Все ж не будет так скучно.

Когда парнишка принес нам заказ, Олеся еще немного с ним пообщалась, одаривая самыми лучезарными улыбками из собственного арсенала. Он явно попал под ее очарование и не скрывал этого, беззастенчиво разглядывая ее фигуру, ныряя взглядом в запах парео на

груди, который больше показывал, чем скрывал.

— Завтра он научит нас пользоваться моторной лодкой. Не хочу больше ходить пешком, — мечтательно произнесла Олеся. — Ради такого случая я готова встать в шесть утра.

— А чего так рано-то?

— Потому что так рано он придет учить меня, — плотоядно улыбнулась она.

Кормили тут вкусно, что частично компенсировало неприятное впечатление от цен. Я заказала рыбный коктейль. Его подали на дымящейся сковородке. Не заметила, как сковородка опустела, с таким аппетитом уплетала. Мы выпили еще по одному бокалу пива, прежде чем покинуть бар. Олеся скрылась внутри, чтобы расплатиться по счету. Вернулась покрасневшая и еще более довольная.

— Серхио сказал, что чуть дальше есть отличный песчаный пляж. Правда, он предупредил, что это частные владения, но хозяин на острове практически не бывает. И сейчас его как раз нет. Так что, нам никто не помешает искупаться, — просветила меня она.

Никогда не видела такого белого песка. Он серебрился в лучах заходящего солнца и манил растянуться на нем и поблаженствовать. Но море притягивало сильнее. Хотелось смыть дневную усталость, пополнить запас энергии.

— Мы тут совершенно одни, прикинь? — восхитилась Олеся. — Это теперь будет наш собственный пляж.

Я не стала разочаровывать ее, что не собираюсь таскаться в такую даль впредь, что меня вполне устраивает наш каменистый.

— А давай голышом! Помнишь, как мы играли в русалок? — предложила Олеся.

Когда нам был лет по тринадцать, мы с моими родителями ездили на море. Турбаза находилась рядом с железнодорожным полотном. Море — в тридцати метрах от домика. Только пляжи были переполнены народом. А если перейти через железную дорогу, то с другой стороны находился лиман, всегда пустынный. Вот туда мы с Олесей и бегали купаться. И там мы каждый день представляли себя русалками, купаясь голышом. А иногда мечтали, что с вертолета нас увидит принц, обалдеет от нашей неземной красоты и заберет в свое королевство. Сейчас об этом смешно вспоминать, а тогда фантазии нас переполняли. Куда только все девается с годами?

— Ты идешь? — Олеся уже полностью разделась и входила в воду.

Я все еще размышляла, скидывая парéo. Может, и правда, вспомнить детство? Ведь совершенно пустынно. Кого стесняться? А, была-не-была. Я быстро скинула купальник и присоединилась к подруге.

Море приняло меня, как родное, ласково окутывая водами, приглашая насладиться ощущениями. Олеся заплывла вперед, и мне пришлось догонять ее. Надо же, какая прозрачная вода! Даже на глубине, когда мы решили остановиться и отдохнуть, проглядывалось дно. А заплывли мы достаточно глубоко.

— Смотри, сколько рыбы! Они нас совершенно не боятся! — восхищалась Олеся, всматриваясь в воду, работая руками и ногами.

Рыба тут, и правда, отличалась бесстрашием, плавала, касаясь нас скользким тельцем и совершенно не испытывая неудобства.

— Это потому, что мы с тобой тоже рыбы, — рассмеялась я. — Русалки же...

Мы плавали, пока мышцы не начало ломить от усталости. Периодически откидывались на спину и беседовали ни о чем, глядя в безоблачное небо. Хорошо, солнце уже находилось

возле самого горизонта и не слепило глаза. Не помню, когда в последний раз испытывала подобное блаженство.

— Наверное, пора возвращаться, — предложила я, когда заметила, что солнце практически полностью скрылось. — Думаю, скоро начнет темнеть.

Мы поплыли к берегу. Стоило коснуться дна ногами, как я услышала возглас Олеси:

— Ой-ой! Кажется, у нас проблемы. — Она смотрела на берег, и я, обуреваемая плохими предчувствиями, проследила за ее взглядом.

Сердце сделало резкий скачок от испуга, когда я заметила мужчину. Он стоял на берегу и смотрел на нас. Расстояние между нами было приличное, и я надеялась, что он не видит наших обнаженных тел. А если даже и видит, то без подробностей.

Интересно, как давно он уже тут стоит? И долго ли еще собирается это делать? Как назло, почувствовала, что начинаю замерзать от долгого нахождения в воде. К тому же солнце уже полностью опустилось за линию горизонта.

— Кто это, а? Скажи ему, чтобы проваливал, — попросила я Олесю.

Она не выглядела испуганной, с интересом разглядывала мужчину. Я его толком не могла рассмотреть с такого расстояния. Поняла только, что он достаточно молодой и высокий. А еще бросились в глаза его спортивная фигура с широкими плечами, кипильно белая майка на загорелом теле и засунутые в карманы шортов руки, из-за чего поза, в которой он стоял, выглядела нахальной.

Олеся затараторила на итальянском, жестикулируя руками. При этом она широко улыбалась. Интересно, что забавного она находит в этой дурацкой ситуации? Мне было стыдно и противно, что вляпалась в такую глупость. С одной стороны, плевать, что он может подумать. Я его совершенно не знаю и, надеюсь, не узнаю никогда. С другой стороны, собственная беспомощность и откровенное издевательство с его стороны раздражали. Пялится, как на зверюшек в зоопарке! Ни стыда, ни совести!

Мужчина что-то ответил. Его баритон с хрипотцой разнесся по пустынному пляжу.

— Что он сказал? — нетерпеливо спросила я.

— Что это частные владения, и он их хозяин, — рассмеялась Олеся. — Я убью этого Серхио.

Если я не убью его первой!

— Скажи ему, чтобы ушел. И еще скажи, что мы не знали, что пляж кому-то принадлежит, и сразу же уйдем.

— Сказала уже.

— И?.. Что-то он не собирается уходить, — возмутилась я.

Мужчина, как стоял с руками в карманах, выставив одну ногу вперед, так и продолжал нас нагло рассматривать.

— А он и не собирается уходить. Говорит, что хочет посмотреть, как мы будем выходить из воды, — опять рассмеялась Олеся, правда тут же замолкла, видно, заметив, как я побледнела.

— Что ты такое говоришь? И чему смеешься?! Скажи этому придурку, чтобы валил с пляжа!

Я чувствовала, как приближается паника. Наверное, благодаря ей, я вся покрылась мурашками, замерзнув еще сильнее. Олеся в это время что-то доказывала мужчине, на что он в ответ бросал односложные фразы, явно не желая внимать ее просьбам.

— Олесь, я скоро ног не буду чувствовать от холода, — простонала я. — Что делать-то?

— А чего ты раскуксилась? — нахмурилась Олеся, посмотрев на меня. — Не хочет уходить, не надо. Пусть смотрит... Когда еще такую красоту увидит, да еще и бесплатно.

Она собралась выходить, гордо подняв голову и нацепив ослепительную улыбку на губы. Я в панике схватила ее за руку.

— Ты с ума сошла? Не бросишь же ты меня тут одну?

— Люсь, я уже перестаю соображать от холода и не хочу заболеть, — сказала она, вырывая руку. — Пошли, говорю. Плюнь на него, пусть идет лесом. Не замерзать же нам тут теперь!

Она направилась к берегу, а я осталась стоять, не в силах поверить, что меня бросают одну. Как в замедленном кино наблюдала — все большая часть Олеси оказывается над водой. С трудом оторвала взгляд от подруги и перевела на мужчину, чувствуя, как зубы начинают выстукивать азбуку Морзе от холода. Чтобы понять, что он наслаждается разглядыванием Олеси, не нужно было видеть его отчетливо. Я почувствовала это на невербальном уровне, от него прямо исходили волны удовольствия.

Олеся шла, как царица. Голая царица! Против воли усмехнулась подобному сравнению. Она еще не оделась, как между ними завязалась дружеская беседа. Я с ужасом поняла, что обо мне забыли. Мужчина перестал смотреть в мою сторону, полностью сосредоточившись на прелестях Олеси. Мелькнула шальная мысль, может выскочить быстренько, пока он занят созерцанием? Но я ее тут же отбросила. Он стоял в аккурат рядом с моими вещами, проскочить незаметно не получится.

— Люсь, выходи, если не хочешь замерзнуть окончательно, — крикнула мне Олеся. — Как видишь, от этого не умирают. — Она демонстративно обвела себя глазами и руками, в качестве доказательства целостности.

— Олесь, пусть он хоть отвернется, — попросила я, слыша, как умоляюще звучит мой голос, и, чувствуя, как начинают трястись губы от приступа жалости к себе.

Олеся опять вступила в переговоры, все время кивая и показывая в мою сторону. Я решила, что если выживу, убью сначала ее, а потом ее драгоценного Серхио. Пусть встречаются на небесах, злыдни такие. Третьим трупом станет незнакомец, если я рискну с ним еще когда-нибудь встретиться.

Наконец, он нехотя отвернулся, кинув на меня взгляд, выражение которого я не смогла разглядеть.

— Выходи уже, несчастная, — крикнула Олеся. — Я уговорила его не смотреть на тебя, стеснительная ты наша.

От долгого стояния практически неподвижно я так замерзла, что ноги плохо слушались, пока я ползла к берегу. Все время я буравила брюнетистый затылок мужчины, опасаясь, что он развернется. Он не потрудился отойти от моих вещей, и мне предстояло подойти к нему чуть ли не вплотную. Олеся смотрела на меня, тихонько посмеиваясь, на что я старалась не обращать внимания, сосредоточившись на полотенце, которое все приближалось.

Наконец, я подобралась к своим вещам и собралась нагнуться за полотенцем. В этот момент мужчина повернулся. Я заметила насмешку в сине-серых глазах и перестала дышать на то мгновение, что его взгляд скользил по моему телу. Краска стыда и ужаса залила лицо. Как сквозь туман, который заволок уши, я услышала гомерический хохот Олеси.

Все длилось не дольше секунды. Я резко нагнулась и схватила полотенце, закрывшись им, как стеной. Кровь пульсировала в висках, мешая видеть и слышать нормально. Мужчина отвернулся и что-то сказал Олесе, на что она разулыбалась еще шире. На меня он больше не

смотрел, развернулся и пошел с пляжа.

— Какой симпатичный, — сказала Олеся ему в след. — Он пригласил нас еще загорать и купаться на его пляже. — Это она уже сказала мне.

— Иди к черту! — буркнула я, облачаясь в парео прямо на влажную кожу. Давно я себя не чувствовала настолько противно и униженно. Как будто вывалилась в грязи.

— Я-то тут причем? — возмутилась подруга.

— Иди к черту! — повторила я и пошла вперед, не глядя на нее, понимая, что такая реакция не что иное, как попытка сорвать злобу.

Глава 5. Злость, как расплата за стыд

Я неслась домой, словно мне на спину приделали пропеллер. Слышала, как чертыхается Олеся, спотыкаясь о камни. Плевать хотела! Даже не собиралась оборачиваться и ждать ее, когда поняла, что та сильно отстала. Дом манил, как спасительное убежище. От всех! И прежде всего, от собственного стыда, который безостановочно пульсировал в голове.

Залетев в дом, первым делом отправилась в ванную и с полчаса отмокала под горячим душем, смывая позор. Так противно я себя, по-моему, еще ни разу не чувствовала. Подумать только, этот урод рассматривал меня голой! Подлец! Решил, что раз пляж его, то вести себя можно, как угодно. А то, что не все такие, как эта недоделанная Мерлин, не подумал? Постоянно прокручивала в голове момент, когда он обернулся, и каждый раз снова переживала состояние панического ужаса. Никак не могла отвлечься и думать о другом. Унижение и злость грызли изнутри.

Если бы не острая потребность выпить горячего, чтобы и изнутри согреть заледеневшие внутренности, я бы прямиком отправилась спать после ванной. Только так я могла бы не думать о недавних событиях, надеясь, что к утру воспоминания притупятся. Но, пить хотелось ужасно, и я решила, что потерплю еще несколько минут.

Олеся сидела на кухне с ногами в плетеном кресле, грызла печенья, оставшиеся еще с дороги, и прихлебывала из маленькой чашки.

— Я тут нашла молотый кофе и заварила, — затараторила она, едва увидев меня. — Присоединяйся.

Я не удостоила ее даже взглядом. Сосредоточилась на поисках заварки. Не может же быть, чтобы у деда ее не было. Чай пьют все, значит где-то есть сырье для его приготовления. Я сосредоточенно открывала каждый шкафчик, заглядывала под крышки всех емкостей подряд, большинство из которых пустовали.

— Заварка внизу, прямо перед тобой, — спокойно проговорила Олеся. — В металлической банке с жар-птицами.

Я заметила большую прямоугольную банку с откидывающейся крышкой. Жар-птицами она назвала павлинов, изображенных гуляющими в райском саду. Даже тут кусочек живописи. Видно дед считал себя большим ее ценителем. Я почувствовала, как душа начинает оттаивать. Появилась зарождающаяся симпатия к человеку, о существовании которого еще совсем недавно даже не подозревала. Захотелось узнать, как он жил, чем интересовался, какой он, вообще, был?

Насыпала заварки в чашку и залила кипятком. Добавила сахару и устроилась в пустующем плетеном кресле, напротив Олеси. Чувствовала, как злость постепенно улетучивается. Спасибо деду — мысли о нем помогли осознать, что злиться на Олесю в данной ситуации глупо.

— Ты бы хоть отцедила. — Олеся подвинула ко мне пакет с печеньем. — Будешь давиться чайными хлопьями?

— И так сойдет. Зато, так крепче.

— Люсь, кончай дуться, а? Ничего же особенного не произошло. Подумаешь, увидели тебя голой. И что? Пусть ему будет стыдно...

— Олесь, — перебила я, в первый раз посмотрев на нее за вечер. — Давай не будем.

Она не выглядела извиняющейся или обиженной. Но в глазах подруги прочитала сочувствие. Видно поняла, как я себя ощущаю, и хотела исправить положение.

— Мне кажется, ты ему понравилась, — улыбнулась она. — Да и как может быть иначе...

— Олесь! — не выдержала и закричала. — Заткнись, а?! Я даже думать об этом не хочу, а ты продолжаешь трепаться!

— Все молчу, молчу. — Она подняла вверх руки, в знак капитуляции. — Чем завтра займемся? — попробовала сменить тему.

— Не знаю. Не хочу об этом думать.

Думать мне не хотелось ни о чем. Я пила обжигающий чай, сосредоточившись на этом процессе. Раздражение уступило место грусти. Наверное, это закономерно. Когда что-то злит, чего нельзя исправить, постепенно остается только сожалеть о коварных проделках судьбы. И, под шумок, подтягиваются другие грустные мысли, словно считают, что одной такой в моем сознании будет скучно.

— Давай завтра решим, что будем делать? — обратилась я к Олесе. Теперь уже начала опасаться, что она может обидеться на мое нежелание общаться. — Чего-то я так вымоталась за сегодняшний день, что хочу пораньше завалиться спать.

Я допила чай и переместилась к раковине, чтобы вымыть чашку.

— В такую рань? — изумилась Олеся. — Нет. Я, если так рано лягу, то проснусь ночью и буду валяться в постели без сна до утра. Я, пожалуй, покопаюсь в библиотеке твоего деда. Вдруг найду что интересное.

Библиотекой она назвала небольшой стеллаж с книгами в коридоре, разделяющем спальни.

— Слушай, а на что он жил? — вспомнила я про вопрос, который собиралась задать ей и все время забывала.

— Дед твой? — уточнила Олеся. — Он был рантье. Жил на проценты с небольшого капитала. Еще рыбная ловля приносила какой-то доход. — Она замолчала ненадолго, а потом вновь заговорила: — Я вот все думаю, как тебе лучше распорядиться наследством? Корабль ты не можешь продать, так как одно из условий завещания, чтобы он продолжал ловить рыбу. А вот дом можешь, и нотариус сказал, что покупатели на него уже есть. Конечно, тебе кое-что осталось и от денег деда. Не густо, но все-таки... Они так же будут приносить проценты, плюс выручка от продажи рыбы...

— Давай подумаем об этом потом, — перебила я ход ее мыслей.

Почему-то сейчас мне не хотелось думать о продаже имущества. Становилось грустно. Откуда появилось чувство жалости к человеку, которого не знала? Почему-то вдруг показалось, что дом этот он построил специально для меня и не хотел, чтобы я его продавала. Станным образом, но в этих стенах я чувствовала себя дома. Тут я испытывала гораздо больший комфорт, нежели в своей квартире. А в кусочек земли, владелицей которого стала, я просто влюбилась. Скалы, каменистый пляж, даже покосившийся пирс навевали романтические мысли, успокаивали, рождая в душе гармонию. Я знала, что все это придется продать, но могла я хоть немного насладиться ощущением счастья?

— Тогда, отдыхаем на полную катушку! — воскликнула Олеся. — Завтра и начнем, только выспимся как следует. В конце концов, мы можем позволить себе пару недель отдыха. А продать всегда успеем.

Я застелила постель и приоткрыла окно, впуская в спальню шум моря. К ночи поднялся

ветерок, и небольшие волны кидались на камни и с шуршанием уползали обратно в море. С уютными звуками через окно проникала вечерняя прохлада, и я поплотнее закуталась в одеяло. Удивительное чувство! словно я всегда спала на этой кровати, а не на скрипучем диване последние восемь лет.

Негативные мысли и эмоции испарились. Умиротворение рождало сон, в который я и провалилась как-то незаметно.

Проснувшись на рассвете от неистового птичьего щебета, больше похожего на перебранку. Часы показывали начало шестого, а я уже выпалась и чувствовала себя бодрячком. Особенно после утреннего душа. Олеся мирно посапывала в огромной кровати, половину которой занимали разбросанные книги. Видно вчера она прочла половину дедовой библиотеки. Придется будить ее, если хотим успеть на корабль до отплытия.

Я налила кофе и задумалась, чем можно скоротать утренние часы, пока не настанет пора будить подружку? Продуктов мы вчера не закупили, завтрак готовить не из чего. Ничего, перекусим в кафе и позаботимся об обеде.

Я вышла во двор и глазам своим не поверила. Все вокруг цвело! Деревья, даже карликовое в клумбе напротив входа, усыпаны бутонами разной величины. Неистовое буйство красок, пришло сравнение. Как будто ночью здесь побывал волшебник и раскрасил сад.

Я поняла, что стою с открытым ртом и озираюсь по сторонам, забыв про чашку в руках. Опомнилась, когда часть кофе пролила на ноги. Это вывело меня из состояния ступора. Я завернула за угол дома и убедилась, что там тоже все зацвело. Даже на пальмах распустились небольшие букетики.

Как такое возможно, чтобы за ночь сад преобразился до неузнаваемости? Или для этой местности характерно, что зацветает все и одновременно?

В месте, где дом примыкал к скале, я заметила неприметную лестницу, ведущую на каменный уступ. Не раздумывая, я стала вбираться по ней, одной рукой цепляясь за ступеньки, а другой удерживая чашку, пока не выбралась на вершину скалы. Вот, значит, где любил проводить время дед? Догадка пришла, когда заметила камень, отполированный временем, почти на самом краю уступа. Поняла, что дед сидел на нем и созерцал панораму, открывающуюся с высоты птичьего полета. А посмотреть было на что — с одной стороны море, с другой — раскинувшийся внизу город. И в центре всего — яркое пятно цветущего оазиса, в который превратился дом.

Я присела на камень, как будто делала это в сотый или тысячный раз. Не почувствовала дискомфорта или прохлады. Это мой камень, он только и ждал, когда я найду его и введу в свою жизнь.

Море успокоилось и блестело в лучах восходящего солнца. Я прихлебывала кофе и все больше влюблялась в бескрайние синие просторы. Мне нравилось всматриваться туда, где водная стихия соединялась с воздушной, где море переходило в небо или наоборот.

Я бы просидела так весь день, находясь в полной гармонии с природой, если бы не солнце, которое припекало все сильнее. Плечи и голову начало пощипывать, кроме того, следовало будить Олеся и отправляться на корабль. Нужно представиться экипажу в образе новой хозяйки, побеседовать с капитаном, чтобы потом предоставить ему все полномочия для дальнейшей ловли рыбы. Активно вникать в эту часть наследства не испытывала никакого желания.

Преодолевая обратный спуск по надежно закрепленной в скале лестнице, я услышала

воплъ Олеси:

— Люська! Люсь! Обалдеть! Ты видела это?!

От неожиданности чуть не выронила чашку. Умела подруга врезаться диссонансом в окружающую тишину.

— Да где ты, Люська?! — продолжала кричать она, пока я не вывернула из-за угла дома. — Люська, ты что-нибудь понимаешь?! — подбежала она ко мне растрепанная и босая, в ночной сорочке. — Что это? — она потрясенно обвела глазами двор.

— Сама не знаю, — пожала я плечами. — Но, похоже, наш сад решил нас удивить.

Никогда еще не было так легко на душе. Хотелось петь и танцевать. От наплыва чувств я громко чмокнула Олесю в щеку. От неожиданности и переполненности эмоциями та громко расхохоталась.

— Мамочки, куда я попала? — сквозь хохот проговорила она. — Это точно реальный мир? Не сказка? — Она внезапно перестала смеяться и уставилась на меня. — Слушай, а может это загробный мир?

Только этого нам не хватает — обоюдного помешательства.

— Олесь, не мели чепуху, — не очень уверенно произнесла я. — Какой еще загробный мир?

Сказать сказала, но уверенности в обратном не испытывала. Семена сомнения давали всходы в душе.

— Ладно, сейчас проверим, — деловито отозвалась Олеся. — Пошли одеваться и топаем в порт. По дороге сориентируемся.

Через несколько минут мы выходили из дома, экипированные для делового похода. По молчаливому согласию и я, и она облачились в шорты и футболки. В этот раз даже Олеся изменила привычке носить обувь на высоком каблуке, надела открытые танкетки на плоской подошве.

— Вернемся обратно, напомни, срезать эти дурацкие колючки, — чертыхнулась Олеся, продираясь сквозь заросли на тропинку, ведущую в город. — И нет! В раю не могут расти колючки, — повернулась она ко мне. — Мы все еще в реальном мире.

Я тоже склонялась к этой мысли, чувствуя, как нешуточно палит солнце, заставляя обливаться потом.

Выяснив у прохожего, в каком направлении порт, мы пошли той же дорогой, что и в день приезда, когда следовали за нотариусом. Проходя мимо конторы, вдруг вспомнили, что не знаем даже названия судна. Не зря, значит, пошли именно этой дорогой.

На входе поприветствовали того же дядьку, в том же кресле. Мне показалось, что даже напиток он пьет такой же. Видно, его дни подчинялись определенному ритуалу, с утра пораньше.

Нотариус разулыбался нам, как родным, разве что не бросился обниматься. Каково же было наше изумление, когда узнали, что корабль называется «Людмила»!

— Это в честь тебя, что ли? — недоуменно спросила Олеся

— Представления не имею...

Я понимала, что понимать начинала все меньше, а загадок становилось все больше.

Порт встретил грохотом и суетой. Пожалуй, это было самое людное место в городе. Народ сновал туда-сюда, казалось, без всякой системы. Отовсюду слышались крики, кто-то ругался, кто-то смеялся, а я боялась оглохнуть от наплыва звуков после утреннего единения с природой.

— Так, здесь должна быть портовая столовая, — со знанием дела заявила Олеся. — У нас есть время на завтрак. Сейчас узнаю...

Она подошла к тучному мужчине в матросской тельняшке и завела светскую беседу, не забывая лучезарно улыбаться. Мужчина чуть не стек на асфальт, попав под власть ее очарования. Олеся задала ему несколько вопросов, получила эмоциональные многословные ответы. В заключение беседы, он долго целовал ее руку, пока она не вернулась ко мне довольная и покрасневшая.

— Замечательный дядечка! — прокомментировала она. — Кстати, капитан. Ладно, потопали... Я все выяснила.

Примерно так я и представляла себе портовую столовую. Это даже постройкой нельзя было назвать. Небольшой одноэтажный домик, каменный, как и все на этом острове, от которого тянулся длинный навес. Под навесом ряды пластиковых столов с такими же стульями. Большое раздаточное окно и что-то наподобие школьной доски рядом на стене, где мелом написано меню на сегодня.

— Никто и не обещал, что это будет ресторан, — сказала Олеся, заметив скептическое выражение на моем лице. — Главное, чтобы нас тут накормили.

Мы подошли к окошку.

— Так, ты что будешь? — поинтересовалась Олеся, вчитываясь в меню. Как она там только что-то умудрялась прочесть, ума не прилагала. Закорючки с трудом можно было назвать буквами. — Я, пожалуй, ограничусь яйцами и сметаной. Хочется чего-то нашего, российского. Еще есть круасаны, блины и... что-то типа ягодного пирога, — догадалась пояснить она для отстающих, какой я чувствовала себя.

Яиц мне не хотелось, и я выбрала блины, тоже со сметаной. Запить решили сухим вином местного производства. У дородной итальянки, на раздаче, Олеся заодно поинтересовалась, где стоит «Людмила». Та показала куда-то себе за спину и много чего наговорила. Интересно, это язык такой, или жители острова отличаются многословностью?

— Это национальная черта итальянцев, — смеясь, пояснила Олеся, когда мы расположились за столом, и я озвучила вопрос.

Нечего удивительного, что подруга влюбилась в эту страну. Сама она любила поболтать и могла переговорить любого. Я же предпочитала слушать.

— Кстати, тут рядом палаточный городок беженцев, — с удовольствием уплетая крутое яйцо, поведала Олеся, — поэтому в порту плюнуть негде. Почти все беженцы крутятся тут же. И продолжают прибывать. Бедняги... местные жители их терпеть не могут.

Я понимала обе стороны. Островитян, жизнь которых в какой-то момент превратилась в хаос, лишив привычного заработка, и бедняг, которые рискнули бросить все и пуститься на поиски лучшей жизни. Ни та, ни другая сторона не виноваты, что так сложилась ситуация, но обе они страдали и искали пути выхода из нее. Ничего удивительного, что настроение выливалось в недовольство. Человек всегда стремится к гармонии.

С завтраком мы расправились быстро и пустились на поиски корабля, который упорно ассоциировался у меня с «Алыми парусами».

Женщина с раздачи сказала, что шхуна стоит возле десятого пирса, и не ошиблась. Я сразу догадалась, что большая красная лодка и есть наш рыболовецкий корабль. Не зря у меня в голове удерживалась размытая алая картинка, смутный образ чего-то плавающего и красного. Как-то сразу картинка оформилась именно в эту лодку — достаточно новую и современную, с кучей приспособлений, совершенно незнакомых мне, но, по всей видимости,

необходимых для выхода в море и ловли рыбы.

Мы подошли к мужчине в полосатой майке, который сидел на корточках и развязывал узлы веревки, крепящей лодку к пирсу. Он как раз распутал узел и поднялся во весь рост, собираясь закинуть веревку второму матросу, поджидающему на судне возле трапа. Олеся обратилась к нему с речью, а я занялась праздным разглядыванием. Собственно, не я одна. Мужчина, что находился на лодке, в свою очередь рассматривал меня. Как-то сразу на его смуглом лице заиграла хитрая улыбка. Он пригладил растрепавшиеся на ветру темно-русые волосы и подмигнул мне, улыбаясь все шире. При этом он вышел и встал перед трапом, чтобы я могла вволю насладиться его атлетической фигурой и развитой мускулатурой.

— Людмила? — поинтересовался он на чисто русском. Сказать, что я обалдела, не сказать ничего. Неужели он русский? — Я был близко знаком с вашим дедом и видел ваш портрет, — пояснил он, и я различила сильный акцент. Значит, все-таки, итальянец. — Идите сюда. — Он спустился по трапу и протянул мне руку.

Несколько секунд колебаний, и я приняла руку помощи и поднялась в лодку, пока Олеся продолжала беседовать со вторым матросом. Заметила, только, что тот снова закрепил лодку на пирсе. Видно, подруге удалось убедить его, что в море можно выйти позже, а перед этим нам нужно побеседовать с капитаном.

— Марко, — представился красавчик, не переставая с улыбкой рассматривать мое лицо. Он решил пересчитать все мои веснушки? Я почувствовала, как непроизвольно краснею. Не привыкла становиться объектом столь пристального наблюдения. С досадой отвернулась и наблюдала, как второй матрос, гораздо более угрюмый, чем этот, помогал Олесе подниматься по качающемуся трапу. Лица его я разглядеть не могла, оно пряталось под козырьком красной бейсболки, надвинутой на глаза. Зато мощную фигуру рассмотрела внимательно. Было в ней что-то обезьянье. Возможно, сходство придавали широченные плечи, узкий, вопиюще мужской, таз и длинные руки с крупными кистями. В одной из них совершенно потерялась рука Олеси. Вообще, со спины он мне чем-то напомнил Адрианс Челентано, каким тот снимался в «Укрощении строптивого». Подозрения в сходстве подтвердились, когда мужчина зыркнул на меня черными глазами из-под нахмуренных бровей и что-то буркнул, привлекая мое внимание к большому рту с полными губами. Точно! Вылитый Челентано!

— Он тебя поприветствовал, — рассмеялась Олеся, видя мое недоумение.

— Аааа, здравствуйте, — спохватилась я. Впрочем, мое приветствие отскочило от его спины, которая удалялась от нас и выглядела негостеприимно.

— Не обращайтесь на него внимания, — проговорил Марко, галантно целуя руку Олесе. — Дарио говорит мало, зато делает много, — рассмеялся он, и Олеся составила ему компанию. Мне его шутка не показалась смешной.

— Как приятно встретить итальянца говорящего по-русски, — промурлыкала она, не торопясь отбирать у него руку, которую он продолжал удерживать то ли случайно, то ли намеренно. Я почувствовала, как в душе шевельнулось неприятное чувство, словно это зрелище меня раздражало. Что это со мной?

— А вам приятно? — заглянул мне в лицо Марко, и я почувствовала его дыхание на своей щеке.

— Мне все равно, — отвернулась я, пытаюсь не подать виду, что его внимание мне приятно. — Не пора ли поговорить с капитаном? Иначе вы и до обеда не выйдете в море.

Глава 6. У нас есть враги

Капитан мне не понравился с первого взгляда, когда я заметила его, выходящего из рубки. Небольшого роста, с брюшком, с обширной лысиной и отвислыми щеками, он окинул масляным взглядом Олесю и, не скрывая неприязни, посмотрел на меня.

— Людмила Савельева, — представилась я, протягивая руку.

Он проигнорировал мой жест и что-то отрывисто велел Марко. Тот улыбнулся нам напоследок, козырнул и отправился заниматься делами.

— Карло Пуччини, — проговорил капитан, демонстративно пряча руки в карманы широких штанов, смотрящихся на нем мешком.

Олеся, в свою очередь, представилась и что-то сказала ему, по всей видимости, озвучивая степень моего родства с дедом. Тогда он заговорил, обращаясь исключительно к ней. Я чувствовала, что речь идет обо мне, и видела, как подергивается и краснеет его щека. Еще я заметила, как постепенно меняется лицо Олеси, как медленно с него сползает маска дружелюбия.

— Что он сказал? — попросила перевести я и поймала ее задумчиво-недоуменный взгляд.

— Ну, в общем... — Олеся замаялась. — Даже не знаю, как сказать.

— Как есть, так и говори. Я и так поняла, что ничего хорошего он не сказал.

— Ну... он сказал, что твой дед выжил из ума, раз решил оставить все тебе. Это я еще мягко перевожу, он использовал словечки покрепче. — Она посмотрела на капитана, не прекращающего шарить взглядом по ее фигуре. Олеся отошла от него на безопасное расстояние, видно, опасаясь, что он может пустить в ход руки. — Еще он сказал, чтобы ты не теряла тут время даром и мотала восвояси, что бизнес этот погибает, уловы падают и все в таком роде. Велел передать, что не собирается иметь дело с русской дурехой.

— Так и сказал? — решила уточнить я, чувствуя, как внутренности закипают от ярости.

— Ну, да... В общем, по-моему, он не в своем уме, — доверительно сообщила Олеся, наклоняясь ко мне, как будто капитан мог догадаться, о чем она говорит. — Или просто ненавидит тебя. Хотя ума не приложу, за что?..

— Так! Переведи-ка ему, — велела я, стараясь говорить спокойно. При этом я заставила себя посмотреть в лицо капитану, хоть мне это и не было приятно. — В общем так, судно мое, хочет он того или нет. Количество улова я намерена проконтролировать лично. А это значит, что завтра мы выходим в море с ними. Еще... переведи, что если он еще хоть раз позволит себе говорить обо мне в таком тоне, то о должности капитана этого судна может забыть. И еще скажи ему, что повторять я не намерена, в следующий раз просто уволю.

Как он только не взорвался, когда Олеся перевела ему мою короткую гневную речь. Мне даже показалось, что он раздулся от злости и как-то прерывисто начал дышать. Несколько секунд он смотрел на меня, и в его мутноватых серых глазках плескалась неприкрытая ненависть. Потом развернулся и пошел прочь, даже не попрощавшись.

— Здорово ты его, — похвалила Олеся. — Только, сдается мне, что на острове у нас появился враг.

— Да, плевать я хотела! Кто он вообще такой? Наемный работник. Уволю нафиг и все. Вон, Марко станет капитаном.

Марко уже приближался к нам с бессменной улыбкой на губах. Только мое паршивое настроение его улыбка не скрашивала. Резко захотелось домой, подальше от этого судна, а лучше и острова со всеми его обитателями. Навалилась вековая усталость, словно все силы ушли на отпор капитану.

— Завтра мы выходим с вами в море, — довольно угрюмо сообщила ему Олеся. Я поняла, что перспектива весь день проторчать на этой посудине ее не радовала. Но я так решила! Уступать этому индюку не собиралась. А подружка может и потерпеть.

— Так это же замечательно! Берите с собой купальники. Позагораете и даже сможете искупаться в открытом море, правда, только на обратном пути, — попытался развеселить нас Марко, не переставая смотреть на меня. Честно говоря, устала я краснеть под его откровенным взглядом.

От его слов Олеся немного воспрянула духом. Решила, наверное, что из любой ситуации можно извлечь выгоду для себя. Я была настроена менее оптимистично, и к завтрашнему дню мне стоило морально подготовиться.

— А ты ему понравилась, — сказала Олеся, когда мы покинули порт.

— Кому?

В этот момент я думала о злобном капитане. И в первый момент подумала, что Олеся имеет в виду его.

— Марко, кому же еще.

— Да брось, ты, — отмахнулась я. — С таким же успехом я могу утверждать, что ты ему понравилась. Таким, как он, нравятся все женщины.

— Ох, Люська, недооцениваешь ты себя, — вздохнула Олеся, беря меня под руку. Видно, она устала и решила немного повисеть на мне, так как я сразу ощутила тяжесть ее тела. — В тебе есть что-то особенное, какая-то загадка. Я хоть и не мужик, но тоже кое-что подмечаю.

— В смысле я так себе, но что-то во мне есть? — со смехом уточнила я.

— Дура ты! Я разве так сказала? — возмутилась Олеся, зато отпустила мою руку. Идти стало легче. — Я же говорю про внутренний свет. Иногда мне кажется, что ты светишься изнутри, становишься загадочной, особенно, когда задумываешься. Наверное, за это я и люблю тебя, — коротко рассмеялась она и опять схватила меня под руку.

Внутренний свет? Я задумалась. Глупости все это! С мужчинами мне не везло. Несколько раз начинала встречаться, пару раз даже думала, что вот оно то самое настоящее. Но через какое-то время все заканчивалась. И не я была инициатором. Бросали меня. А она плетет про какой-то внутренний свет. Если даже он и есть, то специально, чтобы отталкивать мужчин. Иначе к тридцати годам я бы не чувствовала себя такой одинокой.

Я посмотрела на Олесю, которая молча брела рядом, все сильнее повисая на мне. Жара ее расплющила окончательно. Наступало время сиесты, нужно прибавить темп, чтобы поскорее оказаться в спасительной прохладе.

Олесю я считала настоящей красавицей, но она тоже так и не нашла пока свою половинку. Хотя, в ней и внутреннего и внешнего блеска хоть отбавляй. Значит, дело не в этом, а в карме или как она еще там называется. Судьба, одним словом. Я снова глянула на подругу. А может, она и не созрела еще для серьезных отношений? Что ни говори, а флирт в ее жизни играет ведущую роль. Она любит и умеет кружить головы мужикам. Короче, запуталась окончательно. А все Олеська, заговорила о каком-то свете! А может, виноват Марко, образ которого нет-нет, да и вставал передо мной на всем протяжении пути.

Мы зашли в небольшой магазинчик, самый ближний к дому, и закупили два огромных пакета продуктов. Теперь хоть готовить будем, а не тратить деньги в барах.

Восхождение на плато прошло тяжелее, чем я планировала. Ноги устали, да и пакеты тянули вниз. К тому моменту, как зашли под навес веранды, мы с Олесей были похожи на два моченых яблока, красного цвета.

— Ну и жарница тут! — Олесь плюхнула пакет прямо на веранде. — Я в душ. Если не охладюсь, то умру на месте, — и умчалась в дом.

Ну, да! А я разбирай пакеты. Как будто жарко ей одной. Делать нечего, потащила пакеты на кухню, не бросать же здесь, на жаре.

Через несколько минут меня сменила заметно повеселевшая Олеся.

— Иди, мойся. Я, как заново родилась. — Она даже вытираться не стала, надев сарафан на влажное тело. Видел бы ее сейчас капитан... Тьфу, придет же такое в голову! Нашла, о чем думать. — Обед беру на себя. Чего бы ты хотела?

— Может салат какой? В такую жару вряд ли что-то серьезней полезет в горло.

— Тогда я нарежу салат быстренько и пожарю нам по кусочку мяса. Ок? Без мяса я не могу, организм требует. Мы львы все такие. — Она достала мясо и принялась его разглядывать, прикидывая с какой стороны лучше отрезать. — Я его все пушу на заготовки. Распихаю по пакетам, чтобы потом доставать и жарить. Ладно?

— Ты шеф, тебе и карты в руки...

Я уже собралась уходить, как застыла, осененная мыслью.

— Слушай! У тебя же скоро день рождения!

— Помню, — улыбнулась Олеся. — Поэтому и заговорила про львов.

— Как будем отмечать?

— Я тут подумала... Может, организуем небольшой сабантуйчик у Серхио?

Так-так... Видно Олеся запала на молоденького бармена сильнее, чем я думала.

— Я планировала сегодня как раз переговорить с ним на эту тему, — продолжала она. — Можно будет Марко пригласить и того, второго, забыла, как его зовут.

— Дарио, — подсказала я и подумала, что мне нравится это имя. Красиво и нежно звучит, чего не скажешь о его обладателе. Встречается же такое несоответствие.

— Марко и Дарио! Смешно. — Олеся громко рассмеялась, заглушая звук молотка, которым отбивала мясо.

В общем-то, идея посидеть в кафе на берегу моря мне понравилась. Только вот приглашать членов экипажа? Уместно ли это будет? Я решила пока об этом не думать, до дня рождения еще есть время, и планы запросто могут поменяться.

Стоя под прохладным душем, я снова и снова проигрывала в уме поход в порт. Противная морда капитана все не шла из головы. Что я ему такого сделала, способного вызвать самую настоящую ненависть? Он и видел-то меня впервые. Может, дед ему рассказывал обо мне? Хотя, он и сам ничего не знал. Откуда? А эта фотография на комод... Она как тут появилась? И почему у меня такое чувство, что кто-то пытается выжить меня с этого места? А главное, зачем? Столько загадок, и всего за два дня пребывания тут.

Постепенно образ Марко вытеснил все остальные мысли. Неужели он, правда, запал на меня, как утверждает Олеся? Верится с трудом, чтобы такой красавчик мог заинтересоваться ни чем не примечательной мной. Но, он на самом деле вел себя необычно, оказывал мне предпочтение. Чего уж там, перед собой-то я могу быть честной. А мне он понравился? Не мой тип, точно! Никогда не интересовалась классическими красавчиками. Но его внимание

льстит, нет смысла скрывать.

Захотелось, чтобы поскорее наступило завтра. Появились предчувствия чего-то приятного, связанного с поездкой в море. Я тут же себя обругала, напомнив, что еду не развлекаться, а работать, вернее, наблюдать за процессом рыбной ловли. Как только буду контролировать это дело, если совершенно в нем не разбираюсь. Была бы сейчас дома, заглянула бы в Интернет, почитала бы статейки на эту тему. Оставалось надеяться на интуицию, что пойму, если что-то пойдет не так.

Олеся накрыла стол на веранде. Салата она нарезала огромную чашу. Мясо дымилось на порционных тарелках, перед которыми стояли бокалы с апельсиновым соком. Когда только все успела?

— Я подумала, что свежавыжатый сок лучше, чем чай или кофе в такую жару, — сказала она, принимаясь за свой кусок мяса с видом хищницы. Она так держала нож с вилкой, что казалось сейчас растерзает этот несчастный кусок.

Не разделяла ее аппетита, но ради приличия съела полпорции, а потом переключилась на салат. Вот его я одолела не меньше половины, даже не заметила как.

— Я вот все думаю... — Олеся откинулась на спинку кресла, сыто потягиваясь. — Судя по тому, как все здесь, — она обвела любовным взглядом двор, утопающий в цветах. Бутоны, которые утром только появились, сейчас полностью распустились и красовались во всем великолепии. Участок вокруг дома еще больше стал напоминать оазис в пустыне. — У твоего деда был отменный вкус, — продолжала Олеся. — Почему же картины в таких уродливых рамках? Где он только откопал такие?

Я перевела взгляд на картины, украшающие стену дома. Действительно, позолоченные рамки смотрелись, как дешевые декорации. Все одинаковые и массивные, они еще больше портили и без того бездарные изображения, словно уродливые оборки строгое платье. Оформленные таким образом картины не вписывались в общую гармонию этого места.

— А какие у тебя планы вообще по поводу наследства? — поинтересовалась Олеся.

— Даже не знаю... А у тебя есть предложения?

— Да я тут все думала... Нельзя продавать такую красоту. — Она снова обвела взглядом дом и двор. — Не могу сформулировать свою мысль точнее, но мне кажется, что дом ожил с твоим появлением. Как будто только ты и можешь быть его хозяйкой. Понимаешь?

Странно, но Олеся озвучила мои мысли. Нигде я не чувствовала себя так спокойно, как здесь. На самом деле казалось, что я нашла свой дом. И, каждый раз, когда всплывала мысль о его продаже, становилось как-то не по себе, словно я планировала совершить преступление. Я гнала от себя эти мысли, но они нет-нет да возвращались.

— Как же мы будем возвращать долг Славику? — спросила я.

— Да, придумаем что-нибудь, — отмахнулась Олеся. — Подождет, не обеднеет. Давай не будем о грустном. Постараемся отдохнуть как следует. У нас еще целых три недели шикарного отпуска, — она опять довольно потянулась. — Что-то меня расплющило после плотного обеда. Давай, вздремнем немного, а потом сходим на пляж? Можно заглянуть к Серхио, — аккуратно добавила.

Ох, Олеся, Олеся, не можешь ты скрывать, о чем думаешь на самом деле.

— Запала на него, да?

Она пыталась сделать серьезную мину, но не выдержала и расплылась в счастливой улыбке.

— Он такой милый. И смотрит, как ребенок иногда.

Вот значит, какие мужчины ей нравились? С которыми можно почувствовать себя мамой? Не замечала за ней этого раньше. Сама я точно не хотела бы с кем-то нянчиться. Скорее, я нуждаюсь в крепком мужском плече. В моем понимании мужчина должен доминировать во всем, особенно физически. Хотя, в этом плане Серхио как раз ничего. На его мускулатуру я тоже невольно обратила внимание. Интересно, у них тут все такие качки? Тут, я вспомнила капитана и поморщилась. Не все, точно.

Всю сиесту мы благополучно проспали. Проснулись, солнце уже не так жарило. Море манило, забрасывая в окна звуки прибоя. Дневная рябь сменилась небольшими волнами. Я отчетливо представила, как они накрывают камни, уползают обратно, оставляя блестящий мокрый след.

Олеся уже всю собиралась. Она прихорашивалась перед трюмо в ее комнате, что-то напевая. Повсюду царил беспорядок. Это являлось частью ее характера — где бы не находилась, окружать себя творческим хаосом. В прибранном помещении она не могла существовать, ее раздражала стерильность и порядок. Кровать она в принципе не заправляла, мотивируя тем, что нет смысла застилать то, что через несколько часов опять придется разбирать. Даже родители в детстве еще старались приучить ее к аккуратности, а потом махнули рукой. Я, педантичная от природы, тоже привыкла к этой ее особенности и уже не обращала внимания.

— Думала, придется тебя будить, соня, — не глядя на меня, проговорила она, сосредоточившись на подкрашивании глаза.

— Да я уже давно проснулась, просто вставать не хотелось. Валялась.

Я, действительно, какое-то время лежала в постели, наслаждалась легким ветерком, проникающим в открытое окно, шелестом волн, криками чаек и гагар. Пахло свежестью моря с примесью чистого воздуха и цветущего сада. Я бы могла так лежать вечно, если бы желание окунуться в море не пересилило. Идти никуда не хотелось. А вот полежать на камне и позагорать я бы не отказалась. В прошлый раз я даже облюбовала подходящий для этих целей валун, отполированный морем.

— Я подумываю прогуляться к Серхио. Ты не против? — спросила Олеся. — А потом можно будет позагорать.

Как тогда, когда я стала жертвой унижения? Кто знает, какая территория пляжа принадлежит ему. Рисковать не собиралась.

— Не обидишься, если я не пойду?

— Почему? — повернулась ко мне Олеся. — Я думала, мы выпьем винца с тобой. Отметим, наконец, достойно приезд сюда.

— Ну, давай это сделаем вечером? У нас и вино есть. Я просто хочу тут поплавать, лень куда-то тащиться.

— Фуууу, а мне не хочется мять кости на булыжниках. Может, я все-таки пойду? — умоляюще проговорила она.

— Да, иди, конечно!

Я и не собиралась ее отговаривать или агитировать составить мне компанию. Напротив, хотелось немного побыть одной. Да и она, я же видела, строила грандиозные планы на сегодняшний вечер, в которых мое присутствие станет помехой.

— Тогда, обещаю вернуться не поздно, — повеселела Олеся.

Мы вместе вышли из дома и спустились к морю. С улыбкой наблюдала, как Олеся торопливо раздевается и подбегает к воде.

— Ну, я пошла? — смотрит на меня счастливыми глазами, сгорая от нетерпения и предвкушения встречи.

Счастливая! Я завидовала ее беспечности и жизнерадостности. Почему не у всех получается так жить? Вот я, например, живу с оглядкой, не могу смотреть только вперед. Все время анализирую свои поступки. Зачем, спрашивается? Не лучше ли строить планы, о чем-то мечтать, как это делает Олеся? Она никогда ни о чем не жалеет. На первом месте импульсы, подгоняющие ее двигаться вперед, а не топтаться на месте. Разум не позволяет ей совершать глупости, но она не находится в его власти, а умело им пользуется. Я же погрязла в самой себе, временами перестаю замечать, что творится вокруг. Наверное, нужен кто-то, способный отвлечь меня от себя любимой, затмить мой разум.

Я скинула сарафан и направилась к пирсу. Какое-то время разглядывала моторную лодку. Симпатичная и сравнительно новая. А главное, моя! Столько всего за последнее время стало моим, что и в голове не укладывалось. Захотелось сесть в лодку и поплыть куда-нибудь. Нужно обязательно научиться ею управлять. Надеюсь, для этого не нужно специальное разрешение?

В скользящих по поверхности солнечных лучах вода казалась насыщенного синего цвета. И такая прозрачная! Даже стоя на краю пирса, который на приличную длину врезался в море, я видела дно с проплывающими мимо рыбешками. Море вокруг острова считалось заповедной зоной. Охота за подводной фауной категорически запрещалась. За этим строго следили. Я подумала, что обитатели водной стихии не такие уж примитивные. Они точно знали, что люди не сделают им ничего плохого. Плавали, не опасаясь человека. Но и ему разрешали присоединиться и насладиться прозрачной водой.

Я села на край пирса и опустила ноги в воду. Побултыхала ими, а потом соскользнула с твердой поверхности и вся погрузилась в приятную прохладу. Надо же! А тут достаточно глубоко, ноги не достают до дна. Оттолкнулась от пирса и поплыла. Только почувствовав усталость, остановилась и перевернулась на спину, позволяя мышцам расслабиться.

Далековато я забралась от берега. Внезапная мысль, что тут могут водиться акулы, напугала меня до такой степени, что я поспешила обратно. Мышцы не успели отдохнуть, и, к тому моменту, как коснулась дна, я выдохлась ужасно. На берег практически выползала, но не помню, когда последний раз испытывала такое удовлетворение. Заплыв подействовал волшебным, весь негатив я оставила в море, как заново родилась.

Я растянулась на горячем камне, облюбованном в качестве шезлонга. Жестковато, конечно, но терпимо. Мои худосочные тела в состоянии выдержать такое ложе.

Думать ни о чем не хотелось, и я задремала под размеренный шелест волн. Разбудил меня неприятный и резкий звук. Тело затекло. Кряхтя, как старая бабка, я перевернулась и уселась на камне, глядя на нарушителя спокойствия.

Оказывается на мои владения посягнул какой-то скутерист, уверенно направляясь к берегу и распугивая местных рыб рокотом мотора. Интересно, что ему тут понадобилось?

Скутер замедлил ход, пока не остановился. Хозяин соскочил с него и закрепил на пирсе. Только тут в мужчине, одетом в водонепроницаемый костюм, я узнала наглеца, что испортил нам первое купание. Ну что за невезение! Второй раз встречаюсь с ним практически голая. Мини бикини, что прикрывали сейчас интимные фрагменты моего тела, я не считала достойной защитой от его наглого взгляда.

Заходящее солнце слепило глаза, мешало смотреть. Зато меня, должно быть, ему видно замечательно. Я подтянула колени и обхватила их руками, чтобы хоть частично укрыться от

его взгляда. Но, все равно чувствовала себя, как голая. Лицо запылало то ли от досады, то ли от воспоминаний о прошлой встрече. Я отвернулась и принялась рассматривать скалу, понимая, что выгляжу глупо. Никак не могла справиться со стыдом, воспоминания, что он видел мое обнаженное тело, не давали покоя. Злость, что он посмел вторгнуться на частную территорию, выводила из себя. Хотелось демонстративно встать и покинуть пляж, лишь бы только с ним не общаться.

Мужчина что-то сказал, с ленцой растягивая слова. Я была вынуждена посмотреть на него, не в силах скрыть ехидной улыбки.

— Не понимаю, — ответила, разведя руки в стороны и качая головой, всем своим видом намекая, что беседы не получится.

Он и не собирался уходить, продолжая меня разглядывать. Я ничего не могла рассмотреть, кроме высокой фигуры и темных вьющихся волос, прилипших мокрыми прядями к его лбу.

— Говорите по-английски? — вновь спросил он, перемещаясь в сторону и закрывая собой солнце. Невольно вздохнула с облегчением, когда оно перестало светить в глаза.

О да! Это я могла. Говорила, может, и не так бойко, но понимала почти все. Спасибо сильной школьной базе и дополнительным курсам, а еще маме, которая настояла на знании языка.

Пришлось сознаться, не делать же вид, что не понимаю.

— Как вам тут, нравится? — он устроился на соседнем камне и посмотрел в сторону моря. Слава Богу, перестал разглядывать меня.

Появилась возможность рассмотреть его лицо. Настоящее мужское: широкие скулы, квадратный подбородок, нос с горбинкой. Ничего особенного. Нет, есть особенное! Я снова вспомнила взгляд его наглых серо-синих глаз — единственное, что сохранилось в памяти с прошлой встречи. Он нахал, каких поискать! И чего только приперся сюда?

— Это частная территория, — выпалила я, находясь во власти отрицательных эмоций.

Начинало бесить, что он не собирается уходить. Сидит тут с видом хозяина мира.

— Знаю, что старик оставил все тебе, — кивнул он, обводя глазами пляж и возвращаясь к моему лицу. — Интересно, почему?

— Наверное, потому, что я его родственница, — ехидно ответила я.

Бесила его манера говорить с ленцой, и хрипотца в голосе выводила из себя. Резко захотелось уйти с пляжа, но снова одеваться под его взглядом... Ни за что!

— Сомневаюсь, — протянул он.

Интересно, в чем? В том, что я родственница или в том, что дед все завещал мне? К чему, вообще, этот разговор?

— Вас это не касается! — отрезала я. Не собиралась и дальше выслушивать его сомнения. — Если вы не заметили, я тут отдыхаю. И хочу побыть в одиночестве.

Пропало желание деликатничать. Захотелось сказать открытым текстом, чтобы валил с моего пляжа.

— Будь осторожна, — предупредил он, поднимаясь с камня. — Италия — гостеприимная страна, но только когда гость ведет себя скромно. Не высовывайся.

Это угроза?! Я чувствовала, как в душе растет возмущение. Что он себе позволяет? Чтс значит, не высовывайся?

Этот мужчина вызывал во мне целый букет отрицательных эмоций, которые множились с каждой минутой. Вроде он собрался уходить. Чему я несказанно рада. Иначе, не ручаюсь за

себя. Грубо я могу и по-английски ответить.

— Здесь неудобно купаться и загорать, — повернулся он, направляясь к воде. — Можешь приходить на мой пляж. Обещаю не мешать. Если, конечно, ты не будешь купаться обнаженной.

Его глаза блеснули, и на губах появилась ехидная усмешка. Ответить я не успела. Пока соображала и справлялась с новой волной смущения, он уже усаживался на свой скутер и отчаливал от берега.

После его ухода я еще какое-то время оставалась на пляже. Настроение резко испортилось, да еще и Олеся загуляла. Сейчас мне, как никогда, требовалось ее суетливое общество.

Я наблюдала, как солнце прячется за горизонт, окрашивая небо в яркие цвета. Завораживающее зрелище! Несмотря на то, что хотелось уйти в дом, я продолжала рассматривать закат, пока светило полностью не скрылось. Постепенно начало темнеть. Надеюсь, Серхио проводит Олесю. Не будет же она пробираться в темноте по камням. Что-то я разволновалась и немного замерзла на остывающем камне. Пора уходить.

Дома я налила себе бокал вина и вышла на веранду. В свете фонарей сад казался еще более сказочным. Радовало, что тут нет комаров. Эти кровопийцы способны испортить любой отдых. Я потягивала вино и думала о характере собственных ощущений. Почему с каждым днем мне все сильнее кажется, что я оказалась дома? Почему это место воспринимается, как родное? Все ли дело в законном наследстве? Или есть что-то еще?

Олесю я не дождалась, да и не рассчитывала больно. Когда окончательно стемнело, отправилась спать. Надеялась только, что придет она не слишком поздно, и завтра не будет выглядеть, как сонная муха.

Глава 7. Братский налет

Разбудил меня дикий визг. Я так испугалась, что не сразу поняла, где нахожусь. Вспомнив, осознала, что кричать может только Олеся. Собралась вылезти из постели и бежать ей на помощь, как в комнату распахнулась дверь. На какой-то момент в проеме мелькнул мужской силуэт. В следующее мгновение меня буквально выдернули из кровати и потащили из комнаты, не заботясь о том, что я ударяюсь обо все встречные углы.

От яркого света в гостиной я ослепла на несколько секунд. Все это время слышала мычания, в которые перешел Олесин визг.

— Тихо ты, крошка. Веди себя хорошо, и дяди тебя не обидят, — услышала я русскую речь.

Я, наконец-то, проморгалась и смогла оценить ситуацию. Олесю держал бритоголовый амбал. Одной рукой он обхватил ее за талию и прижал спиной к себе. Другой зажимал ей рот. Она непрестанно мычала и дико вращала глазами, одновременно пытаюсь вырваться. Все ее попытки заканчивались неудачей, амбал вдвое крупнее ее и, наверное, во столько же раз, если не больше, сильнее.

Подруга не раздевалась, значит только вернулась с прогулки. Скорее всего, она и впустила в дом незваных гостей. Сколько же время? Я перевела взгляд на того, кто крепко держал меня за запястье. Как брат-близнец того, что не давал шелохнуться Олесе. Такой же здоровый и бритый.

Я еще не до конца проснулась, наверное, поэтому испуг носил притупленный характер. Казалось, что происходит это не с нами. Как во сне наблюдала за рукой амбала, удерживающего Олесю, как она двинулась вверх и обхватила пышную грудь. Зря он это сделал. Не успела додумать. Бритоголовый зарычал, выпустил Олесю и затряс рукой.

— Кусается, падла. — Он рассматривал руку. — До крови укусила.

— А ты держи свои лопасти при себе, придурок! — провизжала Олеся. Она сейчас напоминала разъяренную кошку. Недолго думая, заехала амбалу между ног, отчего тот согнулся в три погибели, моментально забыв про укушенную руку.

— Сука! Убью! — рычал бритоголовый, только разогнуться пока не мог. Видать, знатно ему заехала Олеся.

— Попробуй, ублюдок! Получишь еще! — проорала Олеся.

Что она делает?! Он же ее сейчас пристукнет! А ей хоть бы хны. Растрепанная, размазывает злые слезы по лицу и сверлит его взглядом, словно хочет испепелить.

Я, наконец, начала приходить в себя. Поняла, что все это не снится. Дернула рукой, пытаюсь высвободиться из железной хватки.

— Отпусти, больно, — попросила я, стараясь говорить спокойно. Достаточно одной орущей.

— Без фокусов, поняла? — брат-близнец разжал пальцы, я потеряла запястья. Наверное, останутся синяки.

В это время события разворачивались стремительно. Амбал пришел в себя и кинулся к Олесе. Она совершенно дико завизжала, когда он схватил ее за волосы и закинул голову.

— Попрощайся с мордахой. Сейчас твоя физиономия изменится до неузнаваемости...

Не отдавая себе отчета, я рванула на помощь подруге. Мой охранник не успел

отреагировать вовремя. Я вцепилась в руку амбала, которую тот занес для удара. Олеся завизжала еще пронзительнее, видно он сильно дернул ее за волосы от неожиданности. Я почувствовала, как меня пытаются оторвать от руки, и принялась отпинываться. Олеся тоже активно работала ногами, не заботясь о том, куда попадает. Пару пинков досталось моим бедным ногам.

Мне было все равно, кто и куда меня тащит. Лишь бы не позволить ударить Олесю.

— Что это за свалка?!

Окрик заставил замереть нас всех. Только Олеся продолжала повизгивать, удерживаемая за волосы.

— Отпусти ее, — велел третий бритоголовый. Когда и откуда он появился, я не заметила. — Отпусти, сказал, — с угрозой повторил он, глядя на амбала. Тот нехотя разжал пальцы и выпустил загривок Олеси. Она отскочила на безопасное расстояние, потирая затылок.

Все остальные, как по команде, тоже выпустили друг друга.

— Че за возня, идиоты? — спросил третий, усаживаясь на диван.

— Да все эта, — первый амбал кивнул на Олесю. — Тварь!

— Сам, долбаный придурок, — огрызнулась она.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я, наконец-то, почувствовала способность думать и разговаривать.

— Кто-нибудь объяснит, что здесь происходит? — задала вопрос третьему бритоголовому, сообразив, что он тут главный.

— Объяснять тебе, крошка, никто и ничего не собирается, — противно ухмыльнувшись, показывая золотую фистулу, ответил он. — А вот предупредить намереваемся. Сваливайте отсюда. Даем три дня срока. Не уложите, пеняйте на себя. Стасика больше сдерживать не буду, — кивнул он на первого амбала. — Ровно через три дня не уберетесь, разговор другой будет.

— А с какой стати я должна убираться отсюда? Это все мое, если вы еще не знаете!

Голос дрожал то ли от возмущения, то ли страх не отпускал. Я не понимала ровным счетом ничего, кроме того, что эти бугаи русские. Что они тут делают, какое отношение имеют к наследству?

Тот, что главный, встал с дивана и подошел ко мне вплотную. В нос ударила смесь чеснока и перегара. Я не выдержала, поморщилась и отвернулась.

— Три дня, понятно? Не уберетесь, готовьтесь к серьезному разговору, — прошипел он, еще сильнее обдавая меня зловонием. Интересно, как часто он чистит зубы. Меня передернуло. — Так, Стас?

— Я тебя убью! — прорычал Стас исключительно для Олеси. — И сделаю это медленно.

Больше они ничего не сказали, ушли. У Олеси наступил отходняк, вылившийся в истерику. Она осела на пол и принялась рыдать, громко причитая на тему, какие мы бедные и несчастные. Свою реакцию могу описать, как ступор. Сначала просто наблюдала, как льет слезы подруга. Потом решила сходить на кухню за водой. Рука дрожала, половину стакана расплескала, пока несла.

— Олесь, — позвала я. Та не обращала на меня никакого внимания, продолжала самозабвенно плакать. — Олесь, на выпей, — повысила я голос. Реакции ноль.

Я опустила на корточки и потрепала ее за плечо. Она подняла на меня залитое

слезами лицо. Судорожные всхлипы сотрясали ее всю. Настоящая истерика, с которой она не сможет справиться. Недолго думая, я залепила ей звонкую пощечину. Всхлипывания тут же прекратились, огромные глаза уставились на меня с непониманием.

— Прости. Экстренные меры, — пояснила я, протягивая ей бокал. — Выпей.

Она взяла бокал и чуть не расплескала остатки воды. По сравнению с моими, ее руки ходили ходуном. Пришлось помочь держать ей бокал, пока она пила, выстукивая зубами чечетку.

— Пошли на кухню, — помогла я ей подняться. — Выпьем вина.

Я налила по полному бокалу. Велела Олеся выпить залпом. Сама тоже не отрывалась, пока не проглотила последнюю каплю.

Олеся умылась над раковиной, смачивая и приглаживая волосы. Заметно было, что дотрагиваться до затылка ей больно.

— Что будем делать? — с этими словами она вернулась к столу.

— А что тут можно сделать?

Честно говоря, в голове не появлялось ни одной путевой мысли. Только что нам угрожали. Неизвестно кто и почему. Вряд ли это чья-то злая шутка. Значит, дело в наследстве. Кому-то оно понадобилось. Понятия не имею, что именно, но что-то важное. Как нам следует себя вести, не представляю.

Все соображения я высказала Олеся. Напоследок задала ей тот же вопрос:

— Что будем делать? И сколько сейчас время?

— Около двух, — ответила Олеся. — Я пришла, а возле дома эти... Они мне даже слова сказать не дали, перепугали до смерти, — всхлипнула она. — Я расскажу Серхио.

— Может, не стоит его вмешивать?

Я подумала, что он совсем еще молоденький. Зачем ему наши проблемы?

— Давай лучше с Марко и Дарио переговорим, — предложила я.

— Давай. — Олеся широко зевнула. Я заметила, что она еле удерживает вертикальное положение. Стресс спровоцировал жуткую усталость.

— Пошли спать. Завтра подумаем, как лучше поступить, — предложила я.

Уснула я только под утро. А через пару часов меня разбудила Олеся.

— Вставай, опоздаем к отплытию. Противный капитан точно ждать не станет.

Выглядела она непривычно строго. Никакого изыска в одежде. Шорты и футболка. Волосы собрала в пучок. Как будто готовилась к битве. Лицо тоже серьезное, как у полководца, который собирается послать воинов на верную смерть.

На кухне меня ждал кофе и бутерброды. Олеся даже об этом позаботилась.

Через полчаса мы отправились на судно, преисполненные непонятной решительности.

Успели как раз вовремя.

— Еще пять минут, и мы бы отплыли, — сообщил нам, сверкая белозубой улыбкой, Марко.

Он помог нам подняться по трапу и убрал его. Шхуна тут же стала отчаливать.

Капитан даже не вышел поприветствовать нас, чему лично я обрадовалась. Думаю, Олеся считала так же. Вряд ли ей хотелось видеть его похотливое выражение лица и ощущать на себе липкие взгляды.

Марко проводил нас к небольшой скамейке на носу лодки, откуда хорошо просматривалось море.

— Прибрежные воды являются заповедной зоной. В них запрещено ловить рыбу. Для этого мы выходим в открытое море, — объяснял он.

Я чувствовала себя неловко под его взглядом. Как и в первую встречу, обращался он исключительно ко мне, при этом так смотрел, что временами у меня по коже пробегали мурашки. Он, по всей видимости, решил стать нашим гидом на время поездки. Меня такое положение вещей не очень устраивало. Хотелось обсудить с Олесей ночное происшествие, а при нем я не могла заговорить об этом.

Он рассказывал о губках, лилиях, съедобных морских ежах... О многих других подводных обитателях. Наверное, в другое время, мне было бы интересно послушать, но не сегодня. Олеся поступила проще — перестала обращать на Марко внимание, погрузилась в мысли, сосредоточенно рассматривая море и хмурия брови. Я не могла себе этого позволить. Его красноречивый взгляд заставлял оказывать ответное внимание. От напряжения у меня даже разболелась голова. Хотя, скорее всего, от недосыпа и ночных волнений.

Берег уже остался далеко позади, когда я почувствовала первый приступ тошноты. Внутренности резко взбунтовались и погнали меня в туалет, где я благополучно оставила завтрак. Вроде ничего особенного не ела, отравиться не могла. Почему же так плохо?

— Морская болезнь, — поставил диагноз Марко. Даже тот факт, что чувствовала я себя отвратительно, не заставил его перестать улыбаться. Это уже начинало раздражать. Неужели, никакое другое выражение не свойственно его лицу? Стоит тут скалиться! — Пойду, приготовлю чай.

Слава Богу, ушел. Хоть на какое-то время оставил нас в покое, перестал рассказывать о местных красотах. К тому времени в туалете я побывала несколько раз. Рвать уже было нечем, но я продолжала испытывать позывы. Голова трещала и кружилась. Не помню, когда в последний раз чувствовала себя настолько паршиво.

— Хреново, да? — сочувственно поинтересовалась Олеся.

Хорошо, хоть она не страдала дурнотой. По крайней мере, выглядела нормально. Я даже ответить не смогла, лишь кивнула. С жадностью вдыхала воздух, в надежде, что полегчает. Скорее бы уже это корыто остановилось, сил не осталось терпеть качку. Казалось, капитан решил переплыть море. Может, он делает это намеренно, чтобы добить меня? Чем только умудрилась вызвать столь ярую ненависть?

— Пойду, потороплю Марко с чаем, — резво подскочила Олеся. — Сиди, никуда не уходи.

Какой там? Я сидеть-то толком не могла, полулежала на лавочке. Называется, решила проконтролировать улов. Да меня стошнит от одного вида рыбы. Лодка пропахла ею. Запах бил в нос, вызывая все новые приступы тошноты.

Я заставила себя встать и подойти к бортику, в надежде, что там больше свежести. Легче не стало, море тоже пахло рыбой. Новый спазм согнул меня пополам, заставив перегнуться через перила. Я испугалась, что прямо тут начнет рвать. В этот момент сильные руки оттащили меня, не дав свалиться за борт.

Дарио продолжал удерживать меня за талию и буравил черными глазами из-под нахмуренных бровей. На нем была все та же красная бейсболка. Я чувствовала себя так отвратительно, что еле стояла на ногах. Коленки дрожали. Не держи он меня так крепко, свалилась бы точно. На глазах выступили слезы, губы задрожали. Не хватает еще разрыдаться перед ним.

Он подвел меня к лавке и аккуратно усадил. Что-то сказал, но я не поняла ни слова.

Хорошо вернулась Олеся. Перекинулась парой фраз с Дарио, после чего он удалился. Очень хорошо, потому что под его взглядом я чувствовала себя еще более неудобно, чем под откровенным взглядом Марко.

— Ты зачем поперлась к бортику?! — возмутилась Олеся. — На минуту нельзя оставить! А если бы свалилась? — Она сунула мне в руки кружку с крепким чаем. — Он сказал, что скоро остановимся, и тебе полегчает. Пей чай пока. Я хотела переговорить с Марко, но его припахал капитан. Да и чем он нам поможет? — рассуждала она. — Простой матрос. А проблемы у нас не простые, сдается мне...

— Как же тогда быть? — нашла в себе силы спросить, хотя, в данный момент меня не интересовали русские братки. Единственное желание, чтобы полегчало, затмило все остальные.

— Не знаю пока, но думаю.

Наконец-то шхуна замедлила ход, а потом и вовсе остановилась. Качка стала не такой сильной. Главное, мотор перестал гудеть и отдаваться эхом в моей голове. Олеся в очередной раз куда-то умчалась. Я не могла больше сидеть и растянулась на лавочке. Плевать я хотела на улов. Больше всего нуждалась в оздоровительном сне.

Я слышала красивый баритон Марко, пискляво-сварливый голос капитана, веселый Олесин... По-моему, только Дарио молчал, все остальные говорили одновременно. Что-то шуршало, падало... Но все эти звуки были приятнее, чем монотонный гул мотора. Они рождали уютную какофонию, под которую я задремала.

Не знаю, сколько проспала, проснулась от голоса Олеси. Она стояла возле бортика и с кем-то весело беседовала. Совсем с ума сошла? С кем можно разговаривать в море, с дельфинами что ли? Постепенно я различила звуки приятной музыки и женский смех. Это уже интересно!

Чувствовала я себя значительно лучше, поэтому и решила удовлетворить любопытство, о чем быстро пожалела. Стоило только привстать с лавки, как я наткнулась на знакомый насмешливый взгляд. Ретироваться не имело смысла, он уже заметил меня. Не удержалась, скривилась, чем вызвала ехидную усмешку на его губах. Ну почему судьба меня сталкивает с этим человеком в самые неподходящие моменты? То голой, на пляже, то растрепанной и заспанной, как сейчас.

Он кивнул в знак приветствия и картинно приподнял козырек белоснежной бейсболки. Я с досадой отвернулась. Ничего не могла с собой поделать. Проявлять вежливость по отношению к нему выше моих сил.

— Проснулась? — услышала я голос Олеси и вынуждена была повернуться. — Алессандро приглашает нас присоединиться к ним на яхте.

— Алессандро? — ехидно переспросила я.

— Ну да! Алессандро Колаяни... Красиво звучит, правда?

Вот как? Она уже успела познакомиться с ним? Я бросила взгляд в сторону белой с голубым яхты. По сравнению с нашей шхуной выглядела она вопиюще современной и слишком чистой. В этот момент к Алессандро подошла высокая девушка в бикини с бокалами в руках. Чем-то она напомнила мне Орнеллу Мути. Один бокал она протянула ему и ослепительно улыбнулась. Он обнял ее свободной рукой за талию, не прекращая беседы с Олесей. Перед тем, как отвернуться в очередной раз, я поймала на себе его насмешливый взгляд.

— Может, правда, переберемся к ним? — предложила Олеся.

— Нет уж, — ответ прозвучал резче, чем я планировала. — Если хочешь, иди, — продолжила мягче. — У меня нет ни желания, ни настроения.

— Не пойду же я одна, — обиженно протянула она. — Как это будет выглядеть?

— Олесь, я правда не хочу, не уговаривай. Я вообще хочу скорее попасть домой. Не знаешь, скоро они закончат?

— Да вроде уже все, закругляются, — грустно ответила она. — Наверное, скоро отчалим назад.

Мне стало жалко ее. Я понимала, что яхта — это не рыболовецкая шхуна. Что там народ отдыхает с комфортом, а здесь мы вынуждены терпеть неудобства и делать все, чтобы не мешать команде работать. И дело даже не в том, что я устала и хотела домой. Просто, сама мысль, что придется провести время в компании этого наглеца, выводила из себя. Меня бесил его облик, то, как самодовольно он вел себя, как нагло рассматривал меня. Каждый раз, встречаясь с ним взглядом, я вспоминала собственное унижение, когда он видел меня голой.

— Ты иди, Олесь, — снова предложила я. — Я не обижусь, честно.

— Ну, уж нет! Одну я тебя тут не брошу, — бодро ответила она, что-то сказала Алессандро и весело помахала. — Кроме того, вечером у меня свидание с Серхио. Хочу подготовиться к нему, как следует.

— Опять бросишь меня одну? — сварливо поинтересовалась я.

— Ну, Люсь, ты чего? Хочешь, пойдем с нами? — предложила она.

— Смеешься что ли? Что я там буду делать? Да, не переживай ты, все нормально. Я найду, чем заняться.

На самом деле я не злилась на подругу. Наоборот, перспектива провести вечер в одиночестве воодушевляла. Немного портила настроение тревога, поселившаяся внутри после визита бандитов. Но не может же быть, чтобы нас не защитили власти?

— Слушай, может, на обратном пути заглянем к нотариусу? Расскажем ему про ночное вторжение? — осенила меня мысль.

Я смотрела на удаляющуюся красавицу яхту и идея пожаловаться властям нравилась мне все сильнее.

Всю обратную дорогу Марко не появлялся в поле нашего зрения. Видно, злодей капитан загрузил его работой по самое не хочу. Пару раз мелькнул хмурый Дарио. На нас он даже не смотрел, занимался своими делами. Олесь задала ему вопрос, на который он ответил, как отрезал.

— Ну и бука! — возмутилась она. — Дикарь какой-то! Я спросила, как улов, а он мне: «Лучше, чем вчера».

— Да уж, исчерпывающий ответ, — рассмеялась я и поймала грозный взгляд Дарио. Смеяться резко перехотелось.

— Да ну его! И улов этот к черту! Работают и ладно, — махнула рукой Олесь. — Ты как хочешь, а я больше не собираюсь ездить на рыбалку. Мне кажется, я вся пропахла рыбой. Чем теперь эту вонь выводить?

Я бы тоже ни за какие коврижки больше не согласилась на такое путешествие. Придется выведывать новости у Марко. Что-то мне подсказывало, что капитан не собирается обсуждать этот вопрос со мной, как будто его судно вдруг, чудесным образом, стало моим. И теперь он меня ненавидит за вероломство.

Марко не появился даже, когда мы сходили на берег. Странно... Что так могло его

отвлечь? Я даже заскучала по его улыбке. Зато Дарио повел себя фантастично. Мало того, что помог нам спуститься по трапу, так еще предложил подвезти до конторы нотариуса. Всю дорогу, пока мы тряслись в его внедорожнике по неровным улицам, он вел оживленную беседу с Олесей. Я поняла, что она рассказывает ему о ночном происшествии. Он задавал вопросы и слушал очень внимательно. А потом посоветовал оставить заявление в полиции, сказал, что нотариус тут вряд ли может оказаться полезным. Мы так и поступили. Дарио довез нас до участка полиции, который находился совсем недалеко от дома. Там Олеся написала заявление, минут десять говорила с инспектором, прежде чем мы смогли уйти.

— Не понравилась мне их полиция, — категорично заявила Олеся на обратном пути.

— Наша лучше? — усмехнулась я.

— Не в этом дело... У них были такие лица, типа, справляйтесь сами со своими проблемами. Ты не заметила? Они и заявление-то приняли, лишь бы мы отвязались.

Глава 8. Загадочное послание

Морская прогулка утомила меня до крайности. Последние метры на тропинке, ведущей к плато, я преодолела с трудом. Олеся тоже выглядела уставшей, немногим бодрее меня.

— Давай поваляемся тут, на шезлонгах, — предложила она, когда мы вошли в цветущий и благоухающий двор.

Мне такая идея понравилась. Не хотелось заходить в душный дом. Любуясь садом, вдыхая аромат цветов с примесью моря, я чувствовала, как каждая клеточка организма наполняется энергией. Удивительно, как действовало на меня это место! Больше нигде я не ощущала такого комфорта. Даже в собственной квартире чаще думала об убогости существования, чем наслаждалась удобством. Тут же все иначе. Не могла избавиться от ощущения, что дом только и ждал меня, что сад расцвел от радости. Такая мысль казалась дикой, но настырно лезла в голову.

Олеся сообразила коктейли, которые мы с наслаждением потягивали, лежа в шезлонгах и любуясь зеленым шатром.

— Рай какой-то! — озвучила мою мысль Олеся. — Не думала, что все окажется таким. Честно говоря, когда мы ехали сюда, я ожидала увидеть развалюху, типа рыбацкой хижины. Помнишь, как дом выглядел на карточке?

— Помню, — откликнулась я. Внезапно в голову пришла мысль, которую я поторопилась высказать: — Слушай, а ведь фотографию специально сделали такого плохого качества. Даже ракурс выбрали самый невыгодный.

— Да? А зачем? — округлила глаза Олеся.

— Откуда же я знаю. Самой интересно. Нужно бы поинтересоваться, кто занимался съемками? Уж не нотариус ли сам?

— Что-то я перестала понимать происходящее, — промолвила Олеся и присосалась к коктейлю, словно в нем могла найти ответы на вопросы. — Эти уроды... Они же из России, получается? Раз гонят нас отсюда, значит им нужно твое наследство? Что именно?

— Ты так спрашиваешь, как будто я знаю, но предпочитаю скрывать! Судя по всему, не только им что-то понадобилось. Мне кажется, письмо отправили в надежде, что оно потеряется, или я махну рукой на наследство.

— Странно все это, — задумчиво протянула Олеся. — Как думаешь, братки вернутся?

Об этом страшно думать. Их визит напугал меня гораздо сильнее, чем я признавалась себе и подруге. Еще в душе росла злость, рожденная беспомощностью. Нужно что-то предпринять, как-то себя обезопасить, но я понятия не имела, в каком направлении действовать. Мы же не располагаем никакой информацией! Ничего, кроме того, что этот дом мне нравится, и сдаваться так просто я не собираюсь.

— Не знаю, — ответила я, но в душе крепла уверенность, что так просто мы от них не отделаемся. Одновременно росла паника, поэтому я старалась не думать о бандитах, пока есть такая возможность. По крайней мере, два дня спокойной жизни еще есть. А там посмотрим. Может, полиция вмешается и утрясет конфликт. Хотя, вряд ли... Это мне подсказывала интуиция.

Через пару часов Олеся умчалась на свидание к Серхио. Я проводила ее до пляжа.

заодно немного поплавала, а потом вернулась в дом. Какое-то время тупо слонялась по комнатам, придумывая себе занятие, пока не поняла, что делать ничего не хочется.

В такие моменты меня спасало чтение. За интересной книгой время пролетало незаметно, в душе устанавливалось равновесие. Конечно, те несколько книг, что оставил мне дед трудно назвать библиотекой, но это лучше, чем ничего.

Я подошла к шкафу с надеждой подобрать подходящую книгу. Каково же было удивление, когда практически сразу мне бросилась в глаза «Пираты мексиканского залива» Висенте Рива Паласио. Именно с этой книжки я когда-то, в далеком детстве, полюбила литературу. Она стала первой, прочитанной мной сознательно и с интересом. До этого я ограничивалась литературой начальных классов, читала из-под палки. Мама отчаялась привить мне любовь к книгам. Помню, мы даже ругались. Я нахально заявляла ей, что читаю телевизионную программу, чем не литература?

Тогда меня привлекло оформление томика. Старенький, потрепанный, зачитанный не одним поколением, он не вписывался в красивые переплеты родительской обширной библиотеки. Любопытство толкнуло меня достать его с книжной полки. Помню, я раскрыла наугад, и в глаза бросилось женское имя Хулия. Чем-то оно мне понравилось. Так я начала читать и больше уже не переставала.

Сейчас на меня из шкафа смотрел точно такой же томик. Надо же! А дед был романтиком, раз любил читать про путешествия, пиратов и большую любовь. Появилась потребность перечитать книгу. Я достала ее из шкафа и решила устроиться на скале. Шум волн и крик чаек — подходящие декорации к захватывающему сюжету. Тем более что солнце уже планировало покинуть небосвод, уступить место сумеркам. Но пару часов дневного освещения у меня еще имелись в запасе.

Не заметила, как погрузилась в забытый сюжет. Ласковый ветер приятно охлаждал кожу и теребил волосы. Я полулежала на теплом камне и читала любовь. Как же меня завораживала в детстве романтика на страницах этой книги! Даже сейчас я испытывала отголоски того чувства, как будто скинула половину жизни, на время очутилась в детстве.

— Так и знал, что ты здесь. — Голос Марко врезался в сознание неожиданно. Я вздрогнула и чуть не выронила книгу.

Хотела было разозлиться, но вместо этого рассмеялась, когда увидела его, поднимающегося по лестнице. На губах играла стандартная улыбка, только зубов не было видно. Ими он зажал небольшой букетик цветов.

Поднявшись на скалу, он достал букет и протянул мне со словами:

— Что ты сделала с этим местом? Я сначала подумал, что попал в рай. Никогда его таким не видел.

— Оно само, — рассмеялась я, чувствуя, как заражаюсь его настроением. — Спасибо за цветы!

— Я бы не принес их, зная, как тут стало. Но выбрасывать тоже жалко.

— Они великолепны. — Я посмотрела на букетик, усыпанный мелкими разноцветными бутончиками. Наверное, какая-то разновидность полевых цветов. Хотя, скорее скалистых. Поля-то тут откуда? Я рассмеялась собственной логике, чувствуя, как стремительно улучшается настроение.

— Хотел позвать тебя на ужин. Не против?

Он выглядел еще красивее, чем на шхуне. Рабочую одежду сменил на более цивильную. Вместо майки надел яркую рубашку с авангардным рисунком и шорты вместо джинсов.

Черные волосы уложены в крупные волны и блестят на солнце. Глаза прячутся за темными очками. Антонио Бандерес, ни дать ни взять. Только выше и крепче. Красавец, одним словом!

Как можно отказать такому мужчине провести с ним вечер. Конечно я согласилась, тем более что есть хотелось ужасно. Еще до его прихода я строила планы, как спущусь в дом и займусь приготовлением ужина. Рада, что не нужно этого делать.

— Как ты проник через забор? — поинтересовалась я, когда вышла к Марко, переодевшись в крепдешиновое платье — самое вечернее из имеющихся в моем скудном гардеробе. Обулась в босоножки на платформе. Какой никакой, а каблук. Рядом с высоченным Марко я смотрелась мелкой, хоть и не считала себя низкорослой.

— Вовремя спросила, — рассмеялся он. — Я с любым замком могу справиться.

Его слова натолкнули на мысль поменять замок. Не замечала раньше такой подозрительности за собой. Правда, раньше на меня и бандиты не наезжали. Интуиция опять помешала рассказать Марко о ночном визите, хоть и мелькнула такая мысль. Возможно, просто не хотела портить чудесный вечер.

Марко повел меня в небольшой ресторанчик в центре города. Вернее, мы поехали туда на его машине, которая дожидалась нас у подножья тропы. Неплохая машина для простого матроса — красная спортивная. Не стала проявлять любопытство, хоть и подмывало спросить, откуда такая красота.

— Расскажи мне про деда, — попросила я, когда утолила первый голод и осушила бокал вина. — Каким он был? Долго ты его знал?

— Я познакомился с ним больше десяти лет назад. Какой он был? — Марко задумался. — Трудно описать словами. Станный. Это слово больше всего ему подходит. Он мало с кем общался. Много времени проводил в саду или на скале, глядя на море. Он мог часами на него смотреть. Как-то я спросил, что он там пытается разглядеть? А он мне ответил: «Смысл жизни». Он редко улыбался, и всего один раз я видел его смеющимся, когда наблюдал, как вылупляются из яиц черепашата. Он никогда не рассказывал о себе, хоть я и пытался его расспрашивать. Я даже не знаю, была ли у него когда-нибудь женщина? Кажется, что он всю жизнь был... как это у вас говорят? Отшельником, — вспомнил Марко.

Я впитывала каждое слово. Постепенно воображение рисовало образ сурового старца, гордо стоящего на скале и вглядывающегося в море. В доме не было ни единой фотографии, не считая моего портрета. Поэтому приходилось придумывать внешность деда. Зато, я нарисовала его таким, каким хотела бы видеть.

Из слов Марко я поняла, что, несмотря на затворничество, дед любил людей и помогал им. Взять хотя бы тех же беженцев. Он же практически ничего не зарабатывал на рыбной ловле, продавал ее задарма. За это его не любили конкуренты. Но, как я догадалась, плевать он на них хотел.

Что заставило его, много лет назад, выбрать именно этот остров для жизни? Оторванность от материка? Видимость изоляции от всех и вся? Чем же ему так не угодили родственники, раз он сбежал, прихватив сокровища отца? Кстати, в факт существования сокровищ я особо не верила. Бабушка толком ничего не могла про это рассказать. Если верить ей, то отец деда был еще тем скрягой. Скорее всего, про сокровища никто и не знал.

Столько вопросов, ответы на которые я не получу, скорее всего, никогда. От этой мысли становилось грустно. Хотелось узнать как можно больше про человека, который подарил мне дом. Не место, где можно жить, а уголок мира, в котором хочется поселиться. С этим

желанием я тоже не знала, что делать. Не могу же я тут остаться навсегда? Это не моя родина. Что я тут буду делать? Опять душой завладели мучительные сомнения, мешающие наслаждаться отдыхом.

— Что с тобой? — Марко удивленно округлил глаза. — У тебя такое лицо, как будто съела лайм или собираешься заплакать. Я сказал что-то не то?

— Да, все нормально, не обращай внимания, — отмахнулась я и попыталась улыбнуться. — Просто, мыслей очень много, вот и не могу с ними справиться.

Марко смотрел так ласково. Неужели я, действительно, ему нравлюсь? А он мне? Скорее мне льстило его внимание.

— Ты такая красивая! — восторженно произнес он, чем вогнал меня в краску. Вот вечно я краснею по любому поводу. Ну, что он подумает? Что мне никогда до этого не делали комплементов? Но ведь, это правда! Никто и никогда мне такого не говорил!

— Скажешь тоже... — Невольно потупила глаза. Уставилась невидящим взглядом в тарелку. Нужно как-то выходить из неловкой ситуации. Не хотела, чтобы Марко и дальше продолжал осыпать меня комплементами. Опасалась, что могу влюбиться в него только поэтому. А для начала нужно узнать, что он из себя представляет. — А давно ты работаешь матросом на шхуне? — задала я насущный, как мне казалось, вопрос.

На самом деле, спросила я, лишь бы спросить. Поэтому, реакция Марко меня удивила. Он вмиг посерьезнел и напрягся.

— Не очень. Около года. А почему ты спрашиваешь?

А что особенного в этом вопросе? И правда, почему именно об этом я спросила? Да просто машина его мне показалась слишком роскошной для простого моряка. И выглядел он не как обыкновенный матрос, работающий за гроши. Я не интересовалась, сколько он зарабатывает. Этими вопросами занимался капитан, как просветил нас нотариус. Но сейчас, почему-то, задумалась.

— Ну, не тянешь ты на матроса, — попыталась отшутиться. Смех получился натянутым. — А до этого чем занимался? Как познакомился с дедом?

— Я занимался торговлей. Довольно успешно, — заговорил Марко. — Ездил на Сицилию, закупал товар и продавал его тут туристам. А год назад, мой катер налетел на скалы во время шторма. Тогда я чудом остался жив и почти сразу же разорился. Вот твой дед и предложил мне поработать на него. Но это временно, пока вновь не куплю катер. Или, может, возьму в аренду. Еще не решил. — Он замолчал ненадолго, будто окунаясь в воспоминания. Я поймала себя на мысли, что когда Марко серьезный, как сейчас, и не улыбается, мне он кажется совершенно чужим. Станные ощущения. Будто он не имеет права так выглядеть, а всегда должен скалиться. — А познакомился с твоим дедом я тоже случайно. Вынужден был пристать к его берегу, чтобы не плыть в ночь. Напросился на постой. Так и завязалось наше знакомство. Потом я часто останавливался у него.

Марко уже опять улыбался. Я тоже расслабилась. И рассказ прозвучал правдоподобно. Не знаю даже, что меня насторожило до этого. Наверное, в последнее время обстоятельства рождали подозрительность. Мне уже повсюду мерещились враги.

— Ты так хорошо говоришь по-русски. Неужели дед тебя так научил? — спросила я. Если бы не акцент, можно подумать, что Марко много лет прожил в России.

— Нет, конечно! — рассмеялся он. — Твой язык я выучил гораздо раньше. Мой отец жил с русской женщиной много лет.

Я ждала, что он продолжит тему. Но, видимо, про отца ему рассказывать не хотелось. А

может, он просто решил поесть, потому что в следующий момент занялся морепродуктами на своей тарелке.

Я уже успела насытиться, потому что совмещала разговор и поглощение пищи. Меня не устраивал скудный объем информации, который получила от Марко. Поэтому я продолжила расспросы:

— А дед рассказывал про меня?

— Никогда, — покачал он головой. — Несколько лет назад у него появилась твоя фотография. Я спросил, кто это. Он только и сказал, что родственница. Развивать тему не пожелал. А ты мне тогда уже понравилась, — вновь засиял улыбкой Марко. — Но в жизни ты оказалась еще лучше.

— Просто, там я гораздо моложе.

Не знала, куда деться от его взгляда. Он так смотрел, как будто я на самом деле самая красивая женщина в мире. Его взгляд прожигал насквозь и казался чересчур откровенным. Я устала от постоянных приливов крови к щекам. Начинала испытывать неловкость. Расценивала его взгляд, как неприличный. В какой-то момент еле сдержалась, чтобы не попросить его не смотреть так на меня.

Под его взглядом я не могла вспомнить, что же еще хотела узнать про деда? Кроме Марко мне и расспросить-то больше некого.

— Мы похожи с дедом? — задала я совсем не тот вопрос, что вертелся в голове.

— Нет, что ты! — рассмеялся Марко. — Он был жилистый и худой, словно иссушенный солнцем. А еще очень смуглый, почти черный. Его считали человеком без возраста. Внешне никто не мог определить, сколько ему лет. Я очень удивился, когда узнал, что ему за восемьдесят.

Вспомнила!

— А как он умер?

Странно, что этот вопрос не приходил мне в голову раньше. Ни у кого мы не удосужились поинтересоваться, от чего умер мой дед?

— Это точно не известно. — Марко опять посерьезнел. Улыбка сползла с его лица, уголки губ опустились вниз. — Его нашли у подножья скалы уже мертвым.

— Как?! Той самой?!

— Нет, успокойся, — поспешно заговорил он. — Не той скалы, где ты любишь сидеть. Он забрался далеко от дома. Ума не приложу, что ему там понадобилось. Возможно, он сорвался со скалы, потому что стало плохо с сердцем. Никто не знает точно. Но официальная версия такова.

Мне было стыдно, но испытала я облегчение. Если бы дед упал с той скалы, на которую я так полюбила подниматься, то, возможно, что больше я бы не смогла этого делать. Перед глазами все время вставала бы картинка его распростертого тела на камнях, у подножья. Грустно, конечно. Но, кто знает, может, он искал именно такую смерть.

Мои размышления прервал голос Марко:

— А пойдем, потанцуем где-нибудь?

— В смысле? В клуб?

— Ну, не совсем. Просто, летом, для туристов тут организуют танцевальные площадки. Там бывает очень весело.

Потанцевать с Марко? Не уверена, что хотела этого именно сейчас. В другой день, возможно. Сегодня же хотела поскорее вернуться домой, чтобы спокойно обо всем

подумать. Марко лишил меня спокойствия. Своими взглядами он сбивал с мысли, нарушал равновесие в душе. Кроме того, уже достаточно поздно, и скоро должна вернуться Олеся. Мы договорились, что она не будет шляться полночи. Да и побаивалась она после ночного вторжения.

— Давай, в другой раз, — предложила я.

— А что так?

Марко выглядел обиженным. Не привык принимать отказы?

— Нет настроения на танцы, честно.

— Ну, как хочешь, — протянул он.

Странное дело, но настроение у него менялось, как у капризной девушки. Только что сидел улыбался, а сейчас его губы надуты от обиды, глаза смотрят куда угодно, только не на меня. Еще больше удивляло, что меня устраивало такое его настроение. Зато смогла спокойно доест морскую вкуснятину и допить вино. Правда, дальнейший ужин прошел практически в молчании. Я пару раз попыталась что-то спросить у Марко, он отделался дежурными ответами, и я прекратила попытки растормошить его. Делать больше нечего, как ублажать обидчивых мужчин!

В какой-то момент, когда выходили из кафе, мне показалось, что Марко от обиды бросит меня здесь и не проводит до дома. Очень обрадовалась, когда услышала обиженное:

— Я отвезу тебя.

Боязно бродить в ночи по незнакомому городу одной. Вспомнились братки, которые, скорее всего, где-то тут же. Возможно даже, ведут наблюдение. От подобных мыслей по телу пробежал озноб, хотя, ночь стояла теплая и звездная. Что если я и Марко подставляю? Вдруг они решат с ним побеседовать. От нарисовавшейся в голове картинки, как они это будут делать, совсем поплохело. Я тут же обругала себя за то, что накручиваю. Но и не думать не могла. С каждым часом проблема казалась все серьезнее. Я понимала, что нельзя сидеть, сложа руки, нужно как-то действовать, только к кому можно обратиться, ума не прилагала.

Марко довез меня до тропинки и вызвался проводить до дома, чему я тоже обрадовалась. Когда мы оказались возле калитки, он придержал меня за руку. В свете звезд и луны я видела его лицо и понимала, что сейчас произойдет. Хотела ли я этого? Наверное...

Когда он прижал меня к себе, по телу побежали приятные мурашки. Я закрыла глаза одновременно с тем, как его губы накрыли мои. Полностью отдалась ощущениям, горячим рукам и прерывистому дыханию. Мне понравилось, как он целуется. Он делал это страстно и опытно одновременно. Сколько же женщин у него было? — мелькнула мысль. Наверное, немало, с такой-то внешностью.

— Пойдем в дом, — прервал он поцелуй, но продолжал прижимать меня к себе и заглядывать в глаза.

Я запаниковала. К такому развитию событий не была готова. И точно не мечтала о близости с Марко. Пока не мечтала... Лихорадочно соображала, как можно поделикатнее его отбрить. В этот момент со стороны моря донесся смех Олеси. Я с облегчением перевела дух. Вот оно — своевременное спасение!

— Твоя подруга? — спросил он. Я кивнула, боясь заговорить, что по голосу он поймет, как обрадовалась вмешательству. — Тогда, до завтра? — Он быстро поцеловал меня, еще раз крепко прижав. — Сходим куда-нибудь вечером?

— Хорошо.

Завтра наступит второй день из намеченного срока. Позволит ли мне усиливающаяся

паника пойти на свидание? Сейчас я не могла об этом думать. Мыслями опять завладели попытки найти выход из создавшейся ситуации.

Марко почувствовал, что мое настроение изменилось. Наверное, списал на приближение Олеси. Хотя, зная характер подруги, я могла предположить, что она еще долго будет щебетать с Серхио у моря. Предпочла не делиться мыслями с Марко, а попрощалась и договорилась встретиться завтра.

Глава 9. Кому любовь, а кому нежеланные встречи

Я не знала, как сложится наше дальнейшее пребывание на острове. Сможем ли мы отметить день рождения Олеси, который наступит через несколько дней? Три дня сроку прочно засели в моей голове. Что будет дальше, я даже не планировала. Боялась. Такое впечатление, что жить мне осталось два дня из отпущенных трех. Но именно эти два дня хотелось прожить как положено, сделать все, что запланировала. А в планах у меня поход в магазин, за подарком подруге.

Как и предполагала, Олеся прогуляла до утра. Сквозь сон слышала, как она вернулась. Впрочем, счастье до такой степени распирало ее, что она забыла о деликатности. Легкомысленная песенка, которую она напевала, принимая душ и укладываясь в постель, разбудила меня. Именно поэтому я зафиксировала, что наступает рассвет.

Она спала, как сурок, когда я проснулась. Даже ухом не повела, пока я готовила завтрак и собиралась в магазин. Если повезет, то успею вернуться до ее пробуждения.

Хоть я и вышла из дома с определенной целью, куда податься не представляла. Скорее всего, мне нужен центр города, от которого я не так и далеко. Магазины открываются в восемь часов. Буду одной из первых покупателей.

Никогда не умела делать подарки. Не размышляла заранее, что человеку нужно. Не интересовалась, есть ли у него какие-то пожелания. В этом плане я полагалась на волю случая. Покупала обычно то, что нравится самой, что бы я хотела иметь. Возможно, такой подход к делу неправильный, но это являлось частью моего характера.

До центра города я добралась за десять минут. Солнце еще не палило, и от прогулки я получала удовольствие.

Решила зайти в первый попавшийся на пути магазин. Внутри небольшого павильона царил полумрак, и было очень тесно. Одновременно тут могли находиться не более четырех покупателей нормальной комплекции. А тучный, так и вовсе один. Зато изобилие товара поражало, как и хаотичное размещение его на полочках и шкафах. Сначала мне даже показалось, что я попала в прошлое, в лавку старьевщика. Приглядевшись, поняла, что это сувенирная лавка.

Чего тут только не было! Изделия из цветной керамики, гончарные поделки, украшения из серебра, плетеные сувениры из тростника и пальмовых листьев... Небольшой стеллаж заполнен кружевными мантильями, веерами и цветными платками.

Сонный дядечка за прилавком встрепенулся при моем появлении, засуетился и торопливо заговорил. Когда догадался, что я ни слова не понимаю по-итальянски, перешел на ломаный и тоже малопонятный английский. Он принялся предлагать мне шахматные доски, какие-то ларцы, кожаные сувениры. Даже небольшая гитара чудесным образом появилась из-под прилавка.

Кое-как мне удалось объяснить ему, что выбираю подарок для подруги. Выслушав мою длинную речь, он важно кивнул и нырнул под прилавок. Достав объемный мешок, принялся выкладывать передо мной кулончики на золотых цепочках, серьги, колечки, браслеты. При этом он все время что-то говорил на смеси английского и итальянского.

В жизни не видела подобной красоты! Все изделия были выполнены из стекла, разной формы и расцветки. Из рассказа хозяина лавки мне удалось выцепить главное, что это

муранское стекло. Про него я когда-то читала. Его качество занимает одно из первых мест в мире. Теперь я в этом убедилась. Чувствовала себя сорокой, глаза разбегались, не зная, на чем остановиться.

Я перебирала кулоны и пыталась определить, какой бы формы и расцветки понравились Олесе. Измучилась вконец, пока не остановила выбор на наборе «Арлекин». Кулон, браслет и кольцо были выполнены из тончайшей стеклянной мозаики, напоминающей расцветкой и сочетанием квадратных фрагментов наряд одноименного персонажа итальянской комедии.

Мне показалось, что торговец вздохнул с облегчением, когда я, наконец, покинула его лавку. Понятное дело, измучила я его своими сомнениями, но и денег оставила немало. Муранское стекло и стоило по мурански — недешевое удовольствие.

К кондитерскому магазину меня привлек запах ванили и еще каких-то пряностей. Он распространялся в радиусе нескольких метров вокруг него. Теперь я принялась ломать голову, чем бы таким сладким порадовать подругу? Слава Богу, в отличие от первого, продавец разрешил мне бродить вдоль прилавков и холодильников, спокойно рассматривать сладости. Он не пытался навязать товар, а лишь молча наблюдал за мной.

Если хочу успеть до пробуждения Олеси, стоит поторопиться с выбором. Мне приглянулась ореховая халва «Туррон». Я попросила взвесить полкило этой обалденной с виду сладости. Еще захотелось купить конфет. Я как раз стояла перед бакалейным прилавком, когда призывно звякнул колокольчик, извещающий о прибытии новых покупателей. До этого в магазине кроме меня и продавца никого не было.

Но что стало с дородным и флегматичным дядей за прилавком?! Он резво соскочил с табурета, отчего заколыхались все три его подбородка и солидное брюшко. Затем вытянулся по струнке, изобразил подобострастную улыбку и мелко закивал головой. Мне стало любопытно, кого он мог так приветствовать. Не выдержала, обернулась. Ох, как же напрасно я так поступила. Стояла бы лучше спиной и продолжала рассматривать конфеты, возможно, меня бы не заметили. А так я наткнулась прямоком на взгляд знакомых серо-синих глаз со слегка опущенным верхним веком.

— Доброе утро, Люсьена, — поприветствовал Алессандро, насмешливо улыбнувшись.

Люсьена?! Это что еще за новости? Олеся что ли, так представила меня ему?

— Людмила, — поправила я, стараясь сохранять маску равнодушия.

Краем глаза заметила, как а-ля Орнелла Мути тряхнула плечом и презрительно отвернулась. Она поудобнее взяла Алессандро под руку и потянула в сторону не переставшего улыбаться продавца. Алессандро что-то сказал и освободился из ее рук, а затем направился в мою сторону, предоставив ей полную свободу действий. Неизвестно почему, я испытала чувство удовлетворения, увидев, как обиженно вытянулось у нее лицо. Правда, непонятное торжество сразу же уступило место нервозности. Чего-чего, а общаться с Алессандро, к тому же ближе, чем на расстоянии нескольких метров, не хотелось. Как назло, подошел он почти вплотную. Мне пришлось задрать голову, чтобы посмотреть в его глаза. Оказывается, они у него серые в синюю крапинку. Станные, как и сам хозяин. С досадой на собственное любопытство отвернулась и принялась бессмысленно разглядывать витрину. Близость этого мужчины сбивала с толку. На какой-то момент я даже забыла, зачем пришла сюда. Опять всплыло воспоминание о сцене на пляже, и я почувствовала, как румянец опалает щеки. Только этого не хватало. Краснею, как кисейная барышня!

— Хотите попробовать итальянские сладости? — спросил Алессандро. При этом он наклонился так близко, что его дыхание коснулось моих уха и щеки.

Я не знала, куда деть себя от досады. Ну, почему каждый раз, когда встречаюсь с ним, выгляжу, как пугало огородное? То голая, то сонная, теперь растрепанная и ненакрашенная... Что он подумает? И почему меня это так волнует?

— Хочу порадовать Олесю. У нее скоро день рождения.

А это я зачем сказала? Правдолюбка нашлась!

— Хорошие конфеты не здесь.

Я чуть не подпрыгнула, когда его прохладные пальцы коснулись моей руки и обхватили ее. Что это он делает? Он потянул меня к другому концу прилавка. Ни о чем не могла думать, кроме того, что моя рука находится в его и чувствует там себя очень даже комфортно.

— Возьмите эти. — Он указал на небольшую коробку, раскрашенную под ночное звездное небо, с прозрачным фрагментом сверху, через которое просматривались завернутые в серебряную фольгу конфеты. На ней красивыми буквами было выведено «Baci». — Они считаются лучшими. Название в переводе означает «поцелуй».

Почему он смотрит на мои губы, рассказывая все это? Я машинально облизнула их и заметила, как расширились его зрачки. Все это время он продолжал держать меня за руку. Почувствовав, как он большим пальцем слегка погладил мою ладонь, я выдернула руку. Сделала это скорее от испуга, чем из скромности.

— Спасибо, я подумаю, — ляпнула первое, что пришло в голову.

— Я бы еще посоветовал купить вон то печенье. — Он указал на стеллаж за прилавком, на яркую коробочку с названием «Amarettini». — Говорят, этот десерт вспоминают все, кто хоть раз пробовал. А из вин рекомендовал бы остановить выбор на Кьянти.

Ответить я не успела, подошла Орнелла. Она меня избавила от необходимости что-то говорить, тем более что слава упорно не лезли в голову. Я наблюдала, как Алессандро бросил на нее недовольный взгляд. Она снова завладела его рукой и прижалась к ней всем телом.

Я ни слова не понимала по-итальянски, но голову бы дала на отсечение, что заговорила она обо мне. Столько презрения в голосе! Типа, пойдем отсюда, зачем ты тратишь время на эту оборванку? Алессандро хотел было ответить, но передумал. Он кинул на меня взгляд и повел подругу к выходу.

Какой-то неприятный осадок остался в душе после их ухода. Возможно от высокомерия этой смуглой красавицы или от того, что вела себя, как глупая курица, мямлила, словно жевала горячую картошку. Сама не понимала, почему так интересуется его мнение обо мне? Кто он такой?! И не могла избавиться от отвращения к себе. Такое чувство, будто только что пережила очередной большой позор.

Я купила все, что посоветовал Алессандро. Четко следовала полученным инструкциям. Продавец, который стал заметно услужливее после ухода богатой парочки, навязывал мне еще и капучино, внушая, что печенье без него много теряет. К вину он старательно подсовывал Моцареллу. Но я все решительно отвергала. В инструкции это не входило.

Возвращалась домой в подавленном настроении, несмотря на плодотворное утро. Встреча и осадок от нее не давали покоя. Лишь в цветущем и благоухающем саду немного пришла в себя. Я дома. Именно таким я считала это место. Оно успокаивало, настраивало на нужную волну. Тишина и прохлада позволяли расслабиться и ни о чем не думать.

Спрятав покупки до поры до времени, я решила дожидаться пробуждения подружки во дворе. Прихватив Пиратов из дома, устроилась в шезлонге, чтобы почитать в уютной тени

деревьев.

Время близилось к полудню, а Олеся все не вставала. Я уже прочитала половину романа. Интересно, что одна и та же книга воспринимается по-разному в юношеском и взрослом возрасте. Раньше история любви, описанная в романе, казалась мне самой романтической на земле. Помню, я замирала от восторга, читая про чувства Антонио и Хулии. Мечтала, что когда-нибудь встречу такого же пирата, который так же будет меня добиваться. Теперь я понимала, что книга не только о любви, а еще и о людях, бросивших вызов испанской колониальной империи.

Птицы усиленно пели колыбельную под аккомпанемент шелеста листьев. Удобный шезлонг располагал к приятному отдыху. Сказывалась короткая ночь и раннее вставание. Меня потянуло в сон, и я отложила книгу. Сама не заметила, как задремала. Разбудил меня бодрый и беззастенчивый возглас подруги:

— Так и знала, что ты тут дрыхнешь!

Перед моим сонным лицом на столик опустился стакан апельсинового сока. Олеся присела на соседний шезлонг, потягивая напиток через соломинку. Она сияла, как солнечный зайчик, разглядывая меня счастливыми глазами.

— Я добавила туда немного martinis, не против? Захотелось хряпнуть с утречка пораньше, — кивнула Олеся на мой бокал.

Сознание медленно просыпалось, восстанавливая события утра. Наверное, проспала я совсем немного, но успела отдохнуть и чувствовала себя бодро. Ничего не имела против капельки спиртного, особенно учитывая, что с пробуждением вернулись все опасения, от которых меня отвлекло на время чтение.

— Как погуляла? — спросила я, усаживаясь в шезлонге и припадая к прохладному напитку.

— Супер! Серхио, он такой!.. — Она мечтательно закатила глаза. — Нежный!

А ты, по ходу, влюбилась без памяти, — подумала я, рассматривая ее счастливое лицо. Везет... Некстати вспомнила встречу в кондитерском магазине и надменное лицо Орнеллы. Стоит ли рассказать об этом Олеся? Тогда придется выдать секрет, что ходила ей за подарком. А я хотела, чтобы это стало сюрпризом. Да и, скорее всего, рассказывать о встрече с Алессандро будет еще неприятнее, чем вспоминать.

— Он показал мне, как управлять моторной лодкой. Ничего сложного! Я теперь спец в этом вопросе. Больше не будем ходить по буеракам, — щебетала Олеся, попивая коктейль.

Не хотелось портить ей лучистое настроение, но не заговорить на щекотливую тему я не могла.

— Слушай, я переживаю. Всю голову сломала, но так ничего и не придумала. А сегодня уже второй день пошел...

— Ты об этих отморозках? — Олеся вмиг посерьезнела. Я поняла, что и она немало размышляет на эту тему.

— Может, сходим сегодня в полицию? Разведаем ситуацию? Вдруг они заявятся раньше. Не представляю, чем нам это грозит!

Я подтянула ноги к себе и уткнулась лбом в колени. Не хотела признаваться, что испытывала панический страх. Мы тут совершенно одни, защитить нас некому. Да и кому нужны две русские женщины, на которых наезжают соотечественники? Сама не верила, что поход в полицию принесет результаты. Скорее всего, нас даже слушать не станут. Наверное, их только наши трупы могут подвигнуть к решительным действиям.

От подобной перспективы мне стало совсем дурно. Я посмотрела на Олесю. Она усиленно грызла кожу вокруг ногтя на указательном пальце и о чем-то сосредоточенно думала, не глядя на меня. Обычно, в такие моменты она выдавала что-нибудь разумное. Я превратилась в ожидание.

— Есть у меня одна мысль, — медленно произнесла Олеся. — Ты только выслушай и не перебивай, ладно? А то знаю я тебя! — Я готова была выслушать любое предложение, если это нам хоть как-то поможет. Поэтому кивнула, ожидая продолжения. — В общем, я тут навела кое-какие справки... Пораспрашивала Серхио о нашем соседе.

Каком еще соседе? Насколько я знала, рядом с нами никто не жил.

— Об Алессандро, не делай такое лицо, — возмущенно продолжила она. — Оказывается, он один из самых влиятельных людей Италии. Правда, живет в Америке. У него там бизнес. А на все лето приезжает на Лампедузу, в свою виллу.

— И что? — перебила я. Зачем она вообще рассказывает мне об этом?

— А то, что ты пойдешь к нему и попросишь помощи!

— С ума сошла?! Никуда я не пойду!

Тем более к нему! — добавила про себя.

— А я говорю, пойдешь, — спокойно ответила Олеся. — Он единственный сможет нам помочь, если, конечно, захочет.

Ушам своим не верила! Откуда такая уверенность? С чего это он станет помогать каким-то приезжим? Да и как он это сделает, если даже допустить фантастический вариант развития событий?

— Олесь, давай лучше сходим в полицию.

Я готова была разрыдаться от бессилия.

— Мы уже ходили туда, что-то помощи я не увидела. И не будет ее, — уверенно добавила она. — Серхио тоже согласен, что кроме Алессандро, нам никто не поможет.

— Олесь, ну, как я к нему пойду?

— Молча и не скрипя зубами, — грубо оборвала она. — Засунь уже свою гордость куда подальше. Тем более что ты ему явно нравишься.

— Бред какой-то...

— Ничего и не бред. Поверь мне, в мужиках я лучше тебя разбираюсь и заметила, как он на тебя смотрит.

Мысль о том, что могу нравиться Алессандро, я откинула, как самую бредовую, высказанную подругой со времен получения наследства. Попыталась непредвзято оценить свои шансы. О самом походе к Алессандро я старалась не думать, так как ума не прилагала, как буду это делать. Меня волновал исход нашей возможной беседы, его реакция на просьбу о помощи. Воображение рисовало холодную ярость, с которой он выставляет меня из своего дома. Я так впечатлилась, что почувствовала, как покрылась холодным потом.

— Пошли, чего-нибудь перекусим, и еще раз обсудим детали похода. — Олеся встала с шезлонга и ждала, когда я последую ее примеру.

— Олесь, — жалобно позвала я. Не могла не предпринять последнюю попытку. — А, может, ты сходишь?

— Нет! — отрезала она. — Ты пойдешь! Хоть раз посражайся за то, что тебе дорого.

Что это сейчас было? Попытка обвинить меня в безволии? А ведь так и есть на самом деле. Я привыкла, что за меня все кто-то решает. Чаще этим кто-то становилась Олеся. Она принимала решения, обосновывала их перед вдумчивой мной и уговаривала согласиться. Я

еще и соглашалась не сразу, капризничала для виду. Безвольная кукла!

Я уныло плелась за подругой и понимала, что она совершенно права. Я привыкла плыть по течению, ничего не меняя в собственной скучной жизни. А сейчас рискую потерять это место, которое стало мне по-настоящему дорогим.

Я должна пойти к Алессандро и слезно просить его о помощи. И неважно, что считаю это унижением. Нужно постараться не думать о том, как он может отреагировать. Даже если он откажет и выставит меня из дома, совесть моя будет чиста, что предприняла попытку. О том, что будет дальше, я предпочла пока не думать.

Кусок не лез в горло. Я завидовала Олеся, которая с аппетитом уплетала жареную картошку с салатом. Меня же от волнения подташнивало. Максимум, на что оказалась способна, — выпить чашку кофе и съесть малюсенький бутерброд. Я представляла, как стучусь в дом Алессандро, и дверь открывает Орнелла. Как она смотрит на меня и не выпускает.

Чувствовала себя овцой, которую готовят на заклание. Олеся что-то напевала, накладывая мне легкий макияж, как она выразилась, и оформляя прическу.

— Вот увидишь, он не устоит, — увещевала меня она. — Ты, когда накрашена, такая хорошенькая становишься. И почему не делаешь так все время? Иногда твоя инертность меня бесит со страшной силой!

Она заплела мои волосы в тугой колосок.

— Конечно, ты гораздо интереснее с распущенными волосами, — размышляла она. — Но там такая жара, что лучше их собрать. На голову наденешь свою модневую кепку. — Так она называла обычную бейсболку, которую я купила перед отъездом. — Так! Голова готова, — критически окинула взглядом причесанную и накрашенную меня. — Осталось выбрать подходящую одежду.

Олеся принялась за мой гардероб, а я рассматривала себя в зеркале, чувствуя, как от страха наступает легкое оцепенение. Я даже толком не понимала, хорошо ли выгляжу? Видела только, что голова смотрится аккуратной.

— Наденешь вот это!

Олеся держала за тонкие бретельки двухслойный сарафан. Сверху шифон, а под ним тонкий батист. Она сама же уговорила меня купить его перед поездкой на Лампедузу. Я же считала его слишком откровенным. Он едва прикрывал грудь и даже примерно не доходил до колена.

— Ты что?! Я не пойду к нему в этом! Это все равно, что заявиться голой. Тьфу... — опять вспомнила случай на пляже.

Олеся расхохоталась. Весело ей! Сейчас вот разревусь, и полетит к чертям весь ее старательно выполненный макияж.

— А прикольно тогда получилось, — не переставая смеяться, сказала она. — Ладно, проехали, — заметила она мое нахмуренное лицо. — Ты надень его и посмотри на себя. Думаю, сама поймешь, что выглядишь обалденно.

Все-таки она заставила меня надеть злополучный сарафан путем долгих уговоров. Впрочем, чувствовала я себя в нем комфортно. Ткань приятно струилась по коже. О том, что выгляжу слишком откровенно, я старалась не думать. В конце концов, здесь многие так одеваются, зона-то курортная.

— Я тебя провожу и подожду в кафешке рядом. Боюсь, сама ты до его дома не доберешься. — Теперь уже Олеся смотрела на меня с сомнением. — Перестань трястись! В

гроб краше кладут. Не съест он тебя.

Лично я ни в чем не была уверена. Ноги дрожали так, когда я покидала уютный двор, словно через несколько минут мне предстояло умереть.

Глава 10. Услуга за услугу

— Ты можешь идти быстрее? Чего плетешься, как вареная креветка? — подгоняла меня Олеся, бодро вышагивая на каблуках по неровной мостовой.

Хорошо рассуждать, когда не тебе предстоит пройти через такое унижение. Я же еле переставляла ноги, все время спотыкалась и чувствовала себя хуже некуда.

— Надеюсь, он дома, и нам не придется его ждать. Иначе ты у меня крякнешь от страха, — хихикнула она.

Не понимала, что ее так веселит. Неужели она не видит, в каком я состоянии? Несколько раз за короткий путь, я готова была плюнуть на все и вернуться обратно. В какой-то момент страх перед встречей с Алессандро, перевесил опасения потерять дом. Лишь собрав остатки мужества, я заставила себя не поддаться панике и не сбежать. А она веселится, еще и подкалывает меня.

Найти поместье Алессандро не составило труда. К нему вела тенистая аллея, заканчивающаяся фонтаном с мраморной статуей в центре. Обнаженная девушка держала на голове кувшин, откуда и били струи воды. Они под напором падали на головы смеющихся ангелочков вокруг девушки и каскадом струились по ним.

— Ну все, иди, — подтолкнула меня Олеся. — Я буду ждать тебя в кафе. — Она показала на столики под навесом напротив аллеи. — И не смотри на меня так. Другого выхода у нас нет.

По мере продвижения, взору открывался массивный жилой дом квадратной формы, выкрашенный в белый цвет, с куполообразной крышей. Как маленькая крепость! Даже окна чем-то напоминают бойницы. Вокруг дома на огромное расстояние раскинулся роскошный сад. Забором служит естественная зеленая изгородь из высокого тропического кустарника, как успела заметить, идя по аллее.

Странное впечатление производило на меня это место. С одной стороны, столько красоты. Взять тот же фонтан, на который хочется смотреть вечно, или ухоженный сад с подстриженными кустарниками и деревьями. Не такой красивый, конечно, как мой, но тоже поражает воображение. С другой стороны, вид дома меня пугал. Было в нем что-то дикое, неприступное, как и в самом хозяине поместья.

Я замерла перед массивной дверью, не зная на что решиться. Раз пришла сюда, отступать глупо. Несколько раз собиралась нажать на кнопку звонка и каждый раз опускала руку. Чуть не потеряла сознание, когда дверь внезапно распахнулась. В первый момент мне показалось, что вижу одного из братков, из-за которых я, собственно, и пожаловала сюда. Потом, приглядевшись, поняла, что этот мужчина выглядит немного иначе. Да и выражение лица у него не такое тупое.

Он что-то спросил у меня по-итальянски. Поняв, что я не поняла ни слова, заговорил на английском:

— Что вам угодно?

Как он догадался, что я стою за дверью? Ну, конечно, как я не сообразила, тут же, скорее всего, кругом камеры. Представляю, что он подумал, когда увидел меня, переминающуюся на пороге.

— Мне нужно увидеть хозяина поместья, — откашлявшись, неуверенно проговорила я.

— Как доложить о вас дону Алессандро? — уточнил охранник, как я уже догадалась.

Дону? Мамочки, куда я попала?

— Скажите, что пришла Людмила.

Оставалось надеяться, что Алессандро помнит, как меня зовут.

Охранник пригласил войти. Ощущение было такое, что я попала в ловушку, когда за спиной захлопнулась дверь, и щелкнул замок. Очень удивилась, обнаружив за дверью не помещение, как ожидала, а небольшой квадратный дворик, окруженный комнатами в виде алькова. Двор залит приглушенным светом. Я задрала голову и поняла, почему — купол прозрачный, но сильно тонированный, солнечные лучи едва проникают сквозь него.

Охранник что-то передал по рации. Потом какое-то время подождал, получил ответное сообщение и велел мне следовать за ним.

Мы прошли через двор к одной из дверей. За ней оказался широкий коридор, заканчивающийся прозрачной дверью. По стенам висели картины в богатых рамках. От этого коридор напоминал картинную галерею. Усиливали сходство приземистые банкетки на кривых ножках, расставленные под картинами.

Прозрачная дверь вывела нас на террасу под деревянным навесом с видом на тот самый песчаный пляж, где мы купались с Олесей первый раз, и спокойное море, которое сейчас казалось лазурным, залитое солнцем.

Теперь я поняла, почему дом не просматривается с пляжа, как получилось, что мы его не заметили. Кто-то хитрый замаскировал его зеленью, оставив небольшую тропинку. Причем с затемненной террасы отлично видно, что творится на пляже, а с залитого солнцем пляжа не видно ничего. Мне стало совсем дурно, когда представила картину, как Алессандро наблюдает за раздевающимися мной и Олесей.

— Располагайтесь, — прервал размышления охранник. — Дон Алессандро выйдет к вам через несколько минут.

Я осталась на террасе одна. А ведь он не зря велел проводить меня именно сюда. Хотел лишний раз унижить, напомнить о позоре. Господи, как я страдала от безвыходности. Почему должна просить помощи у человека, которого ненавижу до такой степени? Я не рискнула присесть на гостеприимные шезлонги, накрытые чем-то белым и воздушным. С тревогой вглядывалась в равнодушное море, словно в нем искала ответы на все вопросы.

Еще не поздно сбежать. Я могу сделать это прямо сейчас. До пляжа рукой подать, а там и до дома. Нужно только преодолеть небольшое расстояние.

Додумать мысль до конца не успела, дверь на террасу распахнулась, и появился Алессандро. Слава Богу, в глазах нет привычной насмешки! Я до такой степени боялась встретиться с ним взглядом, что чуть не зарыдала от облегчения, когда увидела, что смотрит он серьезно и даже немного встревожено. Хотя последнее, скорее всего, мне кажется или я хочу этого. Наверное, он прямиком из душа: мокрые волосы зачесаны назад, на обнаженном торсе (на нем кроме шорт ничего больше не было) блестят капли воды. Терраса небольшая, и я чувствую запах чистого тела с легкой примесью парфюма или геля для душа.

Почему он молчит? И так странно смотрит? До такой степени удивлен моим приходом? Я начинала нервничать под его изучающим взглядом. Некстати подумала, что одета слишком откровенно, и он не может этого не замечать. Дурацкий румянец не заставил себя ждать, лицо мгновенно запылало.

Я не могла заговорить первая, не знала, куда деть руки. Чуть не умерла от волнения, когда он, наконец, произнес:

— Хотите что-нибудь выпить?

— Нет, спасибо, — ответила я и почувствовала, как дрожит мой голос.

Алессандро стоял в паре метров от меня, а казалось, он подошел вплотную. Да что это со мной? Даже дышать стало трудно, как будто меня что-то сдавило со всех сторон. Я начала опасаться, что могу потерять сознание. Непривычное состояние пугало, мысли хаотично билась в голове, а голосовые связки отказывались подчиняться.

Не в силах больше просто стоять под его пристальным взглядом, я резко отвернулась и вцепилась руками в перила ограждения. Тупо смотрела на свои пальцы, которые побелели от напряжения.

— Что случилось? — услышала я сзади и почувствовала, как колыхнулись волосы от его дыхания.

Он подошел совсем близко, и моя паника достигла пикового состояния. Я, в прямом смысле, начала задыхаться.

— Можно я присяду? — Я отскочила от него, не в силах контролировать собственное состояние. Единственная мысль билась в голове — отойти в сторону, держать его на расстоянии.

— Конечно. — Он равнодушно пожал плечами, не переставая меня рассматривать.

Представляю, на кого я сейчас похожа! Красная, как рак, не могу сказать ничего вразумительного. Зачем я вообще сюда поперлась?!

Я опустилась на краешек шезлонга и сцепила руки на коленях. Пальцам стало больно, но я не собиралась ослаблять хватку, иначе руки опять начнут метаться без цели.

Алессандро на мгновение отвернулся, чтобы нажать кнопку у двери. Я позволила себе перевести дух и попытаться хоть чуть-чуть успокоиться. Дверь открылась, и появился слуга. Он ему что-то сказал, и тот сразу же исчез.

Какое-то время ничего не происходило. Алессандро отвернулся от меня, подошел к перилам и принялся рассматривать пляж и море. Следовало заговорить, если не хочу показаться откровенно глупой, но я никак не могла себя заставить. В какой-то момент мне показалось, что так и не смогу рассказать ему все и попросить помощи. Зачем только я пришла сюда?!

Через несколько минут, когда я уже готова была плюнуть на все и уйти, ругая по-всякому себя за беспомощность, дверь на террасу снова распахнулась, и слуга внес поднос с двумя бокалами и небольшим блюдом с фруктами. Он поставил поднос на столик и молча удалился. Алессандро взял один бокал и подошел ко мне.

— Выпейте, это поможет расслабиться. — Он протянул мне бокал.

Мне было все равно, что пью. Я торопливо глотала сладковатую прохладную жидкость, желая одного, чтобы ушло напряжение. Чувствовала примесь спиртного, приятно обжигаящую горло. Алессандро стоял рядом и молча наблюдал за мной, пока я не осушила бокал до дна. Так же молча он забрал из моих рук бокал и вернул его на поднос.

— Фрукты? — отрывисто спросил он, стоя ко мне спиной.

— Нет, спасибо, — ответила я, чувствуя, как внутри разливается тепло, и голова начинает слегка кружиться.

— А теперь рассказывайте. Я вижу, случилось что-то серьезное, — велел он, повернувшись ко мне лицом и прислоняясь к ограждению.

И тут меня прорвало. Я говорила торопливо, все время сбиваясь, местами переходя на русский язык. Сомневалась, что он понимает все, но торопилась высказаться быстрее. На

него я смотреть не могла, смущал обнаженный торс с выступающими буграми мышц, гладкая смуглая кожа и сверлящий внимательный взгляд. Поэтому говорила я куда-то в пространство, теребя руками подол платья, пока не измяла его окончательно.

— Когда они должны прийти? — спросил Алессандро, когда я замолчала.

Значит, понял смысл моей сумбурной речи. Я вздохнула с облегчением и позволила себе посмотреть на него. Напиток сделал свое дело — появилась приятная легкость. А может, наступило облегчение, когда высказалась, наконец. Единственно, вид и взгляд Алессандро продолжал смущать. Он как-то странно смотрел, стараясь видеть меня всю сразу. Его взгляд постоянно скользил по мне, периодически останавливаясь на глазах.

— Точно не знаю, но думаю, завтра вечером или ночью.

— Они причинили вам вред? — задал он неожиданный вопрос. Я физически почувствовала напряжение, исходившее от него, и испугалась, каким жестким и колючим стал его взгляд. — Они тронули вас хоть пальцем?

— Нет, — поспешно ответила я. — Нет. Они только угрожали, — добавила, вспоминая, как один из братков практически душил Олесю, а другой крепко держал меня за руку.

Алессандро излучал такую угрозу, что я не выдержала и отвернулась. По коже побежали мурашки, и я непроизвольно поежилась и обхватила себя руками, растирая предплечья. Сейчас я уже боялась не братков, а того, к кому рискнула обратиться за помощью. Он выглядел страшно, и еще страшнее было на него смотреть.

Он подошел к столику и одним махом осушил второй бокал. Какое-то время молчал, ничего не делая, а потом повернулся ко мне.

— И ты хочешь, чтобы я уладил этот конфликт.

Он не задавал вопрос, не рассуждал, а констатировал цель моего прихода. В этот момент лицо его стало сосредоточенным. Он не смотрел на меня, о чем-то размышляя. Я боялась нарушить напряженный ход его мыслей. С замиранием сердца ждала, когда он вновь заговорит.

— Хорошо, — наконец произнес он. — Я сделаю так, что они больше не побеспокоят вас. Но при одном условии...

— Условию?

Все правильно! Как я не подумала об этом раньше? Не будет же он стараться для нас просто так, бесплатно. Эх, Олеся. Какие же мы с тобой дурочки, что не обсудили этот момент. За любую услугу нужно платить. Тем более за такую.

— Понимаю, что вы сделаете это не просто так, — торопливо заговорила я. — У меня пока не так много денег, но... что-нибудь придумаю... Я найду деньги. Только, скажите, сколько?

Понятия не имела, где достану денег. Нужно просто уйти. Вообще не надо было приходить сюда. Я убью эту Олесю, которая заставила меня пройти через такое унижение! Сижу тут, как нищенка, выпрашиваю помощи и не знаю, как буду расплачиваться.

— Мне не нужны ваши деньги. — Голос Алессандро ворвался в размышления, заставив меня вздрогнуть. — Когда я говорил об условии, имел в виду совсем другое...

— Да?.. Другое?

Что-то я конкретно тупила. Перестала понимать происходящее. Мысли никак не хотели перестраиваться с решения материальных проблем.

— А что же тогда? — решила уточнить.

Лицо Алессандро приняло привычное насмешливое выражение. Он тянул время, нагло

разглядывая меня. Я опять вспомнила, как откровенно выгляжу, и резко выпрямила спину, когда заметила, как взгляд его нырнул в вырез сарафана. Потом решила и вовсе встать, чтобы не смотреть на него снизу-вверх. И так чувствовала себя униженной и растоптанной.

— Услуга мне нужна личного характера.

Он усмехнулся, и мне стало совсем дурно. Не собирается же он?.. Я даже попятилась от испуга и неожиданности мысли, пронзившей меня.

— О чем ты подумала? — расхохотался Алессандро.

— Н-не знаю... — От волнения начала заикаться. — Я н-не знаю, о ч-чем думать. А что вам т-тогда нужно?

— Не переживай ты так, — доверительно заговорил Алессандро и приблизился ко мне. — Ничего неприличного я не попрошу.

Я вжалась в стенку, отступить было некуда. Он стоял так близко, что я чувствовала тепло его тела и разглядела пресловутые крапинки в глазах.

Алессандро поднял руку и дотронулся до моей щеки. Слегка погладил ее. Меня словно парализовало — стояла по стойке смирно и таращилась на него во все глаза. Страх или волнение, определить не могла, сковывал по рукам и ногам.

— Ты так побледнела, — очень тихо произнес он, практически прошептал.

Я видела, как повлажнели его глаза и расширились зрачки. Чувствовала, как его рука скользит вдоль шеи и останавливается у кромки сарафана, поглаживая кожу. Мне было и страшно, и приятно одновременно. Хотелось оттолкнуть его, обругать за наглость и рукоблудство, но я стояла, боясь пошевелиться и спугнуть момент непонятной близости. Не могла оторвать взгляд от его глаз, которые смотрели на мою грудь, потом на губы, потом опять на грудь... Я хотела закрыться руками от его взгляда, чувствуя, как предательски реагирует собственное тело. Но это выглядело бы совсем глупо. Больше всего хотела, чтобы он оставил меня в покое, отпустил.

— Что же вы хотите? — чуть не плача, спросила я. Сил терпеть его близость и ничего не предпринимать, не осталось.

Он встrepенулcя, cловно очнулcя от наваждения. Посмотрел мне в глаза и немного отступил, убрав руку. Потом и вовсе засунул руки в карманы, будто не доверял им.

— Ты проведешь со мной день, — жестко проговорил Алессандро, что совершенно не вязалось с недавним наплывом чувств. — Это мое условие!

— Зачем?

Вопрос вылетел, подумать я не успела. Это явилось непроизвольной реакцией на его заявление, смысл которого я еще не поняла до конца.

— Я так хочу. — В голосе Алессандро появилось упрямство. — Если не согласна на мое условие, то...

Он развел руками, и я поняла все без слов. Не соглашусь провести с ним день, не станет нам помогать. Пыталась определить, что хуже — его общество или наезды братков, которые неизвестно чем могут для нас закончиться. Да, что тут думать?! Даже рассуждаю, как идиотка. Ну, не станет же он меня насиловать целый день! Рассуждаю так, как будто именно этого и хочу.

— А когда? — решила уточнить я.

— Я тебе дам знать. Значит, на условие ты согласна? — кивнул он. — Тогда, можешь не опасаться своих соотечественников. Они не сунутся больше.

Алессандро отвернулся. Надо понимать, это намек на то, что могу быть свободна.

Почему-то стало обидно до слез.

— Я тогда пошла?.. — нерешительно спросила.

— Да. Тебя проводят, — не поворачиваясь, кивнул он.

Испытывала непонятное опустошение, когда выходила за дверь. Он так и не посмотрел на меня больше. Во дворике меня ждал тот самый охранник, что проводил на террасу. Он же выпустил меня из дома. По аллее шла на ватных ногах. Слабость растекалась по телу, как реакция на пережитый стресс.

Олесю я заметила издалека. Она удобно устроилась за столиком, потягивая коктейль через соломинку и рассматривая редких прохожих.

— Ну, как все прошло? — весело поинтересовалась она, когда я опустилась на соседний стул.

— Сама не знаю, вроде нормально. Закажи мне, пожалуйста, тоже выпить, — попросила я.

— Что, тяжело тебе пришлось, да? — сочувственно спросила она, подзывая официанта и делая заказ. — Что он сказал?

— Что поможет.

— Да? — удивилась Олеся. — Вот так сразу и согласился?

— А ты, значит, в этом сомневалась? — с подозрением уставилась я на нее. — Ты, значит, уверена была, что он не согласится? Зачем же тогда отправляла меня к нему? — все больше распалялась я.

— Тише ты, не ори, — прошипела Олеся. — На нас уже внимание обращают. С чего ты взяла, что я так думала?

— А к чему все эти вопросы?

— Да я просто так спросила. Интересно же, как все прошло. Что он сказал-то?

— Ничего, — буркнула я, понимая, что просто отрываюсь на ней, потому что не смогла так вести себя с Алессандро в роли просительницы. Третий бокал спиртного за голодное утро тоже сыграл свою роль, рождая излишнюю агрессию. Мне было противно от самой себя, и я ничего не могла поделать, как и толком что-то рассказать.

— Люсь, ну ты чего, а? Перестань уже дуться. Что сказал Алессандро?

— Вот иди и сама спроси у него.

— Ты пьяная? — с подозрением спросила Олеся. — Он тебя там напоил что ли?

— Да, отстань ты! Лучше закажи еще выпить, — огрызнулась я.

— Еще чего! Сейчас будешь закусывать то, что выпила. — Она опять позвала официанта и что-то сказала ему. К тому времени я уже осушила третий бокал за утро и чувствовала, как становлюсь все пьянее.

Постепенно агрессия уступила место доброте, которая всегда рождалась во мне в процессе опьянения. Я начинала любить всех вокруг. Даже Алессандро мне уже не казался монстром, как несколько минут назад.

Олеся добила своего — я выложила ей все, как на духу, уплетая пышный омлет и закусывая салатом.

— Я же говорю, ты ему понравилась, — подвела итог подруга.

— Ой, с чего ты взяла? — усмехнулась я. — Видела бы ты, как он вел себя, не говорила бы глупостей.

— А мне и видеть не нужно. Поверь, в мужчинах я разбираюсь неплохо. И то, что ты ему понравилась, неоспоримый факт.

В этот момент к аллее напротив подъехала длинная тонированная иномарка. Через минуту показался Алессандро в сером костюме и темных очках. Сопровождали его два квадратных типа в черном облачении.

Олеся засветилась лучезарной улыбкой. Я же предпочла уткнуться в тарелку, словно хотела спрятаться в ней целиком. Скорее всего, он даже не посмотрел в нашу сторону, но я не могла отделаться от воспоминаний о его насмешливых глазах в синюю крапинку.

Как он садился в машину и отъезжал, я пропустила. Подняла глаза, когда улица уже опустела.

— Интересный мужик, что ни говори, — вздохнула Олеся. — Повезло тебе.

— Хватит уже, — оборвала я ее, готовую пуститься в разглагольствования. — Пойдем уже домой. Что-то меня окончательно расплющило...

Глава 11. Загадочное послание

Сегодня не завтра, и можно позволить себе не думать о грозящей нам опасности. После пережитого стресса, а визит к Алессандро я считала именно таким, моему организму потребовался восстановительный сон. Немалую роль сыграло количество спиртного, что я умудрилась выпить с утра пораньше на голодный желудок. В общем, проспала я до самого вечера. Когда проснулась, Олеси и след простыл. Видно умчалась уже на свидание к своему Серхио. Могла бы хоть записку чиркнуть, чтобы я не волновалась.

По пути на кухню я заглянула в ее комнату и немного успокоилась. Судя по царящему хаосу, собиралась она в обычном режиме, примеряя все имеющиеся в гардеробе вещи и оставляя атрибуты косметики везде, где ими пользовалась. Помада валялась на кровати, тени и пудра на прикроватном столике, тушь и духи на пуфике возле комода. Все в порядке, Олесю никто не похищал.

После оздоровительного сна организм требовал подкрепления. Правда готовить ничего не хотелось. Поэтому я ограничилась кучей бутербродов и огромной чашкой чая с лаймом.

День выдался слишком насыщенный. По пути в сад я прокручивала события, произошедшие со мной сегодня. В некоторые вещи верилось с трудом, как например, в поход к Алессандро. Сейчас это казалось дурным сном. Не могла не думать об обещанной услуге. Интересно, когда он потребует от меня расплаты? Слово-то какое родилось! Расплата! Вдруг стало так страшно, как будто он действительно может потребовать от меня невозможного. И зачем ему только понадобилась я на целый день? Очередная прихоть богача, который считает, что весь мир лежит у его ног? Неприятно быть чьей-то марионеткой, но именно так я себя ощущала. Злость рождалась от невозможности изменить ситуацию. Я знала, что выполню обещание, если, конечно, он потребует. Оставалось надеяться, что Алессандро передумает, не захочет терпеть мое общество.

Я уплетала бутерброды, запивая горячим чаем, и чувствовала, как настроение улучшается. Не так все плохо, как я рисую в своем воображении. Вот перетерпим завтрашний день, а потом все нормализуется. Можно будет спокойно отдыхать до самого отъезда. Отъезд... Пока я старалась не думать о нем. Еще больше двух недель оставалось до конца отпуска. И на острове мы меньше недели находимся. Но стоило задуматься, как становилось грустно. Я обвела взглядом утопающий в цветах сад. Ну, как я смогу покинуть этот райский уголок? Сердце защемило от тоски. Если я чувствую боль от одной мысли, то, что станет со мной, когда наступит время уезжать?

Я посмотрела на томик Пиратов. Он лежал рядом и терпеливо дожидался, когда я наемся и уделю ему внимание. Не стоит думать о грустном. Гораздо интереснее погрузиться в мир приключений и на какое-то время отвлечься от реальности.

Какая же красивая описана любовь! Я отложила книгу, которую увлеченно читала, и закрыла глаза, откинувшись на поднятое изголовье шезлонга. Помню в детстве, когда читала этот роман, мечтала о такой же любви, наполненной страстью и переживаниями. Дожила до тридцати лет, а ничего подобного так и не испытала. Глаза наполнились слезами жалости к себе любимой. Почему в жизни все складывается не так, как ты планируешь? Да и возможно ли распланировать счастье и уловить момент его наступления? Или наоборот засечь мгновение, когда все начинает идти не так?

Глупая ты, Людмила, — обругала я себя. Права Олеся, когда утверждает, что вместо того, чтобы наслаждаться настоящим, я занимаюсь вечным самокопанием. Пустая трата времени и жизни!

Я снова принялась за чтение. Потихоньку начинало темнеть. Уже зажглись первые фонарики. Один как раз за моей спиной. Он бросал приглушенный свет на страницы книги. Атмосфера окрасилась таинственностью. Как в сказке, подумалось мне.

Я перелистнула очередную страницу и замерла от неожиданности. Вместо продолжения захватывающих приключений увидела рукописные листы, вклеенные в книгу. Интересно, что это? Написаны корявым неразборчивым почерком. Неужели их писал дед?! Невольно начала читать, с трудом разбирая буквы...

Жила-была Лиза. Еще в детстве она сильно отличалась от сверстников. Было в ней что-то необычное. Люди не понимали этого, но замечали ее отличие. Они с недоверием относились к странной девчужке, сторонились ее.

Лиза росла единственным ребенком у любящих родителей. Ни в чем не знала отказа. Мать с отцом удовлетворяли малейшую ее прихоть, благо состояние и аристократическое положение позволяли это делать. Правда, запросы у Лизы были очень скромными. Пара безделушек, которыми она любила играть и море книг для излюбленного занятия — чтения.

А еще Лиза любила петь. Едва начав говорить, она стала заучивать и напевать понравившиеся мелодии. И получалось у нее это так хорошо, что мать с отцом наняли для любимого чада учителя пения.

С годами талант девочки развивался. В один прекрасный день ее пение услышал сам царь. Так она стала выступать в царском театре...

Что это такое? Я отложила книгу и задумалась. Какая-то сказка? Кроме деда, ее никто не мог написать. У меня даже сомнений не возникло, что почерк принадлежал именно ему. Такой же, как его жизнь, — корявый и непонятный. Интересно, зачем он это сделал? Что ему взбрело в голову?

Следующая мысль поразила меня еще сильнее. Дед не просто так вклеил страницы в книгу. Он их спрятал таким образом. И неспроста он выбрал именно «Пираты мексиканского залива». Скорее всего, написанное предназначалось мне. Никто другой не должен был их прочитать. Да и кому в Италии придет в голову читать роман, написанный по-русски?

Но для чего такая конспирация? Что дед пытается мне рассказать этой сказкой? Почему не оставил записку где-нибудь в доступном месте, раз точно знал, что когда-нибудь я приеду сюда?

Я чувствовала, что вокруг меня витает тайна. Все события последних дней, особенно налет братков, были связаны именно с ней. Что-то еще я получила в наследство, помимо шхуны и дома. И что самое странное, об этом знали многие, только не я. И посвящать меня в эту тайну никто не собирался, в том числе и дед.

Совершенно запуталась! Только я раскрыла книгу, чтобы продолжить чтение, как услышала едва различимый скрип. Так звучала калитка, когда ее открывали. Я тут же захлопнула книгу. Кто бы это ни был, страницы явно не предназначались для его глаз.

— Хотел прямиком лезть на скалу, но потом решил заглянуть сюда и не прогадал. Привет!

Марко, как обычно, блестел улыбкой издалека. Фонари отдыхали. Я испытывала легкое раздражение, что вторгся он так не вовремя. Хотелось продолжить чтение, попытаться найти хоть какие-нибудь ответы на бесчисленные вопросы.

— Как прошел день? — спросил Марко, наклоняясь, чтобы поцеловать меня. Не ожидала, что он так поведет себя, поэтому сначала дернулась от неожиданности. А в следующий момент его губы накрыли мои.

Немного раздражало, что он не поинтересовался, хочу ли я с ним целоваться. Повел себя слишком по-хозяйски. Я не веряла ему себя в качестве собственности и не планировала с ним целоваться. Но предпочла не конфликтовать, и ответила на поцелуй.

— Обыкновенно, — ответила я и незаметно вытерла губы, стараясь не выказывать раздражения.

— В безделье, значит? — рассмеялся он. — Валяешься весь день?

— Почти, — кивнула я, не меняя позы.

Странно, но общество этого красавца сейчас было неприятно. Я ругала себя за предвзятость. Ну, не виноват же Марко, что вторгся так некстати. В конце концов, он еще вчера предупредил о своем визите. Так что, нужно отдать справедливость, ничего вопиющего он не сделал. И не понятно, почему я так отреагировала на его приход. Виной всему записи, которые мне скорее хотелось прочесть.

— Нальешь что-нибудь выпить? — спросил Марко, усаживаясь на соседний шезлонг. — Испекся, пока добрался до тебя.

Двигаться лень, идти куда-то еще сильнее. Досада новой волной поднялась в душе. Пришлось усилием воли маскировать ее и вставать с удобного ложа.

Марко проследовал за мной в дом. Он с любопытством оглядывался, пока мы шли на кухню.

— Давно тут не был, — пояснил он, поймав на себе очередной мой взгляд.

— И как? Изменилась берлога? — спросила я, доставая вино и разливая по бокалам. Себе я налила исключительно ради компании. После утренних возлияний пить не хотелось совершенно.

— Берлога? — Марко рассмеялся, принимая бокал. — Микаэль последние года два перестраивал дом, ремонтировал его. Видела бы ты дом раньше... Вот где была берлога.

— Микаэль? — переспросила я.

— Ну, да... Его тут все так называли.

— Интересно...

Хотя, что тут странного? Переделал имя на итальянский лад. Гораздо удобнее для местных жителей, наверное, чем выговаривать Михаил.

— Твой дед, видно, давно решил оставить все тебе, — размышлял Марко, вновь наполняя бокал вином. — Поэтому и облагородил дом и территорию вокруг.

Интересно, как давно, и почему? Но спрашивать у Марко не имело смысла. Я уже поняла, рассказал он мне все, что знал сам.

Я отвернулась к раковине, чтобы вылить вино и сполоснуть бокал. Не хотелось даже притворяться, что пью. В следующее мгновение руки Марко обхватили меня за талию. Я почувствовала его горячее тело. Он прижался губами к шее, обжигая дыханием и парами алкоголя. Руки гладили живот, продвигаясь выше.

Я впала в ступор, пытаясь определить, как реагирую на его прикосновения. Лишь когда его руки сжали мою грудь, и я почувствовала восставшее мужское естество, вернулась

способность соображать. С ужасом осознала, что может произойти дальше. Резко высвободилась из жарких объятий.

Марко выглядел обескураженным, когда я отошла на безопасное расстояние.

— Ты чего? — спросил он, пряча руки в карманы.

Невольно посмотрела на выступающий бугорок в его штанах. По телу пробежала дрожь, характер которой определить не успела. Сама не знала, хотела ли близости с Марко? Пугала, скорее, стремительность, с какой развивались события.

— Пойдем, лучше на пляж? — предложила я, хоть и не планировала сегодня купаться.

Сама не знаю, зачем это сказала. Наверное, оставаться с ним в доме наедине не хотелось. На открытом пространстве не так опасно.

— Как хочешь. — Марко пожал плечами и взял вино со столешницы. — Не против? — спросил он, поднимая бутылку вверх.

— Бери, конечно.

Он ждал во дворе, пока я надевала купальник и собирала в пучок волосы. Вышла я как раз в тот момент, когда Марко приложился к горлышку бутылки.

— Может, прихватим бокалы? — предложила я.

— Сойдет и так, — грубовато ответил он.

Я поняла, что чувствует он себя обиженным и изрядно опьянел. Возможно, он еще до прихода сюда пил. На пляж идти тоже резко перехотелось, но я не рискнула отказаться и от этого. Идеальный вариант, если он сейчас уйдет, на что рассчитывать не приходилось.

Мы расположились на пирсе. Хоть и надела купальник, снимать сарафан не планировала. Вообще в море лезть не хотелось, тем более что уже стемнело. Дед предусмотрел все, даже фонари на пляже и вдоль пирса. Они хорошо освещали небольшое пространство, я не боялась споткнуться на камнях и сломать ногу. Но лезть в темное море опасалась.

Марко не разделял моего страха. Он скинул футболку со штанами и нырнул в море с головой. Пловец он отличный, не зря же работает матросом. Выплыл на глубине и помахал рукой.

— Присоединяйся, — крикнул он.

Море, и правда, манило спокойной поверхностью и приятной прохладой. Я не выдержала и спустила ноги в воду, усевшись на краю пирса. Марко направлялся в мою сторону, широкими взмахами врезаясь в воду и рождая снопы брызг. Подплыв вплотную к пирсу, он оперся на него руками, продолжая оставаться в воде.

— Зря не хочешь, — улыбаясь, смотрел он на меня снизу-вверх. — В ночном купании есть своя прелесть.

— Страшновато как-то. Пугает море, в котором ничего невозможно разглядеть, — пыталась отмазаться я.

Марко немного переместился, положив руки на пирс, с двух сторон от меня. Я запаниковала, но все еще старалась не подавать виду. Натужно рассмеялась, когда он принялся поглаживать мои ноги, ту часть, что находилась под водой. Когда его руки двинулись выше и проникли под сарафан, задирая и щедро смачивая его водой, паника усилилась.

— Марко, не нужно, — попыталась оттолкнуть его, когда он начал подтягивать меня к краю пирса, одновременно пытаясь снять плавки. — Да, перестань ты! Отпусти меня!

Я уже откровенно боролась, пытаясь оттолкнуть его руками и ногами. Кто бы мог

подумать, что он такой сильный! Даже находясь в воде, он умудрялся одной рукой больно прижимать меня к пирсу, а другой стягивать плавки, невзирая на увесистые пинки.

— Ты с ума сошел? — кричала я. — Отпусти меня сейчас же!

Он ничего не соображал, иступлено работая руками и помогая себе головой. Когда понял, что ничего у него не получается, а я умудрилась немного отползти назад, просто стащил меня в воду.

В первый момент, когда ушла под воду с головой, я испытала шок. Мне казалось, что я тону, не могла понять, в каком направлении двигаться, чтобы всплыть на поверхность. Началась самая настоящая паника, я металась из стороны в сторону, чувствуя, как иссякают остатки воздуха в легких. Наконец, каким-то чудом, моя голова оказалась на поверхности. Я вдохнула полной грудью. Наверное, не рассчитала, легкие сдавила боль, перед глазами потемнело, и я поняла, что теряю сознание. Вот и все, — пронеслось в голове. Сейчас я утону по собственной глупости. И помочь мне некому...

Я очнулась от того, что меня несильно колотили по щекам. Закашлялась, выплевывая соленую воду, и перевернулась на бок. Еще с минуту тело сотрясал противный, раздражающий горло кашель. Глаза слезились. Я ничего не видела и еще меньше понимала.

Сильные руки усадили меня, наклонили вперед и слегка постукивали по спине. Наконец, кашель прекратился, оставляя разодранное горло в относительном покое. Постукивания перешли в поглаживания. А потом меня оперли на что-то теплое и вздымающееся.

Я оглянулась и увидела лицо Алессандро с прилипшими ко лбу прядями волос. Поняла, что прижата к нему. Огляделась... Мы сидели на пирсе. Марко нигде не было видно.

— Где он? — прохрипела я. Голос куда-то делся. — Утонул?

Ужас охватил меня при мысли, что Марко мог утонуть. Как бы глупо он себя не вел, смерти ему я не желала.

— Если бы, — с угрозой в голосе, произнес Алессандро. — Удрал.

— А ты как здесь оказался? — снова спросила я, сообразив, что он продолжает обнимать меня одной рукой и крепко прижимать к себе.

— Ты так благодаришь? — разозлился он. Схватил меня за плечи и развернул к себе лицом. В свете фонарей я отчетливо видела его глаза. Сейчас они сверкали от злости. Губы сжаты и вытянуты в горизонтальную линию. — Ты хоть понимаешь, что он сделал бы с тобой, не появившись я вовремя?!

Понимала ли я? Да. Только осознание пришло слишком поздно, и я действительно должна благодарить Алессандро, за то, что спас меня.

— Спасибо, — пролепетала я, боясь, что выгляжу не очень убедительно.

— Зачем ты поперлась с ним сюда, ночью?! — Он как следует тряхнул меня за плечи. Голова дернулась, и горло обожгло болью. — Он же пьяный в стельку! Ничего не соображает!

Я тоже перестала соображать от боли, которая отдавалась даже в подкорке мозга. Глаза наполнились слезами, и они принялись стекать по щекам. Не собиралась плакать, если бы не реакция на боль.

Алессандро застыл. Взгляд немного смягчился, а руки перестали с такой силой сдавливать мои плечи. Он прижал меня, одной рукой обхватив затылок и удобно укладывая голову к себе на плечо.

— Не плачь, все позади, — раздалось тихое над ухом.

Другой рукой он поглаживал мою спину, и я чувствовала тепло его ладони через мокрый сарафан.

— Ужасно болит голова и горло, — всхлипнула я.

Сейчас мне нужна была именно чья-то жалость. Казалось, если меня пожалеют, то боль пройдет. Почему бы таким человеком не стать Алессандро? На время можно забыть, что испытываю к нему неприязнь. Тем более что в его руках чувствовала себя очень даже комфортно.

Постепенно боль в затылке начала проходить, в горле тоже притупилась. Мне даже показалось, что начинаю задремывать. Алессандро продолжал меня укачивать в своих объятиях, не произнося ни слова.

Не могу же я уснуть вот так. Что он подумает? С трудом оторвала голову от его плеча и заглянула в лицо. Сейчас он выглядел спокойным и расслабленным.

— Мне нужно домой, — сказала я.

— Я провожу...

Он убрал руки и встал первым, а потом помог подняться мне. Подул слабый ветерок и показался мне ледяным тайфуном. Я мгновенно замерзла и задрожала. Мокрый сарафан усугублял холод, противно прилипая к телу ледяными лохмотьями.

— Пошли скорее, — потянул меня за собой Алессандро. — Ты замерзла и можешь заболеть.

Всю дорогу он крепко держал меня за руку, не давая упасть на огромных камнях. Подъем дался особенно тяжело, Алессандро приходилось практически тянуть меня за собой. Ноги слушались плохо, и тело била крупная дрожь. Я боялась, что уже простудилась, и поднялась высоченная температура, так плохо себя чувствовала.

Алессандро не предоставил меня самой себе, а проследовал первый в дом.

— Иди в душ и сделай воду погорячее, — велел он. — Тебе нужно как следует прогреться. А я пока приготавливаю чай.

Я и сама мечтала о горячем душе, поэтому даже не пыталась спорить. От чая тоже не отказалась бы. Пусть хозяйничает, раз ему так хочется.

Тело оживало под горячими струями. Я поливала себя с головой так долго, пока не поняла, что мне уже не только не холодно, а жарко стало. Ванная наполнилась влажным паром, в котором я ничего не видела. Полотенце пришлось нащупывать, пар рассеивался медленно. Остатки его вырвались из тесного помещения в коридор вместе со мной в длинном банном халате, с полотенцем на голове.

Войдя в кухню, я обнаружила дымящийся чай на столе. Алессандро нигде не было, как я поняла, обойдя весь дом. Значит, ушел. Ну что ж, это к лучшему. Ни ему мое, ни мне его общество терпеть не доставляет особого удовольствия. Радует, что он оказался предусмотрительнее, чем я ожидала.

Я, обжигаясь, выпила чай, мысленно благодаря Алессандро, и отправилась спать. Что-то подсказывало, что Олеся вернется опять под утро.

Глава 12. Сплошные тайны

— Ты бы хоть позвонила. Совсем забыла меня. — Бабушка смотрит с укором во взгляде, щурясь от яркого солнца и приставив руку ко лбу козырьком.

Она такая, как видела ее в последний приезд. В цветастом платье-халате, стоптанных тапочках и с платком на голове.

Мы стоим во дворе ее дома. Как и тогда, она провожает меня, словно я уже погостила и собираюсь уезжать.

Я смотрю вниз и понимаю, что стою в луже воды, которая стекает с меня. На мне мокрый сарафан. Вспоминаю... Точно! Мы же ходили на пляж, на Кубань. И зачем только полезла в воду в одежде?

— Бабуль, а зачем звонить-то? Я же тут.

Выжимаю полы сарафана, чтобы не прилипали противно к ногам. Но они мгновенно напитываются влагой, которая превращается в струи и льется на землю. Тогда я плюю на это дело, решаю, что само высохнет.

— Как зачем? — всплескивает бабушка руками. — А вдруг я что интересное смогу рассказать? Ну, молодежь пошла! Живут сегодняшним днем!

— Бабуль, да я все собираюсь позвонить и некогда, — оправдываюсь я, понимая весь абсурд происходящего. — Я побегу? А то на поезд опоздаю.

— Беги, милая. — Бабушка целует меня, оставляя влажный след на щеке. — И обязательно позвони.

Я подхватываю старомодный коричневый чемодан, потертый во многих местах. Когда он тут появился? Вроде я не собирала вещи. Машу бабушке рукой и выхожу за калитку, которая как-то странно скрипит. Я уже удаляюсь по тропинке, а она все продолжает скрипеть через равные промежутки времени...

Крик чайки, вот что казалось мне скрипом во сне. От него я и проснулась. Ее собратья кружат над морем. А она захотела покричать возле самого дома, разбудить меня.

Я с наслаждением потянулась в постели, вдыхая свежесть утра. Повалялась еще какое-то время в легкой дремоте и решила вставать, хоть и не было еще семи.

Вспомнила сон и развеселилась. Приснится же такое! Но бабушке, действительно, нужно позвонить. Веду себя, как свинья, а человек волнуется. Сегодня же куплю таксофонную карточку, с мобильного звонить дорого.

Первым делом, встав с кровати, проверила дома ли Олесья. Убедившись, что та спокойно посапывает в своей комнате, заварила кофе, сунула Пиратов под мышку и отправилась на скалу — спокойно почитать. Не терпелось узнать, чем же закончится сказка.

Голос Лизы распустился, как пышная роза. Он зачаровывал, вгонял людей в трепет, рождал фантазии... Чаше она пела для царской семьи. Но изредка устраивались большие концерты. Собиралось столько желающих ее послушать, что не хватало мест в зале.

Люди стали поговаривать, что своим пением Лиза лечит различные болезни. Все чаще случались исцеления на ее концертах. Молва шла, а вместе с ней росла популярность певицы. С царского позволения она стала давать концерты в других городах. Слепые

прозревали, хромые принимались бегать, немые заговаривали...

Лизу прозвали Целебным голосом.

Наступила пора замужества. В Лизу влюбился красавец граф. Долго он добивался ее благосклонности, пока не понял, что она отвечает ему взаимностью. Тогда граф испросил у царя позволения взять ее в жены. Сыграли пышную свадьбу во дворце.

Через год у любящих супругов родилась дочь — Настя. Лиза продолжала давать концерты. Ее слава гремела уже на всю страну. С разных уголков необъятной державы стали приезжать люди, чтобы побывать на ее концертах и исцелиться.

Когда Насте исполнилось три года, она тяжело заболела. Целыми днями безутешная мать пела для своей любимой дочери. Но все напрасно, выздоровления не наступало. Девочке становилось все хуже.

Лиза часто стала обращаться к Богу за помощью. Она часами простаивала в молитвах, для коих выбрала близлежащий монастырь. Она не понимала, за что Господь наказывает ее так жестоко, почему хочет забрать дочь. Молила его о прощении, в то время как малышке Насте становилось все хуже. Она уже не вставала с постели и таяла на глазах.

Мать с отцом выплакали все глаза и готовились к худшему. Особенно тяжело в те дни Лизе давались концерты, но она продолжала выступать, изливая в песнях всю боль и страдания.

Посещая монастырь, Лиза сдружилась с настоятельницей. Однажды та ей сказала, что было ей озарение. Нужно Лизе дать обет молчания. Только так она сможет помочь умирающей дочери. Тогда Царский голос замолчал. Навсегда. Больше Лиза не запела и не заговорила ни разу.

Настя быстро поправлялась, крепла на глазах. Граф понял, чему они обязаны выздоровлением дочери. Он смирился, что никогда больше не зазвучит волшебный голос жены, и продолжал ее любить.

Какое-то время они жили счастливо, пока не случилось ужасное. Заболел наследник престола, и царь потребовал от Лизы, чтобы она вылечила его своим пением. Но та была непреклонна. Она знала, что стоит ей заговорить, как дочь опять начнет увядать на глазах, и уже никакие обеты не в силах будут спасти ее. Она чувствовала это материнским сердцем и продолжала молчать. Ничья воля не могла сломить ее.

Царь приказал бросить Лизу в темницу. Больше никто не увидел ее живой. Сколько не просил граф у царя пощады для своей жены, все было тщетно. Поговаривали, что скончалась она в страшных мучениях, что замучили ее пытками. Все те, кого она исцелила, молились за ее освобождение. Настоятельница монастыря днями вымаливала для нее прощение. Лиза так и не вышла из-за каменных застенков. А потом люди стали поговаривать, что видят сны, где она поет. И даже во сне ее голос исцелял.

Какой кошмар! Я вся покрылась мурашками, читая страшную по своей сути историю чьей-то жизни. Теперь я не сомневалось, что дед записал то, что было на самом деле. Никакая это не сказка. Вряд ли в чьем-то воображении может родиться такая фантазия.

Сколько же пришлось вынести этой бедной Лизе! И почему Бог сначала помог ей, а потом отвернулся?

Это еще был не конец истории. Мне просто требовалась небольшая передышка, чтобы справиться с потрясением. Я спустилась на кухню за очередной чашкой кофе. Убедилась, что Олеся продолжает крепко спать, и вернулась к чтению. На этот раз не стала взбираться

на скалу. Почему-то на фоне морской стихии, неровные строчки казались особенно зловещими. Расположилась в саду.

Настя росла, как две капли воды похожая на мать. Только волшебного голоса она не унаследовала от несчастной. Зато девочка с детства любила танцевать.

Отец, который остался верен памяти покойной супруги и никогда больше не женился, души не чаял в своей единственной дочери. Он нанял ей учителя танцев. Часами девочка танцевала перед небольшим портретом, кисти неизвестного художника, который только и остался ей в память о матери.

Настя делала такие успехи в танцах, что еще в отроческом возрасте затмила популярность матери. По всей стране ездила с концертами. Отец ее сопровождал повсюду.

В счастливой жизни не так много интересного и того, о чем можно рассказать, нежели в несчастной. Одно скажу, что Настя прожила именно такую жизнь. В наследство от матери ей досталась не только внешность, но и умение исцелять. Она делала это танцами. Люди выздоравливали на ее концертах, как когда-то на концертах матери.

Настя успешно вышла замуж и родила дочь Ольгу, которая тоже унаследовала талант. В отличие от бабушки и матери, она была известной актрисой. Ее игра тоже исцеляла больных. А еще она была ученой женщиной и знала много языков...

Собственно, это конец истории, у которой нет конца. Зачем я ее записал? Была на то причина, и читающий должен сам догадаться о ней. Прости за ошибки и сбивчивые мысли. Я не писатель и даже не летописец. Я заблудившийся по жизни человек, который натворил столько глупостей, что не пересчитать. Но даже мне хочется верить, что кое- что делал правильно. Верю, что удалось спасти одну вещь, которой цены нет. Ты поймешь, о чем я пишу, когда найдешь эту вещь. А сейчас переверни страницу и забудь обо мне. Не стою я твоих воспоминаний...

Вот так раз! Похоже, последний абзац дед посвятил себе. Уж, не ко мне ли он обращался?

Я перевернула страницу и увидела себя. Вернее фотографию старинного портрета, больше похожего на икону. Изображенная на нем девушка была вылитая я, или я вылитая она. Я даже потеряла глаза, но сходство никуда не делось. Какие-то смутные догадки шевельнулись в душе, но так ни во что конкретное и не оформились. Наверное, требовалось время, чтобы все как следует осмыслить.

Я откинулась на шезлонг и думала об этой Лизе. Сколько же ей пришлось выстрадать? Несмотря на то, что об этом в рассказе упоминалось вскользь, я отчетливо представила, как ее подвергали всяческим пыткам, пытаюсь заставить заговорить. А она молчала и думала о дочери, ради которой согласилась умереть. Смогла бы я так? Понятия не имею. Что такое материнский инстинкт я знала теоретически. Говорят, проявляется он только когда рождаются дети. Так что, пока еще он во мне дремлет, как хотелось надеяться.

Появилась зевающая Олеся. Она вышла из дома прямо в ночной сорочке.

— Решила не спать до обеда. Скучаешь, наверное, тут без меня? — сочувственно спросила она, растягиваясь на соседнем шезлонге и подставляя лицо пробивающемуся сквозь кроны деревьев солнечному лучику.

— Вообще-то, читаю, — рассмеялась я. Хотя, с появлением Олеси, настроение резко улучшилась. Я, и правда, соскучилась по непоседливой подруге, обуреваемой массой идей.

— Все понятно, читаешь и скучаешь? — в унисон рассмеялась Олеся. — Мне, честно, стыдно, что пропадаю. Но если бы ты знала, как я счастлива, то все простила бы...

Она довольно потянулась, выгибаясь всем телом. Я с завистью разглядывала ее. Почему и я не могу вот так же беззаботно окунуться в любовь, забыв обо всем? То, что Олеся влюблена, даже не догадка. Это написано на ней крупными буквами, отражается в ее светящихся глазах, ласковой улыбке.

— Мы с Серхио вчера полночи катались на твоей лодке, представляешь? Не знала, что морские прогулки могут быть настолько романтичными...

Надо же, я даже не заметила, что лодки нет возле пирса! О чем я вообще вчера думала? Поперлась на пляж с пьяным Марко! Ночные события отчетливо всплыли в памяти. Только сейчас я испытала настоящий страх. Вчера его маскировала неожиданность, стремительность событий. Что было бы, не пояись вовремя Алессандро? Кстати, что ему понадобилось здесь ночью?

Как на духу я рассказала Олесе обо всем, что произошло со мной вчера вечером. Временами она прерывала рассказ гневными тирадами в адрес Марко. Не стесняясь в выражениях, она крыла его по-всякому. Пару раз даже заставила меня покраснеть, когда вставляла уж больно смачные словечки.

— Я его убью! — вынесла вердикт Олеся, когда я замолчала. — Вот пойду завтра и убью!

— Думаю, он и сам готов себя убить, — размышляла я. — Сама виновата, не поняла, что он пьяный в зюю. По нему и не скажешь...

— Ну, знаешь... Это слабое оправдание. Вернее, это не оправдание вовсе. Нормальный мужик даже пьяный остается мужиком. А этот... Ух, злости не хватает! Даже слов подобрать не могу.

— Давай не будем больше об этом?

Вспоминать и дальше вчерашний вечер не хотелось. Дело даже не в том, что Марко приставал ко мне и пытался изнасиловать, а в том, как он это делал. Сейчас, анализируя, я понимала, что вел себя он странно. И не только алкоголь виноват. Как будто он долго сдерживался, а тут решил пустить все на самотек. Мне показалось, что вчера он был настоящим, а до этого притворялся, хоть и видела я его пару раз всего. Еще тогда, на корабле он повел себя странно, нарочито. Ну, не нравилась я до такой степени с первого взгляда. Не было во мне той броскости, что, например, в Олесе, которая притягивает мужские взгляды одним своим видом.

— А Алессандро мужик! — прервала Олеся мои размышления. Снова она за свое! Никак не успокоится. — И к тебе неравнодушен.

— Просто вовремя оказался рядом.

— Ну, знаешь! Нельзя списывать буквально все на совпадения. Ты какая-то странная. Не хочешь замечать очевидного. Не поверю, что такой мужчина может быть до такой степени неприятен!

Дело даже не в том, какой он. Возможно потому, что знакомство наше состоялось при неожиданных обстоятельствах, или виновато его поведение... Толком не могла определить, но я никогда не воспринимала его внешность. Что-то внутри него отталкивало — то, как он смотрел, разговаривал... При встрече с ним, первой рождалась досада, а потом уже все остальное.

— Как думаешь, у него получится? — снова вклинилась Олеся в мысли. — Что-то мне

все равно страшновато. Может, стоит позвать Серхио? Пусть побудет сегодня с нами. У него как раз выходной...

— Не стоит! Пусть спокойно отдыхает. Думаю, все будет нормально.

Как бы я не относилась к Алессандро, но слову его верила. Не производил он впечатление пустобреха. Кроме того, чувствовалось, что только он и может помочь. А вот вмешивать Серхио точно не стоит. Интуиция подсказывала, что это может испортить ему жизнь.

По обоюдному молчаливому согласию мы с Олесей решили весь день провести дома. Я почти все время находилась в саду, дочитывала роман, хоть и жалко было расставаться с любимыми героями. Олеся валялась в комнате, листая журналы и периодически дремля. Все-таки бессонная ночь брала свое. Встретились один раз на кухне, чтобы пообедать. Но даже тогда разговаривали мало.

Напряжение испытывали мы обе. И я, и она ждали чего-то от сегодняшнего дня. Я точно знала, чем вызван мой страх. Наступил и вовсю шел третий день из отпущенного нам времени. Я боялась, что вот откроется калитка и появятся братки. Даже представить не пыталась, что они сделают. От одной этой мысли волосы начинали шевелиться на голове. Чем ближе к вечеру, тем сильнее таяла уверенность, что Алессандро смог уладить конфликт.

— Все! Надоело сидеть тут, как в тюрьме! — Олеся вышла в сад с полотенцем наперевес. Я как раз решила подремать. Но от ее решительного вида, мое желание мгновенно испарилось, уступая место интересу. — Не могу больше есть собственную стряпню. Тебе даже не предлагаю этим заняться. Ты еще хуже готовишь. Пошли в ресторан. Отметим наше избавление.

— Думаешь?

Внутри меня радость робко скреблась в дверь, закрытую страхом. Так хотелось приоткрыть и впустить ее, забыть обо всем.

— Уверена! Собирайся и пошли отсюда. Уж раз в неделю мы можем позволить себе ужин в ресторане.

Уговаривать меня не пришлось. Через полчаса мы уже выходили с Олесей из дома. Я все-таки впустила радость, и сейчас чувствовала, как она растекается по телу, а настроение стремительно улучшается. Хотелось расслабиться и ни о чем плохом не думать.

Нам приглянулся небольшой ресторанчик в центре. Снаружи ничего особенного. Внутри же зал поделен перегородками, между которыми прятались столики. Игрет приятная музыка, царит полумрак. Никто тебе не мешает, потому что за столиком ты, как в отдельном кабинете. Официант расторопный, заказа долго ждать не пришлось. Кроме того, есть хотелось ужасно. И тут подавали вкусное домашнее вино, о чем гласила вывеска на входе.

Мы уплетали за обе щеки, пили вкусное вино и разговаривали ни о чем и обо всем сразу. Радовало, что Олеся не планировала умчаться на свидание к Серхио. Впрочем, причина такого ее поведения выяснилась довольно быстро. Не появившись у того дела на сегодняшний вечер, не видать бы мне своей подруги. Но спасибо и на этом. Не хотелось забивать голову посторонними мыслями и на кого-то обижаться. Тем более, как мне казалось, я ее понимала, хоть и не испытывала того же.

— Ты посмотри-ка! — Олеся перестала жевать и уставилась в сторону входа. — Ничего себе явление!

Любопытство подстегнуло меня обернуться, правда я тут же спряталась за перегородку

и принялась незаметно подглядывать. У входа находился Алессандро в черном костюме и белоснежной рубашке. По бокам от него одинаково мощные телохранители в темных очках. Как только видят что-то в полумраке? Орнелла привычно висла на руке. А официант был готов рассыпаться на несколько в стремлении угодить. Откуда-то сбоку выскочил круглый мужичок, подобострастно кланяясь и приглашая компанию следовать за ним. Скорее всего, в ресторане имелись приватные кабинеты для випперсон.

— Это что еще за Клава? — недовольно проговорила Олеся. Этим именем она называла всех неприятных ей особ женского пола. — Ты видела это? — возмущенно посмотрела она на меня. — По-моему это та же шгучка, что липла к нему на яхте.

И не только... Но развивать эту тему не хотелось. Я лишь пожала плечами, мол, не знаю и знать не хочу. Слава Богу, наше присутствие осталось незамеченным. Хотя, вряд ли он хоть как-то отреагировал бы, увидев нас. А может нас и засекли. Только, кто он и кто мы...

Компания уже скрылась из вида, а Олеся все продолжала таращиться на дверь.

— Нет, ты видела это? — повторила она.

— Не пойму, чего такого особенного увидела ты? — стараясь говорить спокойно, ответила я. Неизвестно почему, мое настроение стремительно ухудшалось. И вид подруги выводил из себя. Вот вечно так, стоит ему только появиться, как все летит к чертям собачьим! — Перестань так пялиться!

— Слушай, наверное, это сам хозяин ресторана подорвался его встречать, — не обращая на меня внимания, продолжала рассуждать Олеся. — А он важная птица. И эти амбалы вокруг него. А эта краля... с надутыми губками. Интересно узнать о нем побольше. Нужно подробнее расспросить Серхио.

— Не нужно, Олесь. Давай не будем ничего о нем узнавать. Он сам по себе, мы тоже...

— Нет, ну как они все суетились! А официант? Он же готов был размазаться перед ним! — не унималась подруга.

Во мне уже закипала злость. Сама себя не узнавала. Единственное желание испытывала, чтобы она замолчала. Физически не могла больше слышать ничего про Алесандро.

— Хватит! — громче и резче планируемого произнесла я. Олеся оторопело уставилась теперь уже на меня. — Ты ведешь себя, как деревенская бабка в московском супермаркете. Давай лучше выпьем, — уже мягче добавила, поднимая бокал и допивая остатки вина.

Видно Олеся поняла мое состояние. Больше за вечер она не заводила разговоров об Алессандро, но любопытные взгляды я периодически ловила на себе. И это тоже раздражало.

Как бы там ни было, расслабиться уже не получилось. Невольно мысли возвращались к тому, кто находился сейчас неподалеку. Я даже не знала, как называть его — другом, врагом, избавителем или нахалом? Хотелось отвлечься и не получалось. А еще я представляла, что сейчас может делать Орнелла, как ведет себя. И это еще сильнее портило настроение.

— Пойдем домой, — предложила я, когда поняла, что вечер испорчен окончательно. — Поздно уже...

Я еще долго лежала без сна, прокручивая события прошедшего дня, в особенности вечерние. Судя по всему, с братками Алессандро разобрался, и оставалось надеяться, что нас они больше не побеспокоят. Должна чувствовать к нему благодарность за спасение. Тогда, почему не испытываю ничего, кроме глухого раздражения? Почему каждый раз портится настроение, стоит подумать о нем?

Глава 13. Маниакальные ухаживания

Следующие два дня прошли в относительном спокойствии. Братки не появлялись, и мой страх притупился. Олеся почти все время проводила с Серхио, предоставив меня самой себе. Такое положение вещей устраивало — хотелось именно покоя, чтобы никто не надоедал разговорами, не навел суету.

Я много времени проводила на пляже, плавала и загорала. Когда уставала от моря, располагалась в саду и читала. Практически не покидала свои владения. Пару раз вышла в ближайший магазин за продуктами.

На третий день море решило заштормить. Да еще как! Волны обрушивались на берег с огромной высоты. Они заливали его весь, временами даже лизали скалы.

Периодически я забиралась на скалу и любовалась стихией. Сердце замирало от ее мощи. Я смотрела, как уползающая волна ворочает огромные камни, и поражалась ее силе. Представляла, каково сейчас оказаться в открытом море и содрогалась от страха. Воображение рисовало не прочную шхуну, а рыбацкую лодку, которую подкидывает на волнах. Она трещит и кренится, того гляди перевернется. И внутри я одна. Некому прийти на помощь...

В такие моменты, когда воображение особенно разыгрывалось, я уходила со скалы. Но закрыть уши и не слышать шума стихии не могла. Фантазии продолжали рождаться. Не такие страшные, но тоже неоптимистичные. То представлялось, что я на необитаемом острове, и шторм никогда не закончится, так и будет отгораживать меня от человеческого мира. То казалось, что волна сейчас вырастет и превратиться в цунами, накрывая дом и меня в нем. Утащит в море и похоронит под тоннами воды...

Не думала, что шторм будет рождать подобные ассоциации. Наверное, таким образом изливалось мое настроение, неудовлетворенность жизнью.

Даже обрадовалась, когда пришел Марко. Я про него не забыла. Нельзя сказать, что затаила зло, но считала, что нормальный человек должен хоть как-то оправдывать свое поведение, особенно такое хамское. Размышляла, сколько времени для этого понадобится Марко, когда он соизволит принести свои извинения? Его тайм аут длился четыре дня.

Я была на скале, когда услышала, как кто-то поднимается, и увидела голову Марко.

— Я сейчас спущусь, подожди внизу, — вместо приветствия велела я.

Не хотела, чтобы он присоединился ко мне в месте, которое считала опасным. И так хапала огромную порцию адреналина, ни к чему лишние встряски. После ночного происшествия на пляже, Марко перестал казаться безобидным весельчаком.

Он ждал в саду, когда я спустилась со скалы. Против обыкновения не улыбался и выглядел довольно пришибленным. Мне даже показалось, что вижу поджившие следы побоев на его лице. Может от Алессандро досталось, или где в другом месте нашел приключения на пьяную голову? Уточнять не хотелось, как, в общем-то, и общаться долго с ним.

Я ждала, когда он заговорит. Хотелось побыстрее простить ему грехи и отпустить с миром. Каково же было удивление, когда вместо того, чтобы заговорить, он быстро подошел ко мне и обнял, прижимая к себе. В первый момент так растерялась, что не знала, как себя вести.

— Прости меня, пожалуйста, — зашептал он мне в волосы возле уха. — Не знаю, что на меня нашло.

Я уже пришла в себя и пыталась высвободиться из его объятий. К такому я была не готова. Но он держал крепко, не давая мне пошевелиться.

— Отпусти, — попросила я, упираясь в него руками.

— Не раньше, чем ты простишь.

— Марко, мне нечем дышать. Отпусти и давай поговорим спокойно.

Он немного ослабил хватку и заглянул мне в лицо. А потом поцеловал без предупреждения. Этого уж я стерпеть не смогла и резко оттолкнула его. Целоваться с ним точно не планировала. И поведение его находила наглым. От неожиданности он выпустил меня и позволил отойти на безопасное расстояние.

Я разглядывала его какое-то время, пытаюсь определить, что он испытывает в данный момент. Вместо угрызений совести я прочитала обиду на его лице. Зачем он пришел? И кто так извиняется?

— Наверное, тебе лучше уйти. — Старалась говорить спокойно, чтобы не злить его. Поняла, что даже примерно не могу предугадать его реакцию. Вдруг стало страшно, что он может повести себя непредсказуемо.

— Я был пьян в тот вечер, — заговорил Марко, не меняя выражения лица. Парадокс, но он все больше обижался на меня, словно накручивал себя. От этого в его голосе звучала агрессия.

— Я знаю.

Что-то мне совсем нехорошо. Если он опять набросится на меня, справиться с ним не смогу.

— Ты же понимаешь, что в таком состоянии я мало что соображал?

Я еще должна и понимать?! Совершенно растерялась, не знала, что ответить. А Марко, меж тем, начал приближаться. Мне стало по-настоящему страшно. Я пятилась к забору, пока не уперлась в него спиной.

— Не хотел тебя обидеть. — Марко подошел совсем близко. Мне отступить было некуда. — Ты должна меня простить.

Я почувствовала, как руки затряслись от страха. Марко прижал меня к забору. Ума не приложу, как заставила себя смотреть ему в глаза. Ничего, кроме маниакальной решимости, не могла прочесть в его взгляде.

— Скажи, что прощаешь. — Он крепко держал меня за плечи. Я почувствовала боль в тех местах, где находились его пальцы. Останутся синяки, — мелькнула мысль.

— Я прощаю тебя, — нашла силы выдать из себя. Глаза начали слезиться от долгого немигания.

— Вот и чудно! — Марко засветился улыбкой и крепко поцеловал меня. С ужасом осознала, что он настаивает на ответном поцелуе, чего делать совершенно не хотелось. Запаниковала, когда почувствовала его руки на своем теле, как они гладят меня по бокам и пробираются к груди.

Что же делать? Как избавиться от него? И помочь некому, мы совершенно одни здесь.

— Пойду, сделаю коктейли, — попыталась высвободиться я.

— Позже... — Он снова накрыл мои губы своими. Против воли вынуждена была ответить на поцелуй.

— Марко, я пить хочу ужасно, — как можно ласковее уговаривала я. — Я мигом. А ты

подожди меня, ладно?

Получилось немного отодвинуть его от себя. Он перестал шарить по мне руками и так сильно прижимать к себе. Только бы отпустил в дом. А там я позвоню Олесе. Она тут же примчится, или я плохо знаю свою подругу.

— Ты такая сладкая, что я не владею собой, — проговорил Марко и снова потянулся к моим губам. В глазах его мелькнуло маниакальное желание и упрямство. Я поняла, что отпускать меня он не собирается.

В этот момент послышался громкий стук в калитку.

— Кто это? — жестко спросил Марко, резко отстраняясь от меня.

Понятия не имела, кто там, но уже любила его всем сердцем. Я пожала плечами и торопливо высвободилась из объятий Марко. В следующее мгновение уже впускала во двор Дарио.

Как же вовремя он зашел! Я была так рада ему, что даже не подумала, что прийти он мог с плохими вестями. Единственно, о чем подумала, как буду общаться с ним, если ни бум-бум в итальянском. Обрадовалась еще сильнее, когда он поприветствовал меня на английском, зыркнув из-под козырька традиционной бейсболки на Марко. Тот пребывал в напряженном ожидании, как отметила краем глаза. Руки засунул в карманы и неприветливо рассматривал нежданного гостя, который явно разрушил его планы.

Я пригласила Дарио пройти, стараясь не смотреть на Марко и, одновременно, не выказывать враждебности. Слава Богу, он решил ретироваться, сказав, что зайдет позже. Я даже не выдержала и с облегчением перевела дух, когда за ним закрылась калитка.

— Что-то случилось? — спросил Дарио, внимательно разглядывая меня своими черными глазами.

— Да, нет... — уклончиво ответила я. Не рассказывать же ему, что второй раз чуть не стала объектом насилия. Об этом мне еще предстояло подумать, когда провожу его.

В который раз поразила, какое впечатление производит Дарио. По мощности фигуры он не уступал амбалам — телохранителям Алесандро. Мышцы бугрились под обтягивающей футболкой, плечи широченные, не обхватишь. Бейсболка надвинута на глаза, отчего он все время задирает голову, чтобы посмотреть на меня. Надо признать, выглядит он пострашнее красивого и стройного Марко. Но почему-то Дарио я совершенно не опасалась. Напротив, чувствовалась в нем какая-то надежность, основательность.

— Не знала, что ты говоришь по-английски, — улыбнулась я.

— Здесь все знают этот язык, — кивнул он.

Да уж, поистине... Английский язык стал почти международным. Зная его, не пропадешь, куда бы ни направился.

— Как лодка? Не повредил ей шторм? — спросила я, теряясь в догадках, зачем он пришел. Не просто же проведать?

— Мы не выходили в море в шторм. Но... о ней я и хотел поговорить.

— Что-то случилось? — заволновалась я.

Заботы последних дней отвлекли меня от вопроса рыбной ловли и необходимости сохранять это занятие. О шхуне я совершенно не думала и о противном капитане тоже. Догадываюсь, что тому только это и нужно для собственных делишек. Откуда взялись эти мысли, не знала. Но пришли они в голову внезапно.

— Тебе нужно поговорить с капитаном, — ответил Дарио. — В последнее время мы практически ничего не ловим.

— А что так? Рыба в море закончилась?

Как бы глупо не звучал мой вопрос, но задала я его именно так, как хотела, обдуманно. С самого начала не понимала, как могут падать уловы, если край этот считается благодатным для рыбной ловли? Капитан хитрил, я это прекрасно понимала. Загадкой оставалось, зачем он так себя ведет. Еще ругала себя за неосмотрительность и беспечность, что совершенно забыла об этом деле.

— Дело не в этом, — спокойно пояснил Дарио. Как же мне нравился его голос — низкий с хрипотцой! — Мы практически не выходим в море.

— Интересно... — протянула я. — А почему?

— Так хочет капитан. Мне он на этот вопрос не отвечает.

— Придется мне с ним поговорить. Интересно, ответит ли мне? Хочешь чего-нибудь выпить? — сменила я тему, решив, что как только закончится шторм, отправлюсь в порт на переговоры с противным капитаном. — Такая духота стоит...

— Гроза будет, — кивнул Дарио. — Можно чего-нибудь холодного?

Я ушла в дом готовить коктейли. Всю дорогу прикидывала, как начну разговор с капитаном, что ему скажу. От одной мысли о необходимости общаться с ним портилось настроение. Почему я не могу наслаждаться отдыхом? Отпуск проходит, а я все время занята решением каких-то проблем. Еще и этот Марко свалился на мою голову! Оставит ли он меня в покое? Что-то подсказывало, что так просто он не собирается сдаваться. Я все больше склонялась к мысли, что у него не все в порядке с головой. А иначе, чем объяснить его поведение?

— Как у вас дела? — спросил Дарио, когда я вернулась с наполненными коктейлями бокалами. — Уладила полиция конфликт с бандитами?

— Да, все в порядке. Они нас больше не беспокоят.

Рассказывать, что заслуга тут вовсе не их легендарной полиции, не собиралась. Пусть думает именно так. Поняла, что уверена в том, что говорю. Я на самом деле думала, что они нас больше не беспокоят. За это мне еще предстоит расплатиться с Алессандро. От этой мысли настроение стремительно портилось. Как ни старалась об этом не думать, нет-нет, да мысли сами лезли в голову.

Дарио еще пробыл с полчаса у меня, а потом попрощался и ушел. Не покидало ощущение, что приходил он не только за тем, чтобы рассказать об улове. Он явно хотел еще что-то добавить, но так и не решился. Интересный типчик — суровый внешне, но добрый внутри.

Солнце морило так, что я не могла больше оставаться снаружи. Зашла в дом и для надежности заперла дверь, чего днем никогда не делала. Я боялась Марко и его обещания вернуться позже. С самого начала он проявлял ко мне повышенное внимание. Я чувствовала, как меня это напрягает, но одновременно оно же и льстило мне. До случая на пляже... Ночные события превратили Марко в злодея в моих глазах. Теперь я не ждала от него ничего хорошего, а вот подвоха остерегалась все время. И сегодняшний его визит только укрепил мои чувства.

Я залегла на диван с книгой. Пиратов я уже давно прочитала. Из имеющейся библиотеки выбрала «Идиота» Достоевского. Этого писателя тут было целое собрание сочинений. Видно, дед любил его почитать. Я тоже любила Достоевского и помнится, когда читала в школьные годы, «Идиот» произвел на меня неизгладимое впечатление. Но сейчас прочитанное не усваивалось, приходилось перечитывать одно и то же по несколько

раз. Тишина и прохлада в доме расслабляли, клонило в сон.

Я отложила книгу и закрыла глаза. Зачем сопротивляться, раз организм требует, чтобы ему дали отдых?

Я целуюсь с мужчиной. Знаю, что не должна этого делать, что разум всячески сопротивляется, но ничего не могу поделать со своим желанием. Страсть завладела мной. Его губы терзают мои так нежно и настойчиво. Я плавлюсь от прикосновения его рук. Я лгну к нему, как кошка в приступе любви к хозяину. Силюсь открыть глаза, чтобы рассмотреть его лицо и не могу. Веки налились тяжестью, голова кружится...

Он отрывает меня от себя и оставляет одну. Я, ослепшая, хватаю руками воздух вокруг себя, пытаюсь нащупать того, кто еще недавно обнимал меня. Но вокруг ни души. Ни единый звук не нарушает звенящей тишины.

Я хочу закричать и не могу. Даже мычания не вырываются из горла. Мне страшно, дышать нечем. Я покрываюсь потом и пытаюсь идти. Но куда идти, если не могу смотреть вперед? Глаза по-прежнему остаются закрытыми.

Страшный гром сотрясает все вокруг. Я понимаю, что настал последний момент, после которого все исчезнет. Пытаюсь подумать о самом важном и понимаю, что нет такого. Гром накатывает раз за разом, становится все ближе. Вот сейчас он раздастся совсем рядом, и я умру, так и не осознав, что же в моей жизни самое главное...

Я открыла глаза и с облегчением поняла, что это всего лишь сон, из разряда дурацких. Только потом до меня дошло, что снаружи свирепствует гроза, раскалывая небо молнией и сотрясая пространство громом. Следующим, что осознала, явился стук в дверь и истошный Олесин вопль:

— Люська,пусти меня,если не хочешь,чтобы утонула тут.

Я вскочила с дивана,окончательно просыпаясь,и побежала к двери.

— Ты чего это запираешься? —спросила мокрая Олеся. Вода стекала с нее ручьями,образовывая на полу лужу. — Там такой кошмар творится! — кивнула она в сторону двери. — Веранду поливает,как из ведра. Меня чуть не унесло ветром. Боюсь,нашей оранжерее придет кирдык. Так чего это ты под замком сидишь?

— Быстро в душ! А я приготовлю пока чай, — погнала я ее вместо ответа. — Потом расскажу.

Олеся послушно прошлепала мокрыми ногами по полу и скрылась в ванной.

Я сидела на кухне и ждала подругу. А еще завидовала ей со страшной силой, слушая, как она плещется в душе,напевая веселую песенку. Она жила сегодняшним днем,не задумываясь о том,что будет завтра. Любила своего Серхио,он, по всей видимости,любил ее. Наверное, в этом и заключается счастье,когда человек беспечен и весел. И даже буйство стихии не наталкивает его на мысли о вечном. Как меня... От чего это зависит? От характера,от воспитания? Или я и Олеся в корне по-разному воспринимаем жизнь? Почему даже в те моменты,когда все хорошо,я не могу не думать,как будет завтра,не испортит ли какое-нибудь событие мое настроение?

Чем больше я размышляла,тем сильнее склонялась к мысли,что у одинокого человека,каким я себя считала,тридцать лет — переломный возраст. До этого рубежа ты не задумываешься о глобальном,но стоит перевалить его,как начинает казаться,что жизнь не удалась. И дело не в том,как ты живешь,а в том,кто находится с тобой рядом. Со мной не

было никого, и я с ужасом это осознавала. Мне пошел четвертый десяток, а я так ничего и не добила в жизни. И ладно бы делала карьеру... Так нет же, работаю рядовым рекламным агентом, каких сейчас миллионы. И все бы ничего, если бы я могла не думать об этом постоянно...

— А где мои бутерброды? — прервала Олеся ход моих безрадостных мыслей. — Я голодная, как волк.

— Что ж тебя Серхио-то не накормил? — рассмеялась я, доставая из холодильника сковороду с картошкой. Ее я нажарила в обед. После борща это второе мое любимое блюдо.

— У нас были дела поважнее, — довольно потянулась она.

Уточнять, какие именно дела она имеет в виду, не стала. Ни к чему подпитывать зависть. Вместо этого наложила картошки в тарелку и поставила в микроволновку.

— Рассказывай, чем занималась, — велела Олеся, уплетая горячую картошку. — И, кстати, почему заперлась-то? — вспомнила она и выжидательно уставилась на меня.

Скрывать не имело смысла. Я рассказала ей и про визит Марко, не скрывая отвратительных подробностей, и про разговор с Дарио. Против обыкновения, Олеся не перебивала. Она даже не смотрела на меня, занятая картошкой. Только крепче сжимала вилку, судя по побелевшим костяшкам ее пальцев.

— Слушай, — серьезно посмотрела на меня Олеся, когда я закончила не очень длинный рассказ. — Так больше не может продолжаться. С этим козлом нужно что-то делать!

— Ума не приложу, как от него избавиться.

Мне действительно казалось, что процесс бесконечный. Сколько бы я не намекала Марко, что он мне неприятен, ничего не изменится, пока мы не уедем с острова. Говорить открыто я боялась, с памятного вечера он перестал казаться безобидным. Больше того, подозревала, что с психикой у него не все в порядке. Сегодняшний спектакль являлся тому подтверждением.

— Нужно сказать Алессандро, — уверенно проговорила Олеся.

— Ни за что! — мгновенно отреагировала я. — Ты не станешь разговаривать с ним, как и я тоже!

— Интересно, почему? — нахально переспросила подруга. — Кто мне-то может запретить? Если ты ведешь себя, как дура, то я что, должна подражать тебе?

— Если ты хоть что-нибудь скажешь ему, можешь забыть про меня. Поняла?

Я не шутила и разозлилась неслабо. Сама не отдавала себе отчет, почему до такой степени идея Олеси показалась мне бредовой. Одно знала наверняка — вмешивать в это дело и вообще в свою жизнь Алессандро не хочу. Неприятно лишний раз вспоминать о нем. Видеть его тоже не хотелось. Лучше всего забыть о вынужденном знакомстве, выкинуть из головы. Если бы не обещание, данное ему, так сказать, долг чести, я бы так и поступила — совершенно перестала бы о нем думать.

— Не понимаю, чего ты так бесишься? — Олеся с обидой надула губы. — Я вообще-то хочу как лучше... Ладно, не хочешь Алессандро, давай расскажем Дарио.

— И что? Он-то чем сможет помочь в этой ситуации? Олесь, — устало вздохнула я, жалея, что все ей рассказала, — давай не будем навешивать наши проблемы на посторонних людей. Не хочу я никого напрягать, понимаешь? Как-нибудь сама выкручусь, не переживай.

Говорить-то я говорила, а вот уверенности не испытывала. Казалось, меня загнали в тупик, и никогда уже не выпустят. А еще я вдруг поняла, что жизнь моя сильно изменилась. Даже вернувшись домой, я не смогу стать прежней.

Глава 14. Увольнение века

Дождь лил два дня. Столько же продолжало штормить море. Все это время мы с Олесей, как заложницы, сидели в доме. В короткие перерывы, когда небо не извергало потоки влаги, мы не успели бы добежать даже до ближайшего магазина, не то что сходить куда-нибудь еще. Приходилось измудряться и готовить себе из тех запасов, что имелись.

Олеся периодически принималась хандрить. В такие моменты она запиралась в своей комнате и спала или просто валялась на кровати. Я видела, что подруга скучает по своему Серхио, но помочь ничем не могла. Если она сейчас так переживает, то что будет, когда мы уедем? Об этом я старалась не думать.

Я тоже переживала, но по другому поводу. Приближался день рождения Олеси. Если дождь не перестанет, мы вынуждены будем отмечать его дома за пустым столом. А я знаю, что на этот день у нее были намечены грандиозные планы. Она договорилась с Серхио, что отметит праздник в его кафе. Даже гостей уже пригласила. А погода портила все планы. Я видела, как Олеся подолгу стоит у окна и разглядывает хмурое небо, без намека на просветление. Все это и мне не добавляло хорошего настроения, хоть сама по себе стихия не очень и смущала. Я любила дождь. Мне нравилось читать или дремать под его звуки. Станным образом это способствовало наступлению спокойствия в душе, как будто бушующая природа забирала и часть моих переживаний.

В день рождения Олеси, проснувшись рано утром, я глазам своим не поверила. Светит солнце, на небе ни облачка, птицы щебечут, как ненормальные, словно стараются выболтать друг другу все новости, накопившиеся за два дня непогоды.

— Люська, Аллилуйя! — услышала я восторженный вопль подруги.

Оказывается, она тоже проснулась и заорала, не вставая с постели и не заботясь, что я могу еще спать. Она влетела в мою комнату, прыгая от радости. Принялась тискать меня, не давая сказать ни слова, пока сама же не запыхалась. Тогда она упала на мою кровать и уставилась счастливым взглядом в потолок.

— Все-таки не такая уж я и грешница, — тяжело дыша, проговорила она. — Природа на моей стороне.

Пока она расхваливала себя и отношение к ней высших сил, я достала подарок. Торжественно вручить его Олесе не получилось. Она повела себя, как обычно, импульсивно. Со словами: «Это мне?!» выхватила у меня из рук пакет и принялась распаковывать подарок.

— Какая прелесть! — вертела она украшения, рассматривая их на свет. — Когда ты успела купить их?

— У сильных мира свои секреты, — отшутилась я.

— Надену прямо сейчас...

Бижутерия шла ей удивительно, подчеркивая белокурые локоны и голубые глаза. Я тихо радовалась, что угодила с подарком, наблюдая, с каким удовольствием она рассматривает в зеркале свое отражение.

— Серхио будет в восторге, — удовлетворенно кивнула она.

Кто о чем, а она, как обычно...

— Олесь, — позвала я. — Нужно сходить в порт.

— Прямо сейчас? — скривилась она, как капризная девчонка.

— Думаю, нужно идти пораньше, пока они не вышли в море. Я бы сама сходила, но боюсь капитан ни бум-бум по-английски. Обращаться к Марко, чтобы переводил, не хочу. Поэтому... — как могла, старалась объяснить я.

— Да, понятно, понятно, — обреченно кивнула Олеся.

Я догадывалась, что она с утра пораньше мечтает умчаться к Серхио. И мне стыдно ее обламывать. Но и поход откладывать нельзя. Пора разобраться с этим делом. Самой не хотелось идти, особенно, когда представляла, как встречу с Марко. Это отравляло настроение с утра пораньше.

— Тогда давай сделаем это побыстрее. Позавтракаем в портовой столовой, — решительно заявила Олеся.

Через несколько минут мы выходили из дома, переполненные решимости поставить наглого капитана на место.

В порту кипела жизнь. Это, наверное, единственное место на Лампедузе, где день начинается с восходом солнца и не прекращается, а лишь затухает, с наступлением ночи. Народ суется на пристани, выстраиваясь в подобие очереди, чтобы сесть на небольшой кораблик, готовящийся к отплытию. Интересно, куда он направляется?

Я наслаждалась утренним солнцем и наблюдала за лицами людей, пока мы шли по длинной бетонированной площадке к нужному причалу. Поймала себя на мысли, что воспринимаю происходящее, словно смотрю кино. Здесь все несовременно. В наш век самолетов и скоростных поездов странно смотрятся люди с чемоданами, поднимающиеся по трапу на кораблик. Некоторые вообще налегке, возможно они работают на материке и сейчас как раз туда и направляются. Интересно и непривычно, а еще уютно и самобытно. Именно такое определение родилось в моей голове.

По обоюдному молчаливому согласию мы с Олесей замедлили шаг, когда до лодки оставалось несколько десятков метров. И ей, и мне хотелось оттянуть момент встречи с капитаном.

Первым, кого увидели, стал улыбающийся Марко. Он облокотился на борт и ждал нашего приближения, видно заметив издали. Краем глаза я наблюдала, как нахмурилась Олеся.

— Этот придурок еще и лыбится! — полуобернулась она ко мне. — Сейчас я ему задам!..

— Олесь, не надо! — поспешила сказать я, так как она прибавила ходу, явно намереваясь устроить разборки. — Давай не сегодня, ладно? Нас ждет придурок посерьезнее.

— Какая разница, один или два? Сделаем их обоих...

Я резко придержала ее за руку и развернула к себе. Выражение лица подруги не предвещало ничего хорошего. Она готовилась к скандалу, я это явственно читала в ее глазах.

— Олесь, очень прошу, — проникновенно начала я, — не нужно ничего ему говорить. Ладно? Не хочу снова проходить через это. Только не сегодня, — закончила.

— А чего ты трусишь? — взъерепенилась она. — Наглецов необходимо ставить на место, чтобы впредь неповадно было. Я должна ему все высказать!

— Олесь! — Я поняла, что без жесткости тут не обойтись. — Не сегодня!

— Как скажешь, босс, — надула она губы, намереваясь продолжить путь. — Пойдем на поводу у твоей трусости.

Я опять придержалась ее за руку.

— Не обижайся. Я надеюсь, что если мы не будем обращать на него внимания, он сам отвалит.

Как же я ошибалась! Марко относился к категории людей, которым все нипочем. Такие люди любому своему поступку находят оправдание. Скорее всего, они даже не подозревают, что ведут себя омерзительно. Как будто такое поведение заложено в крови, как естественное. Он уже направлялся к нам традиционной походочкой вразвалочку, улыбаясь во весь рот. Зубы блестели издали, как в рекламе Орбита. Олеся вся напряглась, я физически ощущала ее реакцию. Оставалось надеяться, что она выдержит и не начнет скандалить.

— Какой сюрприз с утра пораньше! — развел он руки в стороны, когда между нами оставалось не больше десяти шагов. — Соскучились по суровым матросам?

— Дело есть, — буркнула Олеся, и я с благодарностью поняла, что она решила не конфликтовать.

В следующий момент конфликт все-таки едва не разгорелся, когда Марко, без предупреждения, подошел ко мне, обнял и поцеловал в губы. От неожиданности я резко его отпихнула, что он чуть не упал. Мельком заметив злое выражение его лица, я перевела взгляд на Олесю, опасаясь ее реакции. Она готовилась ринуться в бой: глаза метали молнии, вся вытянулась, как струна, кулаки крепко сжаты...

— Все в порядке, — придержала ее я. — Марко, мы по делу... Не нужно, ладно?

Поймала себя на мысли, что разговариваю с ним, как с убогим. Увещаваю, словно знаю, с каким трудом до него доходит информация. А ведь так и есть на самом деле! Он совершенно не способен слушать. Он делает только то, что хочет, подчиняется сиюминутным порывам. Или он ведет себя так намеренно? Думать об этом пока не было времени. Решила поразмыслить на досуге.

— И по какому же вы делу? — подозрительно прищурился он, в то время как Олеся хранила гробовое молчание, крепко сжав зубы и играя желваками, следя за каждым его движением.

— Нам нужен капитан. — Я старалась говорить спокойно, хоть внутри и бушевало все. — Он уже пришел?

— Естественно, — чопорно ответил Марко и картинно повел рукой в сторону лодки. — Милости прошу, дамы...

— Урод! — едва слышно процедила Олеся, когда мы прошли мимо Марко по направлению к шхуне.

Карло Пуччини восседал на капитанском мостике и не собирался спускаться к нам на палубу. Когда мы поднялись на борт, Марко с обиженным видом удалился. Я этому факту была несказанно рада. Пусть лучше занимается делами, чем пристаёт с пылкими чувствами, которые почему-то все больше казались мне наигранными. Оставалось непонятным, зачем ему это нужно. Оставил бы уже меня в покое, видит же, как это неприятно.

Мы с Олесей переминались на палубе, когда из-за угла показался Дарио. Выглядел он как обычно — мощно и надежно. Именно эти чувства я испытывала, когда смотрела на его приземистую и мускулистую фигуру с бугрящимися под обтягивающей футболкой мышцами.

— Как дела? — спросил он по-английски, обращаясь ко мне без приветствия. — Как переждали дождь?

— Нормально, — улыбнулась я. Он вызывал такие теплые чувства в душе, что хотелось

дарить ему улыбки, как никому. — Скучно было, а еще немного страшно из-за шторма.

— Ну, шторм вам не страшен под надежной защитой утеса. Это с непривычки. — Видно было, что он искренне рад нашему приходу, не то, что некоторые. — А сюда зачем?..

— Поговорить с капитаном. Только он, похоже, не рад нам.

— Долго будете еще заниматься тарабарщиной? — недовольно произнесла Олеся. Я чуть не рассмеялась, что совершенно не вписывалось в ситуацию. Олеся, когда чего-то не понимала, становилась капризной, как ребенок. Сейчас она не понимала, о чем мы говорим с Дарио.

— Я провожу вас, — кивнул Дарио без тени улыбки и первый направился к трапу, ведущему на капитанский мостик.

Карло Пуччини читал газету и даже не повернул головы при нашем появлении. Вообще никакой реакции не последовало. Тут уж Олеся не выдержала. Агрессия, накопившаяся за утро, вылилась в одной единственной фразе. Я не знала, что она ему сказала, но по тону и его реакции, поняла, что какую-то гадость. Он резко развернулся и уставился на нас маленькими глазками на побагровевшем лице.

Не хотелось начинать разговор со скандала, тем более что я ожидала его в процессе.

— Олесь, давай по существу, — попросила я подругу.

— Да, надоели такие вот идиоты, — злобно прошипела она, не переставая буравить капитана взглядом. Причем, он отвечал ей тем же, с той лишь разницей, что у него это сочеталось с неприкрытой похотью. — Сидит, как пингвин на яйцах, головы не повернет.

— Да, плевать на то, как он ведет себя. Спроси, почему уловы упали? — велела я.

Хотелось скорее закончить неприятный разговор и отправиться домой. Только там я чувствовала себя спокойно.

Олеся снова заговорила. Я видела, как она старается это делать спокойно. Но получалось не очень. Выражение лица подруги, смесь презрения и брезгливости, оставляло желать лучшего. Видел это и капитан, отчего только сильнее распалился. На спокойный выпад Олеся он принялся орать и размахивать руками, периодически тыча в меня пальцем в попытке убить взглядом. Я даже немного попятилась от такой агрессии.

По мере тирады, лицо Олеся все больше напоминало презрительную маску. Она даже не пыталась перебить его, только губы ее кривились все сильнее, и взгляд становился тяжелее. Когда капитан замолчал, я рискнула спросить:

— Что он сказал?

— Этот дебилоид, — повернулась ко мне Олеся, — утверждает, что рыба не ловится.

— И все?

Слабо верилось, что сказал он только это.

— Ну почему же?.. Еще он по-всякому оскорблял нас, говорил, что лезем не в свое дело, велел убираться восвояси... В общем, тут такой букет, что и перевести не знаю как.

Она говорила медленно, не отводя взгляда от капитана. А потом так же медленно произнесла несколько фраз на итальянском.

— Что ты ему сказала?

Я чувствовала себя болванчиком, особенно моя голова, которая вертелась в стороны, от Олеся к капитану и обратно.

Ответить Олеся не успела. Словно какая-то сила сорвала Карло Пуччини с места. Он подлетел почему-то ко мне и принялся выкрикивать мне в лицо какие-то слова, обдавая запахом чеснока и перегара. От неожиданности я опять попятилась и чуть не упала с

лестницы, не придержи меня Дарио. Видно, крики привлекли его внимание, и он решил вмешаться. Если бы не он, все могло бы обернуться трагедией, во всяком случае, для меня.

Дарио продолжал удерживать меня за талию, пока не переместил в безопасное место, к бортику. Потом молча оттеснил капитана, выпрыгивающего из кожи и продолжающего орать. С ним он не церемонился, просто ткнул того в грудь огромной рукой, так что тот отлетел и в аккурат приземлился на крутящийся стул, едва не опрокинув его. Это послужило шоковой терапией, капитан резко замолчал, только глаза его продолжали вращаться, рискуя вылезти из орбит.

— Что происходит? — спокойно поинтересовался Дарио. В которой раз поразила его выдержке.

Он повторил вопрос по-итальянски, обращаясь к Олеся. Она коротко ему что-то ответила, переведя для меня:

— Я сказала, что змеюка плюется ядом без видимых на то причин.

— А что он говорил-то? — спросила я, перестав следить за капитаном. На этот счет я была спокойна, пока Дарио тут, гаденыш не позволит себе ничего такого.

— Оооо, тебя лучше этого не знать, — с нервным смешком ответила Олеся. — Я про нас столько нового узнала!.. В таких подробностях. Это даже перевести трудно, в моем русском лексиконе нет столько слов.

— Ну, а по существу вопроса?

— По какому еще существу? — с издевкой спросила она. — Нет никакого существа. Он невменяем, чтобы требовать от него ответа.

Олеся вела себя непривычно. Возможно оттого, что первый раз наблюдаю свою подругу в стрессовой ситуации, но ее метаморфозы меня удивляли. Только она была язвительной, как вдруг стала необычайно серьезной.

— Слушай, — заговорила она. — Пора кончать с этим. Я не понимаю, что происходит, но он, — она ткнула пальцем в Карло Пуччини, — ведет себя неадекватно. Он занимается вредительством, если хочешь знать мое мнение. Уловы не падают, это он не хочет ловить рыбу. Я думаю, что это делается намеренно, чтобы похерить бизнес, понимаешь? Он делает все, чтобы ты разорилась и лишилась лодки и, следовательно, наследства.

Я уже тоже это поняла, смущало отсутствие видимых причин. Зачем это все нужно капитану? Но получить ответы на свои вопросы от него я не надеялась. Судя по всему, Дарио тоже не мог быть нам полезен в этом плане.

— Что же делать?

Я на самом деле не знала, как себя вести и что можно предпринять. Я запуталась в интригах и непонятках. Происходящее сбивало с толку.

— Как что?! Да гнать его нужно к чертям собачьим! — опять взорвалась Олеся. — Пусть катится колбаской...

— А кто же будет капитаном?

— Люсь, прекращай, а... — Она смотрела на меня, как на убогую. — Да хоть Дарио!

— Тогда скажи ему, что он уволен, — не очень уверенно кивнула я в сторону капитана.

— Ага, сейчас... После всего того, что он сказал про нас, стану я так вежливо объясняться, — хмыкнула Олеся.

Затем она повернулась к капитану без тени улыбки на лице и выплюнула одну единственную фразу. Я наблюдала за его реакцией, догадываясь, как именно преподнесла подруга новость об увольнении. Скорее всего, она сказала ему что-то типа «пшел вон», а то и

еще что-нибудь поглубже. Лицо капитана пошло пятнами. Он вскочил со стула, намереваясь броситься на Олесю с кулаками. Но натолкнулся на железную грудь Дарио и отскочил, как мячик для пинг-понга.

Олеся сказала еще что-то и указала на трап. Дарио не давал капитану возможности трепыхнуться, стоя между нами и им. Он ничего не говорил, просто смотрел на него из-под козырька бейсболки. Олеся так и стояла с вытянутой рукой, ожидая, когда капитан покинет судно. Мне отводилась роль наблюдателя.

Если капитан и хотел сказать что-то еще, сделать ему это не позволили. Дарио посторонился, освобождая проход, намекая, что если тот не поторопится, то спустит его с лестницы. Капитану ничего не оставалось, как покинуть лодку. Поравнявшись с Олесей, он повернулся к ней и что-то прошипел.

— Он угрожал? — спросила я, глядя в спину удаляющегося бесславного капитана, испытывая безотчетную грусть.

— Сказал, что не оставит так этого дела, — равнодушно ответила она, опускаясь на капитанское место. — Не обращай внимания. Пусть плюется, жало-то мы вытащили...

Я так не считала, и тот факт, что в лице капитана у меня появился лютый враг, огорчал. Захотелось бросить все и уехать домой. В который раз я пожалела, что ввязалась в авантюру с наследством.

На лодке мы провели еще какое-то время, обсуждая производственные вопросы с Дарио. Странно, но за все время перепалки с капитаном, Марко так и не появился. Интересно, где и, главное, почему он так старательно отсиживался. Не первый раз я замечаю за ним такую странность — ретироваться в самый опасный момент. Что-то мне подсказывало, что это не просто трусость.

Олеся пригласила Дарио на празднование дня рождения, которое планировалось на завтра. Он обещал прийти. Еще я поинтересовалась, сможет ли он найти кого-нибудь, кто согласится выполнять роль матроса за небольшую плату. Я понимала, что пока не могу позволить себе платить достойно за такую работу. Дарио заверил, что без проблем. Если верить ему, то в порту шаталось достаточно народу в поисках хоть какой-то работы. Он обещал выбрать самого достойного.

С удовольствием покидала это место, которое с недавних пор относил к категории экстремальных. Каждый визит в порт у меня был связан с потрясением. Если бы появилась возможность больше сюда не ходить, я бы была только рада.

Глава 15. Праздник сквозь слезы

Под несколькими гостями Олеся, оказывается, имела в виду человек тридцать народу. Когда только успела со столькими познакомиться?

Она убежала с утра пораньше, готовить кафе к праздничному приему. Мне велела подтягиваться ближе к четырем вечера. Что я и сделала. И сейчас стояла и озиралась на украшенной шарами и ярким серпантинном веранде. За длинным накрытым столом галдели нарядные мужчины и женщины. На меня никто не обращал внимания. Олеси нигде не было видно.

— Привет, — услышала я голос Дарио и резко обернулась. — Оживленно тут.

Он стоял и улыбался. В темно-серых брюках с наглаженными стрелками и белоснежной рубашке он выглядел совершенно не таким, каким привыкла его видеть. Традиционная бейсболка тоже отсутствовала. Оказывается, у него на щеках появляются ямочки, когда улыбается! Никогда бы не подумала. И вообще, неожиданно Дарио показался мне очень симпатичным и не так уж сильно смахивающим на Челентано, разве что короткой стрижкой. Глаза он спрятал под темными очками круглой формы, и сейчас я не могла разглядеть их выражения.

— Не то слово! — улыбнулась я, радуясь его появлению, как неожиданному подарку. — Кроме тебя я тут никого и не знаю.

— А где именинница? — спросил он, рассматривая гостей. Никто из них по-прежнему не обращал на нас внимания — смеялись, переговаривались между собой.

А вот и виновница торжества! Не успел Дарио поинтересоваться, как она довольная и раскрасневшаяся выбежала из помещения кафе на веранду. За ней следовал не менее радостный Серхио, неся огромный поднос с чем-то дымящимся на нем.

— И чего вы застыли? — набросилась она на нас. — Давайте к столу. Все собрались.

Олеся указала нам на два пустующих места за столом. Мы с Дарио послушно заняли их. Я продолжала испытывать неловкость в незнакомой компании и отчаянно завидовала в данный момент подруге, которая обладала настоящим талантом знакомиться и заводить дружбу. Мне же подавай длительное общение, потом какое-то время, чтобы оценить человека, в частности его моральные качества, и принять решение, достоин он моей дружбы или нет. Наверное, поэтому у меня из друзей была только Олеся, и то благодаря ей, а не мне.

Дарио наполнил бокалы вином и протянул мне один.

— Давай выпьем, чтобы расслабиться, — предложил он. Видно, как и я, он испытывал легкую неловкость, хоть ситуация и располагала к обратному. — За именинницу!

Мы чокнулись по русской традиции. Прохладное вино пилось приятно, и я осушила бокал до дна, почувствовав внезапную жажду. Краем глаза наблюдала за Олесей и Серхио, сидящих во главе стола. Никогда еще до этого не видела свою подругу такой счастливой. Она купалась в любви, которую, не скрываясь, проявлял Серхио. Он смотрел на нее, как на богиню, ловил каждое ее слово. Если и обращал внимание еще на кого-нибудь, то исключительно из вежливости, когда к нему обращались. Олеся была одинаково любезна со всеми, она смеялась и тараторила без умолку, но сразу чувствовалось, что самым главным человеком для нее является Серхио. Вокруг них аура любви стала ощутимой и видимой. Они в ней оба купались.

Я поняла, что у Олеси это гораздо серьезнее, чем можно было предположить сначала. Кто бы мог подумать, что именно на далекой Лампедузе она встретит свою судьбу? Пусть они переживают сейчас пору влюбленности, но я не сомневалась, что чувство их будет только крепнуть и со временем перерастет во что-то большее. С грустью осознала, что подруга отдаляется от меня. Я по-прежнему старалась не думать, что будет, когда настанет время отъезда, но что-то мне подсказывало, что видаться теперь с ней мы будем очень редко.

— Давай еще выпьем, — предложила я, оторвав Дарио от оживленной беседы с молоденькой итальянкой, сидящей по другую сторону от него.

Появилось желание напиться, чтобы хоть чуть-чуть притупить прогрессирующую в душе тоску. Дарио опять наполнил бокалы, а заодно и пустую передо мной тарелку. Фаршированная рыба, названия которой я не знала, пахла божественно. Жаль только аппетита у меня не было совершенно. Я лениво ковырнула ее вилкой, даже попробовала кусочек, а потом немного отодвинула от себя тарелку. В качестве закуски к вину предпочла кусочек сочного манго.

Второй бокал я тоже осушила до дна и поймала на себе заинтересованный взгляд Дарио. Очки к тому времени он снял, и я могла видеть его глаза, в которых сейчас читалось удивление.

— Что-то случилось? — спросил он, внимательно разглядывая меня.

— С чего ты взял? — попыталась увильнуть от ответа я.

— Ты ничего не ешь, только пьешь. Сидишь молча, даже не улыбаешься... Странное настроение для праздника. Учítывая, что это день рождения лучшей подруги.

Его бы наблюдательность, да в нужное русло. В душе зарождалась досада. Хотелось сказать Дарио, что он лезет не в свое дело. Ощутила резкое желание все бросить и сбежать домой. Не думаю, что Олеся заметит мое исчезновение, а если и заметит, то уж точно не обидится. Моей любимой подружке явно не до меня, и осуждать ее за это я не имею право.

Только я собралась ответить Дарио, как ситуация изменилась — нарисовался гость, которого явно не приглашали и не ждали. У входа на веранду кафе стоял красавчик Марко. Выглядел он еще неотразимее, если это только возможно. В стального цвета брюках, шелковой черной рубашке, расстегнутой до середины груди, открывающей загорелое мускулистое тело. Черные волосы блестят на солнце, глаза спрятаны под большими очками, и на губах играет традиционная улыбка, которая мне сейчас казалась насквозь фальшивой. Но другие присутствующие тут дамы так не считали. Взоры всех итальянок устремились на знойного мачо.

— Ты ему сказал? — не выдержала я и спросила у Дарио, лишь бы не смотреть на улыбающуюся физиономию наглеца.

— Нет, а в чем дело?

Дарио выглядел удивленным или хотел таким казаться. Впрочем, к нему я точно сейчас цепляюсь, вымещаю плохое настроение. Не заслужил он такого. А я — злобная стерва, и веду себя соответственно.

— Ничего особенного, не обращай внимания, — как могла мягче ответила я. — Просто, насколько я знаю, Олеся его не приглашала.

— Аaaa, ты об этом? — неожиданно развеселился Дарио. — Так остров-то маленький, такие события быстро становятся известны всем.

Сарафанное радио? Хотя, чему я удивляюсь. Оно везде работает одинаково хорошо, была бы новость...

Олеся усиленно изображала гостеприимную хозяйку праздника. Она вежливо пригласила Марко к столу. Распорядилась, чтобы ему принесли приборы. Перед тем, как занять свое место, Марко торжественно поздравил ее, преподнес что-то в большой коробке и смачно расцеловал. Она и виду не подавала, что ей это неприятно. Не считая меня, никто и не догадался, чего стоила Олеся подобная выдержка, с ее-то взрывным характером.

Как-то неожиданно я испытала чувство стыда, что сижу, дуясь на дне рождения лучшей подруги, отравляю своим настроением ауру веселья. Никто из сидящих за столом не виноват, что у меня паршивое настроение. И меньше всех Дарио. Он итак, бедный, не знает, как еще можно развлечь меня, так я еще и огрызаюсь весь вечер. И почему вино на меня не действует? Уже два бокала заглотила, а хоть бы хны, хоть бы легкий туман в голове появился. Трезвая, как стеклышко!

Я старалась не смотреть на Марко, активно беседуя с Дарио. Задавала ему всякие вопросы про рыболовецкий бизнес, про его семью... Он едва успевал отвечать, с такой скоростью вопросы сменяли друг друга. Оказывается, родом он из Венеции. Там живут почти все его родственники. А сам он совсем недавно живет и работает на Лампедузе. Как он выразился, захотелось романтики и приключений. А я бы ни за что не уехала из такого места, как Венеция!

Я представила себе этот город на воде, почувствовав прилив нежности. Мне даже показалось, что я ощутила неповторимый запах каналов, который витает там, и к которому такое разное отношение. Бытует мнение, что в Венеции пахнет затхлой водой. Я в это не верила. Такое романтическое место не может плохо пахнуть. Скорее всего, виноват человеческий скептицизм, вечное всем недовольство.

Мысли унесли меня далеко от кафе и Лампедузы, поэтому я даже испугалась, когда услышала рядом голос Марко:

— Не скучно вам тут? Пошли, потанцуем? — он без разрешения взял меня за руку и потянул на небольшую площадку перед верандой, где уже кружились несколько пар.

Пришлось подчиниться, чтобы не привлекать к себе внимания. Ни я, ни Дарио не успели сориентироваться. Впрочем, вряд ли Дарио видел в этом что-то особенное — мужчины часто приглашают женщин на танец.

Марко прижал меня к себе гораздо сильнее, чем того требовали приличия. Даже дышать стало трудно. Я попыталась высвободиться, но он только плотнее сомкнул руки.

— Ужасно соскучился, — зашептал он мне на ухо, обдавая горячим дыханием.

— Мне нечем дышать, — ответила я, убирая голову в сторону, насколько это было возможно.

Я уперлась руками ему в грудь, пытаюсь оттолкнуть от себя. Все бесполезно. Он не собирался ослаблять хватку. Вместо этого принялся осыпать мое лицо поцелуями. От омерзения и страха, что ничего не могу предпринять, чтобы не привлекать к себе внимания, меня затошнило.

— Марко, отпусти меня, — снова сделала попытку вырваться. — Мне больно...

— Не могу отпустить. Я хочу тебя до ужаса.

Когда он прижался к моим губам, разум перестал контролировать эмоции. Не думая, как это выглядит со стороны, я начала активно вырываться.

— Убери от меня руки. Слышишь? — шипела я. — Я не хочу с тобой танцевать.

Слава Богу, подействовало! Я почувствовала, как руки Марко расслабляются, позволяя отодвинуться на безопасное расстояние. Правда, как выяснилось, причиной послужили не

мои уговоры. Я проследила за взглядом Марко и увидела, что к кафе приближается Алессандро в сопровождении телохранителей.

Я почувствовала, как напрягся Марко. Алессандро смотрел в упор на него, не обращая внимания ни на кого больше. Разговоры за столом стихли, танцующие тоже застыли, даже легкая музыка зазвучала по-новому, напряженно.

Пользуясь моментом, я окончательно высвободилась из рук Марко. Не знала, что нужно тут Алессандро, но была благодарна ему за своевременное, пусть и случайное, вмешательство. Уже направляясь к столу, услышала, как он что-то сказал Марко. В ответ тот что-то промямлил. Вторая реплика Алессандро прозвучала более жестко, я даже расслышала в ней угрозу. Как не подмывало любопытство, поворачиваться не стала. Собственно, Алессандро на празднике Олеси я была рада еще меньше, чем Марко. Все сегодня складывается против меня.

Вернувшись к столу, с огорчением обнаружила, что Дарио куда-то исчез. Наверное, ушел... А жаль. Не считая Олеси, которая целиком поглощена своим Серхио и любовью, поговорить мне больше не с кем.

На меня никто не обращал внимания. И за это я должна благодарить тоже Алессандро. Все наблюдали за тем, как он приблизился к имениннице, торжественно поздравил ее и вручил подарок. Олеся радовалась, как ребенок. Она усадила Алессандро рядом с собой. Для его охраны вынесли столик и поставили его в сторонке от общего стола. Им даже предложили спиртное, от чего они отказались. Вот это муштра! Оба охранника не сводили глаз с хозяина. Кто же он такой, в который раз задумалась я. Почему-то варианты возможных ответов не казались мне безобидными.

Я поймала на себе довольный взгляд подруги. Она лукаво подмигнула мне и кивнула на Алессандро, который как раз произносил тост, наверное, за здоровье именинницы. Не разделяла радости Олеси, но и портить ей настроение тоже не хотелось. Поэтому постаралась выдавить ответную улыбку.

Марко не вернулся за стол. Я украдкой обернулась и осмотрела площадку для танцев. Его нигде не было. Боялась радоваться раньше времени, но надеялась, что он больше не появится. Оставались опасения, что он может подкарауливать меня возле дома. Что буду делать в таком случае, ума не прилагала. Надеялась только, что он не станет этого делать, что Алессандро удалось запугать его достаточно сильно.

Украдкой бросила взгляд в сторону влиятельного гостя и тут же пожалела. Он в упор смотрел на меня. Как обычно его взгляд, с затаенной в глубине насмешкой, выводил из себя. Очень обрадовалась, когда один из присутствующих за столом мужчин произнес тост, высоко поднимая бокал. Я схватила свой, как алкаш, перед которым неожиданно появилась порция опохмелки, о чем он и мечтать не мог. Спасибо Дарио! Видно он позаботился перед уходом и наполнил мой бокал вином, чтобы мне самой не пришлось этого делать. Странно, что ушел без предупреждения. Хотя, может у них так принято, просто я об этом не знаю.

После третьего бокала я, наконец-то, почувствовала опьянение — голова слегка закружилась, непонятная озлобленность на всех и вся отступила, позволяя занять место романтическим мыслям. Я размечталась, что когда-нибудь тоже, как Олеся, буду сидеть рядом с любимым человеком, смотреть на него с обожанием, ловить каждое, сказанное им, слово... Каким он будет? Невольно бросила взгляд на Серхио. Красив, как херувим. И выглядит младше своего возраста, несмотря на развитую мускулатуру и мужественные черты лица. Наверное, все дело во взгляде — по-детски наивном. Нет. Он точно не мой типаж. А

вот Олесин однозначно. Я перевела взгляд на подругу и впервые за весь вечер почувствовала искреннюю радость за нее. Здорово, когда человек умеет так любить!

Олеся перехватила мой взгляд и, что-то шепнув Серхио, встала из-за стола и направилась в мою сторону.

— Ты на меня не злишься? — спросила она, занимая пустующее рядом место, где до этого сидел Дарио.

— За что? — притворилась я, хоть и отлично понимала, что она имеет в виду.

— Ну, я весь вечер с Серхио... Ты не скучаешь? — озабоченно поинтересовалась она.

— Ни капельки! — бодро ответила я. — Я развлекаю себя, наблюдая за твоими гостями, — слукавила. Спроси меня потом, кто и как выглядел, вряд ли смогла бы ответить.

— Ох, и задам я этому Дарио! — воскликнула Олеся. — Так неожиданно слинял. Хотя, что-то мне подсказывает, что без кавалера ты не останешься... — Она лукаво зыркнула в сторону Алессандро, который в данный момент был увлечен беседой с рядом сидящей красавицей, чем-то напоминающей Орнеллу. Наверное, это точно его типаж женщины. Он с улыбкой слушал, как она ему что-то рассказывала, томно облизывая губы.

— А его ты зачем пригласила? — не смогла удержаться от недовольства я.

— Как зачем? Не могла же я после всего, что он для нас сделал, обойти его вниманием. Это выглядело бы грубо. И потом... такой гость за столом является украшением, — довольно улыбнулась она.

— Да уж... — не нашла, что ответить я. Боялась и дальше продолжать эту тему, рискуя испортить ей настроение.

— Люсь, — нерешительно заговорила Олеся, теребя руками салфетку. Она нервничает что ли? Странно... В такой-то день? — Я хотела тебе завтра рассказать, но не могу удержаться... — Она подняла на меня глаза, в которых плескалась радость, предвкушение чего-то, с изрядной примесью стыда и неуверенности.

Такое начало пугало. Что еще придумала моя неугомонная подруга. Редко когда она проявляет такую нерешительность, как сейчас. Она явно не знала, как сообщить мне то, что собиралась.

— Ну, говори уже, чего мнешься! — не выдержала я.

— Серхио предложил слетать во Флоренцию, — выпалила она. — Там живут его родители, и он хочет познакомить нас. — Олеся покраснела, как девчонка.

Я почувствовала, как на глаза наворачиваются слезы и до боли закусила губу, чтобы они не выступили. Господи! Да я ей завидую со всеми последствиями, вытекающими из этого пакостного чувства. Я завидую своей подруге, потому что она влюблена, а я нет. И свинское поведение тоже из-за этого.

Осознав всю степень своего падения, я не выдержала и резко отвернулась.

— Люсь, — позвала Олеся. — Ты обиделась?

Да, обиделась! Только не на нее, а на себя, если такое возможно.

— Ну, хочешь, я никуда не поеду? — Олеся тронула меня за плечо, и в голосе ее появились просительные нотки. Она спрашивала одно, а имела в виду другое. Она молила меня отпустить ее.

— Конечно, поезжай, — уверенно произнесла я, поворачиваясь к ней и стараясь, чтобы мой взгляд выражал нужные чувства. — Надолго?

— Дня на три-четыре. — Подруга уже улыбалась и вновь светила счастьем.

— А когда?

— Завтра днем.

Я молча кивнула, надеясь, что получилось это оптимистично.

— Ты точно не пропадешь тут без меня?

Она спрашивала, а я видела, что меньше всего ее сейчас волнует вопрос моей безопасности или буду ли я тут скучать без нее. Счастье делает человека эгоистом. Но, в то же время, каждый имеет на него право. И осуждать за это нельзя.

— Олесь, за меня не переживай. — Эта фраза далась мне с легкостью. Я наконец-то осознала, что занимаюсь ерундой, завидуя подруге. — Буду бездельничать днями напролет, а еще читать и обжираться, и много-много спать, — улыбнулась я, радуясь, что получилось это естественно.

Олеся быстро чмокнула меня в щеку и упорхнула к своему Серхио. Я больше не могла сидеть за столом. Моему осознанию требовался простор. А где еще, как не возле моря, можно пустить мысли в свободное плавание?

На меня никто не обращал внимания. Краем глаза заметила, что Алессандро стоит ко мне спиной и разговаривает по телефону, под пристальными взглядами телохранителей и лицом к ним.

На землю опустились сумерки, но не слишком густые, и я без труда лавировала между крупных камней, направляясь к морю. Возле самой кромки воды я выбрала укромное место, спрятавшись за большую глыбу и усевшись на камень поменьше. Теперь из кафе меня никто не увидит. Хотя, скорее всего, моего исчезновения никто и не заметит. А Олеся простит, когда поймет, что я смылась, не попрощавшись.

Поверхность моря, спокойная и гладкая, блестела серебром в свете луны. Сумерки густели стремительно, яркая иллюминация вокруг кафе сюда не доставала. С опозданием сообразила, что выбирать будет проблематично, я не видела даже собственных рук и ног. Только вода влажно поблескивала, касаясь моих обнаженных ступней. Еще и босоножки предстоит разыскивать в темноте. Куда бросила их могла обозначить очень примерно.

Но это все не имело сейчас значения. Я прислонилась спиной к еще теплой поверхности глыбы и наслаждалась покоем под звуки музыки, доносящиеся из кафе. Едва различимый шелест моря рождал глобальные мысли. Я вспомнила Лизу из сказки деда. Была ли она счастлива? То недолгое время, что прожила с любимым мужем и дочерью... Хватило ли ей этого времени, чтобы насладиться счастьем? А может ли вообще этого чувства быть достаточно? Есть ли разница — три года или всю жизнь? Наверное, есть, раз человеку отведено определенное время, длиною в жизнь. И предполагается, что все это время он должен быть счастлив. А Лиза ухватила лишь малюсенький кусочек, словно своровала счастье у самой себя.

Я почувствовала слезы на глазах. Только сейчас это были слезы жалости, и я была им рада. Бедная Лиза... Какой же тяжелый крест выпал тебе. И никто не знает, как ты мучилась перед смертью.

Ее ли портрет был нарисован под сказкой? Если да, то мы с ней удивительным образом похожи. Нужно позвонить бабушке, внезапно обожгла мысль. Как я раньше не догадалась спросить у нее. Быть может она знает, была ли в нашем роду некая Лиза? Завтра же позвоню...

— Не помешаю?

От неожиданности я вздрогнула. Он подкрался так тихо, что я не слышала шагов. Или это я задумалась так крепко?

Я не могла рассмотреть Алессандро. В лунном свете проступал лишь нечеткий мужской силуэт. Но это даже хорошо, не увижу нахальства в его глазах. Сказать ему, что помешал? Вряд ли это что-то изменит, а вот выглядеть в его глазах я лучше не стану. А мне это надо? Мысли промелькнули одновременно, я в них запуталась. Неожиданность тоже сыграла свою роль. Поэтому, кроме короткого «нет» я ничего лучше не придумала.

По характерному шуршанию я поняла, что он опустил на соседний камень в непосредственной близости от того, на котором сидела сама.

Какое-то время Алессандро молчал, а потом задал неожиданный вопрос:

— Не хочешь искупаться?

Он в своем уме? Я, конечно, не наряжалась в вечернее платье, как настаивала Олеся. Но вряд ли можно предполагать, что под брючный костюм я надела купальник. Свою мысль я немедленно озвучила.

— Да я себя-то не вижу, а уж тебя и подавно, — усмехнулся Алессандро, и я отчетливо представила, насколько нагло он сейчас выглядит.

Может и не видишь, но что мешает тебе притронуться? Нет уж! В этом плане мне достаточно настырного Марко с его похотью.

— Трогать я тебя не буду, не переживай, — словно прочитав мои мысли, вновь заговорил Алессандро. — Просто, в ночном купании есть своя прелесть. Ты не видишь моря, его прозрачности, а лишь чувствуешь, как оно обволакивает тебя всего. Люблю это ощущение.

Он произнес это так просто и одновременно искренне, что я испытала дикое желание окунуться в прохладную влагу. Видно он почувствовал перемену в моем настроении, потому что вновь предложил:

— Пойдем?

— А где твоя охрана? — спохватилась я.

— Я их отправил домой.

По голосу я поняла, что Алессандро улыбается.

— А я думала, что ты один нигде не бываешь.

— Так и есть. Но сегодня решил сделать исключение. Ты как хочешь, а я поплаваю немного...

Я поняла, что он начал раздеваться. Представила его обнаженным и внезапно покраснела, как глупая гусыня. Слава Богу, этого никто не мог видеть.

— Присоединяйся, — бросил он, и я услышала звук всплеска. Видно, сразу нырнул и поплыл.

Я не знала, на что решиться. С одной стороны, до ужаса хотелось голышом поплескаться в море, с другой стороны, я опасалась, сама не знаю чего. Если он сказал, что не тронет, то, скорее всего, сдержит слово. Я склонна была ему верить.

А была-не-была! Только окунуться и сразу назад. Пока он будет плавать, я успею выскочить и одеться.

Не считая того случая с Марко, я еще ни разу не купалась ночью с момента приезда. Ощущения, и правда, непередаваемые. И дело даже не в том, что ты себя не видишь и дна тоже... Мне нравилось отсутствие контраста. Температура воды и воздуха в это время суток, когда ночь только опускалась, становилась примерно одинаковой. Воздух остывал, словно отдавая энергию морю, которое все еще оставалось теплым. Удивительное ощущение, когда и на воздухе, и в море одинаково комфортно.

Я легла на спину и немного заплывла, стараясь не терять ориентир, в качестве которого выбрала светящуюся точку кафе. Не хватало еще потом разыскивать место, где разделась и вещи свои.

Услышав приближающиеся всплески, я поняла, что Алессандро возвращается с глубины и плывет прямо на меня. Немного отплыла в сторону, но недостаточно оперативно. Он коснулся меня рукой и резко остановился. Я чувствовала его рядом, очень близко от себя. Так близко, что слышала его дыхание, прерывистое после долгого плавания. Улавливала вибрацию воды от его движений руками и ногами. Поняла, что возбуждаюсь от мысли, что он чувствует то же. Да что это со мной? Видно, длительное воздержание плохо сказывается на моем организме, раз даже неприятный тип способен вызвать возбуждение.

— Рад, что ты передумала, — произнес он.

Тяжело становилось удерживаться на плаву в вертикальном положении, а откидываться на спину я не рискнула. Боялась, что в свете луны он сможет разглядеть меня. Поэтому направилась к берегу, пока не коснулась дна. С твердой опорой под ногами почувствовала себя увереннее.

Алессандро последовал моему примеру. На этот раз он остановился почти вплотную ко мне. Его лицо было так близко, что я различала блеск в глазах и чувствовала его дыхание на своем лице. Захотелось протянуть руку и дотронуться до него. Я еле совлада с собой, чтобы не поддаться внезапному порыву. Догадывалась, что он только этого и ждет, оставаясь верным данному слову. Не дождется! Для ночного купания более чем достаточно.

— Я выхожу, — с этими словами я направилась к берегу, вылавливая ориентир.

Чуть не порвала топ и брюки — с такой скоростью старалась натянуть их на влажное тело. Порадовалась, что прихватила с собой пиджак, потому что мгновенно покрылась мурашками, то ли от легкого ветерка, то ли от нежеланного возбуждения.

Слышала, как рядом одевается Алессандро, и радовалась, что не могу его видеть. Не доверяла своей реакции, с тех пор как тело повело себя предательски.

Веселье в кафе шло в полном разгаре. Музыка звучала громче, слышался многоголосый смех. Какая-то дамочка визгливо что-то выкрикивала. Я порадовалась, что вовремя ушла. Иначе чувствовать мне чужой себя не празднике, потому что веселиться не было никакого желания.

— Ну, я пошла... — деловито сообщила я.

— И как ты собираешься это делать?

— Что именно? — решила уточнить я.

— Добираться домой?

Я задумалась. Пути у меня было два: идти вдоль берега, а потом взбираться на свой утес, рискуя свернуть шею, либо вернуться в кафе, выйти из него с другой стороны в город и оттуда домой. Оба варианта казались неприемлемыми. Как же я раньше об этом не подумала?

— Пойдем ко мне, — предложил Алессандро. — Выпьешь чаю или кофе для согрева, а потом я провожу тебя до дома.

Как не хотелось идти к нему домой, но не признать, что этот вариант самый удачный, я не могла. И шею не сломаю и нежелательных контактов и любопытства можно избежать. Оставалось надеяться, что из всех бед Алессандро — наименьшая.

За несколько минут, что шли вдоль моря, а потом по прохладному песку к знакомой веранде, я успела изрядно продрогнуть. Пиджак промок сзади, под волосами, и неприятно

холодил кожу. Легкий ветерок мне казался ледяным тайфуном.

В саду, возле дома Алессандро, ветра не было. Он прятался в густой листве, вызывая ее недовольство, изливающееся громким шелестом. Я думала, мне предложат посидеть на веранде и уже размышляла, смогу ли согреться в безветренном месте, но на воздухе. Но освещенную по периметру веранду Алессандро пересек быстрым шагом, делая мне знак следовать за ним. Из пустынного, погруженного в полумрак двора Алессандро свернул направо, открыл дверь в одну из комнат-альковов и пропустил меня вперед, а сам бросил короткое распоряжение в селектор, как догадалась я по характерному шипению. Тут же материализовался слуга, неся в руках толстый плед. Алессандро забрал его у слуги, что-то коротко велел спокойным голосом. Затем подошел ко мне и, не принимая возражений, закутал меня в теплую мягкую ткань.

— Мне нечего предложить тебе из одежды, а так ты быстрее согреешься, — произнес он, удерживая руки на моих плечах. Даже через толстую ткань я чувствовала жар его ладоней. Надо же! Похоже, он совершенно не замерз, хоть на нем одежда тоже мокрая местами.

Алессандро, продолжая обнимать меня за плечи, подвел к огромному кожаному креслу возле камина, в котором слуга торопливо разводил огонь.

— Садись и грейся. — Он опустил меня в кресло, как спеленатого младенца или связанного по рукам и ногам пленника. Сама не знала, кем себя ощущала в данный момент. С одной стороны, хотелось ни о чем не думать и слепо следовать его указаниям. С другой — интуиция подсказывала, что такое покорное поведение может навредить мне. — Я вернусь через минуту...

Слуга удалился, когда в камине весело заплясал огонь. У меня появилась возможность рассмотреть небольшую комнату, пока не вернулся Алессандро. Скорее всего, это что-то среднее между библиотекой и кабинетом. Высокие стеллажи вдоль стен, заполненные книгами, намекали на первое, а массивный письменный стол в углу комнаты, с аккуратными стопками бумаг на нем, письменными принадлежностями и современной лампой на гибком стволе делали комнату боле похожей на кабинет. Довершал картину уголок возле камина, где я сейчас и грелась, рассматривая пушистый ковер под ногами, на котором мелькали отблески пламени. Идеальное место, чтобы расслабиться и ни о чем не думать или наоборот погрузиться в размышления.

Вернулся слуга и быстро, не глядя на меня, сервировал столик, дополняющий ансамбль из кресел, камина и ковра. Вот это скорость у них тут! И они явно приучены не выказывать любопытство. За все время, пока крутился в комнате, слуга ни разу не посмотрел на меня. Видно, особы женского пола — частые гости в этом доме, раз даже прислуге они уже неинтересны. Некстати вспомнилась Орнелла с ее надутыми влажно-блестящими губками. Сразу стало неуютно, и я заерзала в кресле, принимая более удобное положение и плотнее кутаясь в плед. Чем-то она меня бесила, это однозначно. Ну не могла же я тупо завидовать ее красоте? Или могла?..

Додумать мысль не успела — вернулся Алессандро. В бежевых брюках, темно-синей рубашке, расстегнутой на груди, с гладко зачесанными назад влажными волосами он выглядел бы неотразимым, если бы не традиционно бесцеремонный взгляд светлых глаз с притаившейся усмешкой в уголках. Рядом с ним я почувствовала себя пугалом огородным — мокрая, растрепанная, в коконе из пледа. В досаде отвернулась к камину, лишь бы не видеть подобное совершенство. Представляю, что он сейчас думает обо мне. Наверное,

обхохатывается в глубине души.

— Согрелась? — спросил Алессандро, удобно устраиваясь в соседнем кресле и вытягивая ноги, обутое в удобные мокасины, к огню.

— Почти, — буркнула я, понимая, что веду себя глупо.

То ли камин так согревал, то ли раздражение опаляло меня изнутри, но мне стало жарко, и я скинула плед с плеч, чувствуя, как пахнет соленой влагой моя одежда. Резко захотелось домой и в душ, вместо того, чтобы сидеть тут и терпеть общество невыносимого Алессандро, который не переставал рассматривать меня, как музейный экспонат. Вот обсохну как следует и сразу домой, ни минутой дольше не задержусь в этом доме.

Алессандро принялся хозяйничать. Он разлил в рюмки тягучую жидкость из пузатого графинчика и протянул одну мне со словами:

— Выпей, это очень полезно и вкусно.

— А что это? — Я взяла рюмку, с подозрением рассматривая содержимое желтого цвета сквозь хрустальные грани.

— Лимончелла из лимонов Сорренто, с побережья Амальфи. Ни разу не пробовала?

— Не доводилось, — огрызнулась я, пробуя холодный и очень сладкий напиток.

Вкус мне понравился, как лимонад, только очень густой. Я выпила все, что было в рюмке, и поставила пустую ее на столик. Алессандро с улыбкой наблюдал за мной. Я это чувствовала, хоть и не видела, предпочитая любоваться пляшущими языками пламени.

— Понравилось? Хочешь еще? — уточнил он.

Внутри меня разливалось приятное тепло. Оно распространялось по всему телу, делая его легким, а мысли пушистыми, как ковер под ногами. Хотелось почувствовать еще большую легкость.

— Можно, — согласилась я.

Не удержалась и взглянула на Алессандро. Я была права — он улыбается. Глаз его я не видела, в данный момент объектом его наблюдения был графин, из которого он наполнял мою рюмку.

Лимончелла придала мне смелости, и я не отвела взгляда, когда он протягивал мне рюмку. Все-таки странный он... Вроде насмехается и одновременно как-то слишком пристально меня разглядывает. И каждый раз мне становится очень неуютно от такого внимания.

Зачем он вообще со мной возиться? Дань вежливости? Ну, да... А как же иначе? Я же у них в гостях, на этом острове. Кроме того, ему, наверное, скучно, вот и выбрал объект для развлечения. По сравнению с его Орнеллой, я больше похожа на рыжего клоуна. Чем не потеха?

Почувствовав прилив внезапной досады, я и вторую рюмку осушила до дна. Огонь в камине уютно потрескивал. Голова кружилась все сильнее. Алессандро молчал. Под его гипнотическим взглядом мои глаза начали слипаться. Сработала еще и привычка ложиться спать рано. На острове жизнь текла по-другому, совсем не так, как дома. Здесь с наступлением сумерек в моей душе устанавливалось равновесие, которое ночное бодрствование рисковало разрушить. Как правило, около одиннадцати я отправлялась в постель. А сейчас уже точно перевалило за полночь.

— Мне нужно домой, — сказала я и поняла, что язык меня плохо случается.

— Вижу...

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Я посмотрела на Алессандро через призму опьянения. Сейчас был один из тех редких моментов, когда его взгляд утрачивал насмешку, превращаясь в очень серьезный. Скорее всего, он думал о чем-то отвлеченном, не имеющем ко мне отношения, и разглядывал меня машинально. Это как смотреть на предмет и не видеть, представляя себе что-то другое, о чем думаешь.

Я должна найти в себе силы встать. Тело слушалось с трудом, движения получались вялыми, и спать хотелось все сильнее. Я сделала попытку приподняться, но тут же повалилась обратно в кресло. Не заметила, как Алессандро встал со своего кресла, а в следующий момент он уже тянул меня за руку. Плед упал на пол, и я машинально дернулась, чтобы подхватить его. От резкого движения меня повело в сторону. Я бы точно упала, не обхвати меня Алессандро вовремя за талию.

Я видела его глаза совсем рядом. Такие серьезные и... притягательные. Чувствовала его дыхание на своем лице. Легкое и прерывистое. Его руки крепко прижимали меня к себе. Даже несмотря на опьянение, я каждой клеточкой ощущала его тело, упругое и горячее. В поле зрения попали его губы, и я уже не могла смотреть ни на что другое. Жесткие, со складками в уголках, лишенные сострадания, но... такие манящие. Одна мысль осталась в голове, вытеснив все остальные, «поцелуй меня». Она билась, словно кипящая вода в закрытом сосуде, стремясь разорвать его стенки.

Медленно, мучительно долго он приближался ко мне. Теперь его лицо находилось так близко, что картинка размывалась, я не видела его четко. Только чувствовала запах — волнующий, с примесью дорогого парфюма. Глаза сами закрылись, а губы потянулись к его.

— Ты можешь заночевать у меня, — окатило меня в следующий момент, как ледяным душем. — Мне кажется, у тебя не хватит сил, чтобы дойти до дому.

Я открыла глаза и уставилась в его насмешливые. Он продолжал меня обнимать, но даже не собирался предпринимать попытку поцеловать. Получается, пьяное сознание сыграло со мной злую шутку? Я нафантазировала себе невесть что? Да уж... Еще один пункт в статье моего позора.

С великим трудом я высвободилась из его объятий. Не потому, что Алессандро держал меня слишком крепко, а потому что ноги и руки плохо слушались.

— Я в порядке, — стараясь говорить спокойно, чтобы не выказать всю степень разочарования и обиды, проговорила я. — До дома дойду.

— Как знаешь, — пожал он плечами. — Пошли, провожу тебя...

Он первый направился к выходу. Я поплелась следом, чувствуя глубокое неудовлетворение и ругая себя за самонадеянность. Нафантазировала себе не весть что, а он и в помине не испытывает ничего подобного. Да после Орнеллы, на такую, как ты, он даже смотреть не станет. А тебе-то это нужно?! Нет, конечно. И недавний всплеск эмоций был вызван исключительно алкоголем и его действием на твой организм, а не влечением. Чего-чего, а этого уж точно нет. Алессандро не мой принц, как и я — не его принцесса.

Всю обратную дорогу я боролась с сонливостью. На тропинке, ведущей к дому, Алессандро приходилось в буквальном смысле тащить меня за собой. Он крепко держал меня за руку. Если бы выпустил, я бы, наверное, кубарем скатилась вниз.

Оказавшись на плато, первое время и я, и он старались отдышаться. В темноте я не видела его лица. Вдруг стало так смешно. Весь сегодняшний вечер показался комедией, разыгранной специально для меня. Нервная система дала сбой, и я громко рассмеялась. Смеялась долго, пока из глаз не покатались слезы. Только пьяной истерики мне сейчас и не

хватает. Зачем только пила эту лимончеллу?

Алессандро резко притянул меня к себе. В следующее мгновение его губы накрыли мои, без предупреждения, с грубым натиском. Он силой заставил меня ответить на поцелуй, хоть мог бы и не прибегать к столь решительным мерам. Я бы и сама с удовольствием ответила, чтобы удовлетворить пылающий внутри огонь. Он целовал меня долго, крепко прижимая к себе. Я плавилась в его горячих руках, полностью лишившись способности соображать.

Поцелуй оборвался так же резко, как и начался. Какое-то время Алессандро молча удерживал меня в объятьях, а потом выпустил. Я чуть не упала, потеряв опору, чувствуя головокружение. Хорошо, что удержалась, и он в темноте этого не видел.

— Ты мне должна день, не забыла? — спросил он, и голос его прозвучал хрипло.

— Помню, — едва смогла вымолвить я. Меня голосовые связки и вовсе отказывались слушать.

— Скоро я попрошу тебя об этом.

— Ладно, — только и смогла ответить.

Почти сразу он ушел, так и не сказав больше ничего. Я зашла в дом и, не раздеваясь, завалилась спать. Сил не было даже подумать о чем-то, не то, что сделать.

Глава 16. Наваждение

Когда вернулась Олеся, я не слышала. Скорее всего, дома она не ночевала. И сейчас грохотала, как слон в посудной лавке. От шума я и проснулась. Посмотрела на часы — половина седьмого... Моя бесцеремонная подруга не заботилась о спокойствии окружающих, в частности моем. Она громко напевала, что-то передвигала, роняла на пол какие-то большие предметы и тогда принималась ругаться. Каждый звук отдавался болью в моей голове. Спасибо лимончелле, которая вчера была явно лишней. Хотелось зарыться головой в подушку и спать до обеда. Но в таком шуме я даже глаза закрытыми держать не могла.

После получасовых мучений я заставила себя встать и пройти на кухню. Именно там хозяйничала Олеся — бодренькая, как будто это я, а не она веселилась полночи.

— Привет! — засияла она, стоило мне появиться. — Я решила приготовить завтрак в честь своего отъезда.

Она стояла возле плиты и, судя по запаху, пекла блинчики. На кухне царил беспорядок, повсюду властвовала мука, укрывая белым облаком разделочные поверхности. Создавалось впечатление, что Олеся готовит пироги, не блинчики, как минимум на торжественный прием, а как максимум на пышную свадьбу.

— Сейчас закончу и будем завтракать, сообщила она, переворачивая очередной дырчатый шедевр.

Несмотря на аппетитные запахи, есть мне не хотелось, а вот от чая не отказалась бы. Выбрав самую большую чашку из имеющихся, я пристроила ее на свободном пятчке и принялась ждать, когда закипит чайник. Голова раскалывалась, и общее состояние было дерьмовой некуда.

Интересно, почему с похмелья человек испытывает чувство стыда? Вроде ничего особенного не произошло, ничего постыдного я вчера не совершила, а состояние такое, как будто опозорилась на всю Лампедузу. Хочется спрятаться ото всех и сидеть до вечера, не показывая носа. Наверное, это своеобразная месть организма за нанесенный ему вред чрезмерными возлияниями. Такой тонкий ход, мол, одного физического недомогания слишком мало, получай еще и моральное, чтоб впредь неповадно было травить меня.

Руки дрожали, когда наливала себе чай, и во всем теле чувствовалась предательская слабость. С трудом удерживая чашку, я переместилась к столу и с жадностью сделала несколько глотков обжигающего напитка.

— Эээ, да ты напилась что ли вчера? — спросила Олеся, внимательно разглядывая меня. — Когда успела-то? Вроде ушла совсем рано?..

Как ни не хотелось мне рассказывать о событиях вчерашнего вечера, придумывать что-то сходу оказалось еще сложнее. Пришлось поведать о долгом сидении на берегу и о походе в гости к Алессандро. О ночном купании и поцелуе, естественно, промолчала, не хотелось, чтобы Олеся принялась муссировать эту тему.

— Все с тобой ясно, — рассмеялась подруга. — Лимончеллы вкусила, значит? Ну, да... это коварный напиток. Он только на вкус безобидный, а в голову ударяет конкретно.

Я поняла, что Олеся пробовала его раньше, но развивать эту тему не стала. О спиртном в данный момент даже думать противно было, не то, что говорить.

— Когда самолет? — решила сменить я тему.

— Времени еще вагон, — заверила меня подруга, ставя на стол тарелку с блинами и наливая себе кофе. — Серхио зайдет за мной в двенадцать. А рейс что-то около двух, по моему. Я еще даже вещи не собирала. Сейчас позавтракаю и займусь...

Она с аппетитом уплетала блины, запивая черным кофе, и не скрывала своего счастья. Какой же убогой чувствовала я себя в данный момент, находясь рядом с ней! Жалкая, несчастная алкоголичка с трясущимися руками и помятым лицом.

— Я надеюсь, Алессандро не даст тебе тут скучать, пока меня не будет, — с набитым ртом прошепелявила Олеся.

— Нужна я ему больно, — не удержалась и прокомментировала я. Сразу же пожалела, потому что прозвучало это, как неверие в желаемое.

— Ну, ты и дальше программируй себя на неудачи, тогда точно станешь никому не нужной, — кивнула Олеся, с раздражением глядя на меня. — Я, конечно, догадывалась, что ты зануда, но чтобы до такой степени!.. Как, по-твоему, зачем он поперся вчера за тобой, а потом еще и к себе домой затащил?

Чтобы поиздеваться в очередной раз, зачем же еще. Но вслух я этого не сказала, ограничилась пожатием плечами. На Олеся я тоже старалась не смотреть, ее прокурорский взгляд выбешивал. Голова разболелась еще сильнее. От боли меня начало подташнивать.

— У такого, как Алессандро, есть все. В женщинах он тоже недостатка не испытывает, как ты понимаешь. С его-то внешностью... Не пойму твоего упрямства, как ты старательно закрываешь глаза на очевидное, что нравишься ему.

Развлечений ему не хватает! Ты права — зажратый он и с жиру бесится. Скучно ему стало, вот и придумывает, как бы развеяться. А тут я подвернулась, которая его забавляет непонятно чем. Вот он и отрывается. Но какой смысл втолковывать все это Олесе, которая вбила себе в голову то, чего и в помине нет.

Я допила чай и поднялась из-за стола. На перепалку у меня не было ни сил, ни желания. Больше всего хотелось оказаться в горизонтальном положении и ни о чем не думать.

— Пойду полежу, — только и сказала я. — Справишься без меня?

— Иди уже, — махнула рукой Олеся. — Без сопливых солнце светит!

Вспомнив, что так и не смыла морскую соль после ночного купания, я заставила себя отправиться в душ. Горячие струи частично смыли негатив, но головная боль продолжала свирепствовать. Жутко хотелось спать, и после душа я отправилась прямоком в постель. Устроив голову на подушке так, чтобы не пульсировала, я моментально уснула.

Воистину сон лечит! Проснулась я в одиннадцать, совершенно здоровая. От утреннего похмелья не осталось и следа. В доме еще держался запах блинов, и я почувствовала волчий аппетит. Прошла на кухню, где царил идеальный порядок, как будто это в моем сне Олеся занималась стряпней. Налила себе кофе, свернула в трубочку блин и отправилась на поиски подруги. Неестественная тишина напрягала. Неужели она уже уехала, даже не попрощавшись?

Олеся сидела в зале на диване и читала журнал. Возле ее ног стоял чемодан, а рядом лежала дамская сумка и соломенная шляпа. Сама она в белых брюках и красном топе выглядела неотразимой и готовой к путешествию.

— Выздоровела? — вместо приветствия уточнила подруга при моем появлении.

— Типа того, — ответила я, опускаясь рядом с ней на диван. — Вкусно, — кивнула я на блин.

— Рада, что смогла угодить, — без тени улыбки ответила она, а потом повернулась ко мне всем корпусом и серьезно продолжила: — Слушай, я за тебя переживаю... Ты точно справишься тут без меня? Все-таки четыре дня это не несколько часов. У тебя все будет в порядке?

Ну вот! Только этого мне не хватает, чтобы она волновалась обо мне, как о малом ребенке.

— Конечно, справлюсь. Не переживай, — поспешила заверить я, чувствуя угрызения совести, что своим поведением отравляю ее счастье. — Всего-то четыре дня...

— Ты, если что, не геройствуй, сразу обращай за помощью к Алессандро. Ладно? — немного расслабилась она. — Не хочу, чтобы с тобой что-то случилось в мое отсутствие. Ок?

— Договорились, — улыбнулась я, стараясь выглядеть бодрой. — И привези мне что-нибудь из Флоренции.

— Обязательно!

Олеся обняла меня, а я чуть не разрыдалась. Еле сдержала себя, так стало грустно. Я не хотела, чтобы она уезжала, не хотела оставаться одна на чужом острове. Но и мешать ей тоже не имела права. Главное не подавать вида, как мне плохо. Иначе она точно никуда не поедет.

Ровно в двенадцать пришел Серхио. Он выглядел еще счастливее Олеси, весь светился от предстоящего путешествия. Повесив спортивную сумку себе за спину, он подхватил Олесин чемодан так легко, словно тот ничего не весил. Мы еще раз обнялись с подругой, посидели на дорожку по русскому обычаю, и они ушли.

Какое-то время, когда за ними закрылась дверь, я стояла посреди зала и прислушивалась к тишине, борясь со слезами. Почему мне так грустно? Четыре дня тишины... В этом есть даже своеобразное очарование. Делай, что хочешь. Не нужно строить планы или корректировать их, подстраиваясь под кого-то. Спи, гуляй, читай, мечтай о чем-нибудь... Сплошные плюсы. Только отчего же тогда непонятная тоска грызет душу?

Взгляд упал на мой портрет. Я подошла к комоду и взяла фотографию в тяжелой рамке. Долго всматривалась в изображение, пытаюсь вспомнить, какие чувства испытывала тогда, когда фотографировалась? Со зрением стало твориться что-то странное. Видно от напряжения картинка стала тускнеть и расплываться. Я потеряла глаза, пытаюсь вернуть ясность, поморгала для верности, но ничего не изменилось. Моя фотография становилась все более прозрачной и нечеткой. Словно кто-то размывал контуры у меня на глазах. Она постепенно преображалась, ее место занимало другое изображение, более старое, похожее на рисунок деда, что я нашла в книге, но выполненный рукой настоящего мастера. Я видела себя и не себя одновременно.

Мне вдруг стало так страшно, что я вернула фотографию на место и отвернулась от комода. Какое-то время стояла, не двигаясь, боясь повернуться в ту сторону. Потом все-таки решилась. Портрет выглядел, как обычно. Ничто не намекало на недавние галлюцинации.

И как это называется? С ума я что ли схожу? Какое-то время я продолжала смотреть на изображение, но ничего не происходило. Неуверенно протянула руку и снова взяла рамку. Почему она такая тяжелая? Я взвесила ее в руках, примерно прикидывая, на сколько она тянет. С полкило, не меньше. Не из золота же она сделана? Благородный металл, по любому, не может выглядеть так аляписто и безвкусно. Я посмотрела на торец — слишком толстый. Решение пришло само. Крепко удерживая портрет, я прошла на кухню, достала нож и подсунула его в единственный шов, разделяющий портрет пополам. Кончик ножа плавно

погрузился внутрь, отделяя половинки друг от друга. Я прошлась вдоль всего периметра, пока верхняя часть портрета спокойно не отделилась от нижней. Моя фотография, значительно похудев, зажила собственной жизнью. То, что я увидела в углублении оставшейся части, заставило меня какое-то время не верить собственным глазам. Задняя часть портрета служила хранилищем для иконы, на которой была изображена я. Вернее, это была та женщина с рисунка, удивительно похожая на меня.

Я аккуратно достала икону, испытывая священный трепет. Золотая рамка (в том, что она из золота я даже не сомневалась) поражала искусностью работы. Сама по себе она являлась ювелирным изделием высокого мастерства. Я не разбираюсь в живописи, но в тот момент не сомневалась, что и сама икона тоже выполнена талантливо. Клейма мастера я нигде не нашла. Какое-то время любовалась образом рыжеволосой девушки, удивительно похожей на меня, с которой я себя упорно не ассоциировала. Лицо было такое же, а вот прическа... у нее она состояла из спиралевидных локонов, красиво струящихся вдоль лица. А еще поражали глаза — они пронзительно смотрели на меня, словно действительно могли видеть. Они казались живыми.

Почувствовав, как икона нагревается в моих руках, я испугалась и вернула ее на место. Происходящее казалось сном, но очень приятным. На душе было удивительно спокойно, словно я, наконец, сделала то, чего от меня долгое время ждали. Осталось выяснить, кто стоит за всем этим. И что это за тайна такая, раз о ней никто не знает.

Решение приняла без труда, тем более что еще вчера запланировала звонок бабушке. Я быстро собралась и отправилась в город. Предварительно вернув икону на место и соединив снова половинки портрета. Уверенность росла, что не зря дед от всех ее прятал. И что-то мне подсказывало, что интерес русских братков как-то тоже связан с этой иконой.

В ближайшем книжном магазине я приобрела таксофонную карточку на международные звонки. Автоматов тут имелось множество, на каждом углу. Слышно было так, будто я звоню бабушке из соседнего дома.

— Как дела, Людочка? Как вы там устроились? — затараторила бабушка. — Почему раньше не позвонила?

В очередной раз мне стало стыдно. Вспомнила о бабушке, когда жареный петух клюнул.

— У меня все хорошо. Прости, бабуль, что раньше не позвонила. Впечатлений масса, вот и закрутилась... — оправдывалась я, ругая себя за невнимательность.

— Вас там никто не обижает? — зачем-то спросила бабушка, и я в очередной раз подумала, что знает она больше, чем говорит мне.

— Да пока нет. А что, должны?..

— Нет, конечно. Это я, дура старая, просто мелю языком своим.

Позадавав еще какое-то время дежурные вопросы, я решила спросить о главном:

— Бабуль, не знаешь ли ты некую Лизу? Была у нас такая родственница? Вроде как она еще известной певицей была...

На том проводе повисла непродолжительная пауза, а потом бабушка заговорила снова:

— Точно не скажу, но что-то такое припоминаю. Свекор покойный, как выпьет, любил рассказывать про таланты в своем роду. И про какую-то певицу он тоже говорил, только давно это было. Я уже и не помню как следует. Пил-то он знатно, и я больно не прислушивалась тогда. Мне тогда казалось, что заговаривается он по пьяни. Он все про святую какую-то толдычил, мол гордиться мы все должны, что была такая в роду. Может, про нее? Только вот имени я не помню. А может и он не знал... А почему ты спрашиваешь?

— Да просто я тут портрет нашла, женский, старинный. Девушка на нем чем-то похожа на меня. Вот я и подумала, может родственница?

Про историю в книге, да про то, что не потрет это, а икона, я решила промолчать. Сама даже не знаю почему. Возможно потому, что толком ничего не знала. Именно в тот момент я осознала, что меня окружает тайна, и связана она не только с иконой, но еще и со мной. Михаил знал ее, но рассказать не пожелал, а лишь намекнул в письме. Почему? Еще один вопрос, на который у меня нет ответа. Пока... Я вдруг поняла, что следует делать. Почему раньше эта мысль не приходила в голову? Нужно проверить каждый угол в доме, обыскать его тщательно. Возможно, есть еще подсказки.

— Бабуль, чуть не забыла, — спохватилась я, когда уже готова была отключиться, — ты не знаешь, откуда у Михаила моя фотография?

На том проводе повисла пауза. Я отчетливо ощутила, как заволновалась бабушка.

— Понимаешь... — заговорила она как-то очень грустно. — Давно это было. Написал он мне тогда и попросил прислать фото всех племянников и их детей. Сказал, что хочет посмотреть, какая у него родня. Не могла я отказать ему, потому что жалела... Заблудился он в жизни. Вот и выслала ваши карточки, — еще более грустно закончила она.

— А мне почему не рассказала?

— Дык, ты и не спрашивала...

Вот же хитрюга! И молчала, когда звонила ей в первый раз, еще в России.

Больше она ничего нового мне не рассказала. Да, собственно, я и не знала, о чем еще можно спросить. Бабушка взяла с меня обещание, что буду звонить чаще, и мы попрощались.

Жара стояла такая, что по пути домой я завернула в продуктовый магазин, больше из необходимости охладиться, чем купить продукты. Пить хотелось нестерпимо. Сейчас бы теплого чая... Можно с лимоном. Из напитков в ассортименте магазина был только лимонад в пузатом графине с манящими кубиками льда, которые мелодично ударялись о стеклянные стенки, когда продавец, по моей просьбе, наполнял бокал. Знала, что потеть начну еще сильнее, но терпеть жажду больше не могла. Припала к бокалу так, словно не пила несколько дней. Чуть не застонала от удовольствия, когда ледяная жидкость скользнула по пищеводу, охлаждая пожар внутри меня.

Чтобы не сгореть на обратном пути, я прикупила еще и мороженого — большой вафельный рожок со спиральным белоснежным наростом, который моментально начал таять под палящим солнцем. Мороженное плавилось быстрее, чем я успевала слизывать, текло по руке и капало на высушенную и растрескавшуюся землю. Преодолев подъем, к дому я не подходила, а практически подползала. Опять разболелась голова, и я начала опасаться, что получила солнечный удар, несмотря на кепку.

Сад встретил тенью и прохладой. Я вымыла руки и ополоснула лицо в небольшом фонтанчике, не заходя в дом. С удивлением поняла, что головная боль прошла, словно кто-то дотронулся до меня волшебной палочкой. Замечательный, уютный, родной сад! Когда я успела полюбить тебя всей душой? Ты принимаешь меня, как свою, словно только и ждешь, когда сможешь оказать услугу, облагодетельствовать. Я сидела в шезлонге и рассматривала крупные цветы, прячущиеся в сочной густой зелени. Вокруг меня такая красота, что глаза не устают любоваться. И ничто не в состоянии нарушить ее — ни палящее солнце, ни проливные дожди... Сад живет собственной жизнью, подчиняясь одному ему известным законам.

Я чувствовала, как успокаиваюсь, как перестаю ощущать себя всеми покинутой.

Хотелось закрыть глаза и ни о чем не думать, а просто наслаждаться установившейся в душе гармонией. Что я и сделала...

Море опять бушует. Но как-то странно... Не может же оно штормить только тут, на моем пляже. Так и есть. Везде дальше, слева, справа, оно спокойное, ровное, как поверхность зеркала. Передо мной же бурлит, как кипящая вода в огромном котле.

Отчего так тоскливо на душе, словно должно произойти что-то нехорошее, и море об этом предупреждает? И этот ветер... Он дует так, будто желает стереть меня и этот утес с лица земли.

Я не могу пошевелиться, оторвать взгляда от засасывающего омута. Какая-то сила толкает меня туда, в стихию. Волны холодным обручем охватывают ступни, погружая их в вязкий каменистый песок. Куда делась моя воля? Я даже не сопротивляюсь, равнодушно смотрю, как ноги все больше скрываются... Вода лижет платье, обжигает льдом бедра. Наверное, сейчас я исчезну, и никто не спасет меня. А потом все забудут, что я когда-то жила на этом свете. И даже мне нет до этого дела. Равнодушие, полная апатия...

Внезапно все начинает меняться. Волны отступают, словно отодвигаемые невидимой, но мощной рукой. Песок отпускает меня, выталкивая на поверхность. Как зачарованная я наблюдаю за стремительно утихающей стихией. Поверхность моря разглаживается, сливаясь с такими же ровными участками. И вот уже солнечные лучи скользят по ней, полируя до слепящего блеска.

Я поворачиваю голову и вижу себя, вернее ее. Она стоит рядом и улыбается. Столько ласки и тепла в ее взгляде, что по коже бегут приятные мурашки. Невольно улыбаюсь в ответ, чувствуя, как пальцы ее руки переплетаются с моими. Приятное тепло струиться от нее ко мне, согревая, успокаивая...

Глава 17. Приказ и похищение

Так получилось, что все то время, что планировала посвятить поискам чего-то полезного, способного пролить свет на окружающую меня тайну, я проспала. Сумерки укутывали сад, когда проснулась. В душе царило умиротворение, и чувствовала я себя почти счастливой. Можно было бы и сейчас начать исследовать дом, но не хотелось нарушать гармонию — такую редкую гостью в последнее время. Меня ведь никто не торопит, и времени еще предостаточно, чтобы попытаться во все разобраться. Поисками можно заняться и завтра.

Я решила сбегать на пляж, пока окончательно не стемнело, а потом нужно приготовить себе что-нибудь вкусненького на ужин.

Вечерняя прохлада еще не успела спуститься на Лампедузу. Я с наслаждением погрузилась в комфортную воду, смывая остатки тревоги. Плавала до ломоты в мышцах, пока окончательно не стемнело. Пирс, освещаемый фонарями, ярким пятном горел на приличном расстоянии от меня. Что-то далековато я заплыла на этот раз. Страшно не было, скорее природное благоразумие, а не чернеющее вокруг море, заставило возвращаться.

Приятная усталость давала о себе знать. Большую часть обратного пути мне пришлось проплыть на спине, чтобы не перегружать мышцы.

Алессандро я заметила, когда до пирса оставалась пара метров, и я перевернулась на живот, чтобы не сбиться с ориентира. Узнала его по манере стоять, засунув руки в карманы и выставив одну ногу вперед. Видеть его не очень хотелось, но не оставаться же в море, не дожидаться, когда он уйдет. И что-то мне подсказывало, что он не просто прогуливается, а специально искал меня. Интересно, зачем?

— Так и думал, что ты тут, когда не застал дома.

— Привет, — сказала я, выбираясь на пирс и закутываясь в большое махровое полотенце. Его реплику оставила без комментариев, хоть и покорибил недовольный тон. Уж перед ним я точно не обязана отчитываться, куда и когда хожу.

Алессандро не подвинулся, когда я брала полотенце. Продолжал стоять на краю пирса. Мне пришлось обогнуть его, с риском упасть в воду, и отойти на безопасное расстояние. Наглый, как все богачи! Возомнил себя царем вселенной, что все должны под него подстраиваться.

Он повернулся и равнодушно наблюдал, как я торопливо натягиваю сарафан на мокрый купальник. Под его пристальным взглядом получалось это неловко, очень некстати руки начали дрожать. Раздражало, что своим появлением он разрушил установившееся в моей душе спокойствие.

— Ты зачем пришел? — не выдержала я и спросила в лоб. И плевать, что вопрос прозвучал грубо. Я его сюда не приглашала.

— По делу...

Он тоже не церемонился. Разглядывал меня и не спешил переходить к делу. Каждый раз, при встрече с ним, я испытывала внутренне напряжение. Во мне словно что-то натягивалось и не отпускало, пока он не исчезал, не удалялся на приличное расстояние. Вот и сейчас я хотела, чтобы он поскорее ушел. Никакие его дела меня не интересуют. Жутко проголодалась и хочу домой!

— Ты должна кое-что сделать, — вновь заговорил Алессандро. При этом он сделал ударение на слове «должна» и смотрел на меня так, что по спине пробежал холодок нехороших предчувствий.

— А поконкретнее?..

Сбежать захотелось еще сильнее. Уж не хочет ли он потребовать вернуть долг. Честно говоря, за суетой в последнее время, я забыла, что обещала Алессандро провести с ним день. Сейчас вспомнила об этом и мне поплохело окончательно.

— Мне нужно, чтобы ты вернула капитана на шхуну.

— Что?

Я уже настроилась, лихорадочно придумывала отговорку, почему не смогу провести с ним время, хоть как-то оттянуть неприятную процедуру, а он заговорил совершенно о другом. В первый момент я даже не поняла, о чем. Когда до меня дошел смысл сказанного, опешила еще сильнее.

— Ты хочешь сказать, что мне нужно вернуть на корабль Карло Пуччини?!

— Именно!

— С какой это стати?

Возмущение нарастало со скоростью звука. Я уже чувствовала, как оно начинает клокотать во мне и готово излиться неизвестно во что.

— А вот это неважно, — спокойно ответил Алессандро.

Я больше не могла смотреть на его наглое лицо. Чувствовала, как пальцы сами сжимаются в кулаки. Отвернулась, чтобы он не прочитал в моих глазах, как же сильно я его сейчас ненавижу.

— Я не собираюсь никого и никуда возвращать, — не глядя на него, произнесла я. Чтобы хоть чем-то заняться, присела и нарочито медленно принялась застегивать сандалии. Пальцы противно дрожали. Не сразу удалось просунуть хлястик в крепление замка, а потом еще и нащупать дырочку, чтобы протиснуть в нее металлическую палочку.

Алессандро все это время молчал, терпеливо ждал, пока я сражалась сначала с одной, а потом со второй застежкой.

Я чувствовала, как кровь приливает к щекам, когда поднималась с корточек. И это было не из-за напряжения. Меня обуревали злость, желание наговорить ему столько грубостей, чтобы хватило на всю оставшуюся жизнь и трусость, которая мешала это сделать. Что он себе позволяет? Кто он такой вообще? И какое ему дело до мерзавца капитана?

— Ты вернешь Пуччини, — услышала я спокойный голос Алессандро, когда повесила полотенце на шею и направилась к дому.

Не дойдя до конца пирса, я резко затормозила и повернулась к нему. Ранее принятое решение не разговаривать с ним на эту тему и не обращать внимания на его властный тон, разлетелось, как фарфоровое блюдо от удара об асфальт. Одного взгляда на его спокойную физиономию стало достаточно, чтобы меня прорвало.

— Ты чего лезешь в мою жизнь?! Тебе какое дело?.. Хочу и увольняю! Я там хозяйка, а не ты! Пуччини — мерзавец, каких еще поискать! И я его уволила, понял? Он хам и тупица... — кричала я, путаясь в словах, плохо соображая, что несу. У меня всегда так — в минуты сильного волнения речь становится путанной. Трудно подобрать слова, чтобы яснее выразить мысль. Потом я осознаю, что можно было бы сказать так и так... Но в нужный момент все разумное вылетает из головы, словно не может находиться в одном месте с бьющими через край эмоциями.

Из всех желаний осталось единственное — оскорбить Алессандро и, как можно, сильнее. Я не заметила, как перешла на русский, видно эмоциональный накал ярости достиг такого состояния, что ограниченный запас английских слов не смог с ним справиться. Но это я поняла гораздо позже...

— Ты — зажратый урод, мешающий жить другим. Думаешь, имея деньги, все можно?! А хрен тебе! Ко мне не лезь, понял! Вокруг меня и без тебя уродов хватает. — И это далеко не все, что я ему сказала. Сама даже не ожидала, что знаю столько ругательных слов.

— Все сказала? — спокойно уточнил Алессандро, когда поток моей длинной речи иссяк. К тому времени я вся взмокла от злости и перенапряжения, хоть опять лезь в море. Он же, как ни в чем не бывало, приблизился ко мне, моментально остужая пыл ледяным взглядом. Ни разу до этого не видела в его глазах такого презрения и злости! Весь его вид кричал: «Ты бесполезная вошь, которая напрасно топчет эту землю. От тебя пользы, как от козла молока...»

Я попятилась от испуга и неожиданности. Но он и не собирался приближаться, лишь настолько, чтобы я могла хорошо видеть его лицо.

— С завтрашнего дня Карло Пуччини должен опять стать капитаном шхуны. Если не сделаешь этого, пожалеешь. Вернутся все твои проблемы, даже с прицепом. Поверь мне, ты и дня тут не выдержишь.

Несколько секунд он рассматривал меня своими льдинками, видно закрепляя эффект сказанного. Потом так же молча прошел мимо и удалился в сторону своего дома.

Я еще какое-то время смотрела в темноту, что поглотила Алессандро. Голова опустела, словно из нее вытрясли все мысли. В душе было настолько противно, что хотелось завывать в голос. Слезы непроизвольно выступили на глазах и заструились по щекам. Мне стало нестерпимо жаль себя. Почему я такая невезучая? Кто решил, что именно со мной можно так поступать? Каждый раз, когда я начинала чувствовать себя счастливой, случалось что-то, что отравляло мое существование. И что мне делать с этой безрадостной жизнью?

И этот человек целовал меня вчера! А я отвечала ему! Господи, что твориться вокруг меня?! Какие-то тайны, интриги... И Олеся уехала так не вовремя. Я тут совершенно одна, даже посоветоваться не с кем. За тысячи километров от дома, в чужой стране, без единого друга!

Мне стало так страшно на пустынном ночном пляже, что я поспешила домой. Аппетит пропал совершенно. Даже мутило от мысли о еде. Приняв душ, я налила себе большую чашку чая и пила ее маленькими глотками, стараясь ни о чем не думать. Но мысли упорно лезли в голову, одна безрадостней другой. Если я хочу спокойного существования, пока не дождусь Олеси, и мы не сможем уехать домой, нужно вернуть капитана на корабль. Плевать мне на принципы. Здоровье дороже. Не хочу я ни с кем и ни с чем сражаться. Хочу нормальной жизни, скучной, привычной, какая была у меня до поездки на Лампедузу.

Почувствовав, как успокаиваюсь, радостная, что приняла единственно правильное, я отправилась спать.

Чьи-то руки гладят мое тело, забираются под сорочку, касаются груди, живота... Настырные губы целуют лицо, но я сплю, а во сне не целуются. Мне неприятно, я не хочу этого. А губы уже целуют мое тело. Кто-то раздвигает мне ноги, и я чувствую какую-то тяжесть. Лежать становится неудобно, мне тяжело, душно. Не надо...

Я открыла глаза и с ужасом сообразила, что это вовсе не сон. Все происходит на самом деле. Кто-то пытается устроиться на мне с определенной целью.

Не раздумывая, я резко дернулась, работая руками и ногами, спихнула с себя помеху и откатилась к стенке. Испугаться сильно не успела, видно не проснулась еще до конца.

— Черт! Чего лягаешься? — услышала я знакомый голос. — Боль адская! — застонал говоривший, сидя на краю кровати и согнувшись в пояс.

— Марко?! Ты чего здесь делаешь?

Вот теперь я испугалась. Поняла, что это не сон, что Марко проник в дом и пытался меня изнасиловать.

Только хотела соскочить с кровати и бежать, куда глаза глядят, как он схватил меня за руку и повалил на кровать.

— Лежи тихо! — страшным голосом велел он, придавливая меня одной рукой. — Не дергайся.

— Марко, убери руки, отпусти меня! — закричала я, чувствуя, как паника затапливает до краев.

Какой там, лежи тихо! Когда он опять навалился на меня, я задержалась всем телом, пытаюсь его отпихнуть.

— Ты с ума сошел, — упиралась я в его плечи, отталкивая, в то время как его губы пытались накрыть мои. — Да, уйди ты от меня! Марко!

Он все-таки поймал мой рот и накрыл его своим — влажным и горячим. От омерзения меня чуть не вырвало. Когда снова смогла выскользнуть из-под его губ, торопливо заговорила:

— Марко, так нельзя. Давай поговорим. Дай мне хотя бы проснуться...

Я знала, что нужно говорить без остановки, чтобы отвлечь его. Иначе он добьется желаемого. Мои силы уже на исходе. Говорила все, что приходило в голову, лишь бы не молчать. Уловка сработала — Марко слез с меня, но по-прежнему продолжал удерживать в горизонтальном положении, придавливая одной рукой. Другой рукой он облокотился над подушкой и завис надо мной.

— Говори, — разрешил он. — Только все бесполезно. Ты ведьма, понимаешь? — Его глаза зло блеснули в темноте. — Как увидел тебя, помешался. Только портрет, у деда твоего. Рыжая стерва! И дед твой!.. Зачем притащил этот портрет? Ты у меня вот тут! — он с силой ударил себя кулаком в грудь. Я не успела воспользоваться моментом и откатиться, его рука опять с силой придавила мою грудь.

— Марко!..

— Заткнись и слушай! — прорычал он. — Ты вползла в мою душу и голову червями. Я больше не могу терпеть...

Я с ужасом осознала, что Марко одержим, что никакие слова на него не подействуют. Оставалось только бороться. Что я и сделала, когда он вновь навалился на меня и принялся целовать, одновременно пытаюсь стащить сорочку. Извивалась всем телом, пытаюсь оттолкнуть его, но чувствовала, как сил остается все меньше. Боролись в тишине. Говорить с ним я больше не пыталась, понимая, что бесполезно.

Дыхание со свистом вырывалось из груди Марко. Видно он тоже устал. В какой-то момент я почувствовала, что он ослабил натиск, а потом услышала:

— Сама виновата...

В следующее мгновение шею пронзила резкая боль. Голова закружилась, и я начала

проваливаться в беспамятство.

Голова болела нестерпимо. Тело затекло и не слушалось. Где это я? Похоже на какую-то пещеру. Я с трудом, крича по-старушечьи, села и огляделась. «Каменный мешок» с дыркой где-то вверху, откуда струился яркий свет. Как же мне захотелось туда! Родилось ощущение, что я никогда не выберусь, так и останусь гнить тут. Вот он свет, так близко, но рукой не дотянешься. Как звезда на небе — такая яркая и такая далекая.

Ничего, кроме меня, здесь больше не было. Я встала и прошлась по небольшому пространству, зачем-то трогая руками острые выступы стен. Машинально отметила, что стены сухие, как и пол. Надо же! Заботливая рука постелила что-то типа туристического коврика, чтобы мне мягче было лежать тут без сознания.

Марко сумасшедший! Я не сомневалась, что это именно он меня сюда притащил. А перед этим вырубил — шея до сих пор болела в месте удара. Зачем он это сделал? И долго ли собирается держать меня тут? Не станет же он меня насиловать? Или станет?

Страх почему-то не было. Соображала я с поразительной ясностью. Вряд ли нахожусь далеко от дома. Скорее всего, где-то поблизости, иначе он не дотащил бы меня. Хотя, какую-то часть пути мы могли проделать на лодке. Тогда мне предстоит долго добираться обратно.

Стоп! О чем это я? Для начала мне нужно выбраться из пещеры. И как я буду это делать, ума не прилагаю. Снова посмотрела на отверстие, через которое в пещеру пробивался такой желанный, как никогда ранее, свет. Так высоко! Глухая тоска медленно завладевала мной — даже если возмню себя скалолазом и начну карабкаться на стены, цепляясь за выступы, успеха вряд ли достигну. А вот шею могу свернуть запросто, свалившись с приличной высоты. Некоторые участки были совершенно гладкими и достаточно большими. Уцепиться там не за что. Да и не смогу я, раз никогда даже не пробовала.

Я вернулась на коврик и задумалась, во что превратилась моя жизнь. Что там говорил Марко? Вроде как он потерял покой, когда впервые увидел мой портрет у деда. Одержимость какая-то! Дикая, неконтролируемая, судя по его поведению... Никогда не думала, что могу внушать подобные чувства. Смешно, ей богу, и похоже на дешевый фарс. А может причина кроется совершенно в другом? И Марко нужна не я, а что-то принадлежащее мне? Это больше похоже на правду. В такое, хоть и с натяжкой, но поверить можно. Осталось выяснить, что ему от меня нужно. Только, вряд ли он захочет мне это рассказать. Если только... Если только я не обречена сгнить здесь заживо.

Сколько времени я лежала тут без сознания? Судя по свежести, струящейся через отверстие, еще раннее утро. Наверное, с визита Марко прошло часа три, не больше. Когда ждать его сюда? И главное, как вести себя с ним? Что я могу сказать или предложить ему, чтобы он оставил меня в покое?

Господи! Как же пить хочется! А еще я бы съела что-нибудь. Вчерашний визит Алессандро до такой степени испортил мне настроение, что я ничего не ела перед сном. И почему я такая невезучая? Все вокруг меня словно сговорились портить мне жизнь. Ну, что мне теперь делать? Алессандро осуществит свою угрозу, я даже не сомневалась, если не верну Карло Пуччини на корабль. А главное я не понимаю, зачем это ему нужно? Я вообще перестала понимать, что происходит вокруг меня. Зачем я только ввязалась во все это? Поехала на остров, вступила в наследство? Сидела бы сейчас дома, делала бы ремонт, как все нормальные люди в отпуске. Я же пустилась во все тяжкие. А все Олеся, втравила меня в авантюру, а сама занялась амурными делами, умотала со своим Серхио.

Так, Людмила, спокойно, без паники! Хорошо жалеть себя и сетовать на судьбу. Лучше подумай, как выкрутиться из неприятностей? Все дело в наследстве. Это факт. Сама по себе я никому не нужна, даже Марко, несмотря на его уверения. Ну, или он хочет совместить приятное с полезным. Что же такого я унаследовала? Чем все вокруг так интересуются? И почему дед составил именно такое завещание, что рыболовецкий бизнес, который и бизнесом можно назвать с натяжкой, должен продолжаться. Проще всего сейчас было бы продать шхуну. Таким образом и вопрос с восстановлением капитана в должности потерял бы актуальность.

А еще эта икона! Что за тайна кроется в прошлом? Как это связано с настоящим? Я так много думала о Лизе с того самого момента, как прочитала дедову историю, что невольно стала совмещать в голове себя с ее образом. Мне уже казалось, что я и она — одно целое.

Размышления прервал какой-то шорох наверху. По коже пробежал холодок ужаса. Если это Марко, то я так и не решила, как себя с ним вести. В следующее мгновение я различила голос Дарио и чуть не закричала от радости. Судя по интонации, он ругался по-итальянски, что меня совершенно не смущало. Даже если бы он сейчас обругал меня по-русски, я бы все равно обрадовалась ему, как единственному человеку, которому от меня ничего не нужно. По крайней мере, мне очень хотелось в это верить.

— Дарио! — не выдержала и закричала я, подбегая к отверстию и задирая голову. — Я здесь!

— Я сейчас... — ответил он, но сам не показался. Потом до моего слуха долетели очередные ругательства.

Что-то упало сверху прямо мне на голову. Не успею я увернуться, заработала бы шишку. Этим что-то оказалась веревочная лестница с металлическими ступеньками.

— Лезь наверх, — велел Дарио, и я различила его голову в бессменной бейсболке.

Не мешкая, я принялась карабкаться по раскачивающейся лестнице. Она все время перекашивалась, ноги соскальзывали с трубок, что служили ступенями. Они крутились вокруг своей оси, стоило ступить на них. Какой идиот только придумал такую конструкцию?! Или это я до такой степени ни к чему не приучена.

Когда до верха оставалось несколько ступеней, а я измучилась вконец и еле держалась за веревки, Дарио просто вытащил меня за руки, как тряпичную куклу.

— Дарио! — кинулась я ему на шею, с опозданием подумав, что на мне, кроме ночной сорочки, ничего нет. Видно Дарио заметил это гораздо раньше, потому что, коротко прижав меня, сразу же выпустил, стараясь смотреть в другую сторону.

Только тут я заметила, что одна нога у него вся в крови.

— Что случилось? — Вид крови, да еще и в таком количестве испугал меня.

— Ничего страшного, — отмахнулся он, — просто царапина?

Я наклонилась и увидела, что нога его распахана от колена до щиколотки. Рана выглядела ужасно, и из нее обильно сочилась кровь.

— Дарио! Это не царапина! — потрясенно произнесла я, вглядываясь в его побледневшее даже через загар лицо. — Тебе срочно нужно к врачу.

— Все в порядке. Пошли... — только и сказал он.

Я смотрела в спину сильно хромящего Дарио, как во сне наблюдала за капающей из раны кровью и чувствовала, как мне становится все хуже. От вида крови подташнивало, и голова периодически начинала кружиться. Я всерьез опасалась бухнуться в обморок и добавить своему раненному спасителю проблем. Благо пещера оказалась недалеко от дома, и

минут через пятнадцать я уже помогала Дарио усаживаться в саду. Он выглядел совсем плохо — лицо побледнело, а на лбу выступила испарина, и дышал он так, словно пробежал без остановки несколько километров.

— Дарио, тебе срочно нужно в больницу, — чуть не плача, сказала я, рассматривая рану и сама держась на ногах из последних сил.

— Нужно промыть и перебинтовать, — отрицательно мотнул он головой. — И так заживет.

Я поняла, что спорить с ним бесполезно. Кроме того, мне нужна была передышка, чтобы прошла тошнота. На кухне, пока ждала, когда закипит вода в чайнике, старалась дышать полной грудью. Через какое-то время почувствовала себя значительно лучше. Спасибо дому, опять он подействовал на меня целительным образом. Только думать об этом сейчас было некогда.

Я развела в тазу теплую воду, порвала простыню на тряпки и заспешила обратно в сад. Дарио сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку шезлонга, и по-прежнему тяжело дышал.

Аккуратно присев возле него, я намочила тряпку и принялась дрожащими руками вытирать кровь вокруг ужасающей рваной раны. Старалась не думать ни о чем, особенно о собственных страхах. Самое важное сейчас остановить кровь. Еще бы знать, как это делается.

В какой-то момент я заметила, что с моими руками творится что-то странное. Они как будто разогревались изнутри, становясь все горячее. Теплая вода, в которую я окунала тряпку, казалась ледяной. Когда она зашипела от очередного моего прикосновения, словно я опустила туда не руку, а раскаленное железо, я невольно вскрикнула. А руки уже не просто были горячими, а жгло, причиняя боль.

— Что это? — я с ужасом рассматривала свои дрожащие конечности.

— Поднеси к ране, — слабым голосом попросил Дарио.

Оказывается, он внимательно следил за мной, а я и не замечала, думала он без сознания.

— В смысле?

— Поднеси руки к ране, — повторил он. — Я тоже чувствую тепло, исходящее от них.

Я неуверенно протянула руку и приблизила ее к ране, не прикасаясь к ней. Тут же жар, который пылал внутри кисти, устремился наружу. Я почувствовала облегчение и, не задумываясь, присоединила вторую руку. Вот уже из обеих моих рук хлынул мощный поток тепла на ногу Дарио. Он оперся на локти и вместе со мной наблюдал, как кровь перестает сочиться, края раны затягиваются и исчезают на глазах. Когда не осталось и следа от жуткой царапины, мы недоуменно уставились друг на друга, потеряв на какое-то время дар речи.

— Что это было? — Первая с потрясением справилась я.

— Думаю, нам стоит серьезно поговорить, — ответил Дарио, вставая с шезлонга и направляясь в дом. — Только, я бы выпил что-нибудь...

Глава 18. Своевременная защита

Дарио терпеливо ждал за столом, пока я готовила коктейли. Все это время мы не разговаривали. Не знаю, о чем думал он, а я пыталась справиться с нешуточным потрясением. Перед лазами стояла картина затягивающейся раны. Даже сейчас кончики пальцев покалывало, словно в них еще осталась частица огня.

Я стала свидетелем невозможного. Мало того, приняла непосредственное участие в фантастическом фокусе. Не выдержала и в который раз посмотрела на свои руки. Самые обычные с виду, немного трясутся. Наверное, от слабости. Даже ложку и ту я удерживала с трудом. Поэтому все выходило медленно. Прошло не меньше пятнадцати минут, пока я приготовила напитки и присоединилась к Дарио. На какое-то время повисло напряженное молчание, не нарушаемое даже звяканьем посуды. Я собиралась с мыслями, не зная с чего начать. Периодически встречалась взглядом с черными глазами Дарио, но быстро отводила свой в сторону. Неизвестно почему, я испытывала неловкость, словно провинилась в чем-то перед ним. Станные и неприятные ощущения.

— Как ты меня нашел? — наконец, решила нарушить я молчание.

— Начать нужно не с этого, — туманно ответил Дарио.

— В каком смысле?

Почему он молчит и так странно на меня смотрит? Как будто не решается заговорить. Еще тайны?.. Не многовато ли их на меня одну. Я уже совершенно запуталась. Не знаю, что и о ком думать.

— С твоим дедом я познакомился не так давно, незадолго до его смерти, — решительно заговорил Дарио, — когда тот нанял меня для неофициального расследования.

— Ничего не поняла, — потрясла я головой. — Так ты не моряк?

— Я занимаюсь частным сыском.

Вот тебе раз! Частный детектив?

— Мы познакомились с ним случайно, — продолжал Дарио, не обращая внимания на мой удивленный вид. — На Лампедузу я приехал в отпуск. Люблю этот остров с его экзотикой. Михаил отбуксировал меня, когда катер, который я нанял для прогулки, сломался в открытом море. — Он улыбнулся, чем в очередной раз напомнил мне Челентано. — Так мы и познакомились.

Говорил Дарио медленно, и я с трудом сдерживалась, чтобы не перебивать его и не задавать вопросов, которые распирали голову. Чувствовала, что сейчас он расскажет мне что-то интересное, что прольет свет на тайну, которая окружала меня. Терпение, Люда, терпение. Это всегда было твоим достоинством — умение слушать.

— Потом мы с ним встретились в баре и разговаривали за кружкой пива. Дед твой хоть и старый был, но крепкий, — вновь улыбнулся он, и я поняла, что с моим дедом их связывали дружеские отношения. — Так получилось, что он рассказал мне свою историю, как уехал из дома, прихватив семейные сокровища. Не спрашивай, зачем он это сделал, — прервал он готовый сорваться с моих губ вопрос. — Об этом мы не говорили. Я не лезу в чужую жизнь и не задавал ему таких вопросов. Он тоже особо не распространялся. Эта тема ему была неприятна.

— О чем же он тебе рассказал? — не выдержала я и спросила, когда вновь повисла

пауза, и Дарио, видно, обдумывал, что скажет дальше.

— Я не делал секрета из своих занятий, — продолжал Дарио, не прерывая плавности повествования и пропуская мимо ушей мой наводящий вопрос. — Когда Михаил узнал, что я занимаюсь частными расследованиями, попросил меня разобраться в одном деле. — В этом месте он внимательно посмотрел на меня. Не известно почему, от его взгляда по спине пробежал холодок. — С сокровищами он вывез из России семейную реликвию, которую, как он подозревал, нельзя было вывозить...

— Икону? — снова перебила я.

— Значит, ты нашла ее, — удовлетворенно кивнул Дарио. — Михаил мне ее не показывал, только рассказал. Эту икону он продал одному коллекционеру за большие деньги, на которые и жил. Только счастья это ему не принесло. Через много лет он понял, что нельзя было продавать икону, но вернуть ее уже не было никакой возможности. Коллекционер к тому времени умер, наследство разделили между родственниками, а след иконы затерялся. У деда твоего жизнь не сложилась. Еще в молодости он потерял любимую жену с неродившимся ребенком. Подробности не рассказывал, знаю только, что она утонула в море. Как я понял, Михаил считал, что это икона ему мстит...

Вот как? Значит, дед был женат, и жена его умерла? Многословным Дарио не назовешь, но самое главное он рассказал. Но как же икона снова оказалась тут? Об этом я и спросила в следующий момент.

— А вот тут и начинается самое интересное. Икона словно сама нашла обратную дорогу. Михаил увидел ее у Марко, вернее тот сам ему ее показал.

— А как она попала к Марко?

Я запуталась. Думать мешали подозрения, которые копошились в голове, как мухи в навозе. Получается, Марко знает об иконе. Скорее всего, ему нужна не я, а она. Тогда к чему все эти спектакли с разыгрыванием страсти? И хоть мне он и даром не нужен, попытка использовать меня таким образом корбит, задевает самолюбие.

— Марко контрабандист. Вернее, он выполняет роль курьера — доставляет краденые произведения искусства, которые свозят сюда со всего мира.

— И ты так спокойно об этом говоришь? Почему же его до сих пор не арестовали?

— Думаю, потому что никто не хочет с этим связываться. — Дарио залпом отпил половину коктейля. Я смотрела на его крупную руку, в которой узкий бокал с оранжевой жидкостью казался игрушечным, и терпеливо ждала продолжения. Почему-то задавать наводящие вопросы мне резко перехотелось. — За Марко стоит мафия, одна из самых влиятельных на Сицилии, да и в Италии...

— Значит, дед украл у Марко икону, когда случайно увидел? — принялась рассуждать я. — Но тут и дураку понятно, кто это сделал. Получается, что Марко?..

Я потрясенно уставилась на Дарио. Догадка обожгла внезапно, и я почувствовала, как в душу заползает противный липкий страх.

— Этого я пока не знаю точно, — кивнул Дарио. — Не могу утверждать, что Михаила убили, хоть и умер он при довольно странных обстоятельствах. С одной стороны, он мог сорваться со скалы, в его-то возрасте. Но... что-то мне подсказывает, что это не так. Учитывая, что ему угрожали при жизни, смерть уже не выглядит такой невинной и случайной. Скорее всего, его убил именно Марко.

Я вздрогнула. И этот убийца все время крутится рядом?!

— А для чего именно тебя нанял дед? — осенило меня.

Вряд ли он настолько опасался за свою жизнь, что Дарио ему понадобился в качестве телохранителя. Да и это не совсем его профиль — частного детектива. И вообще дед мне представлялся эдаким нестигаемым стариком, которого трудно запугать.

— Он хотел, чтобы я проследил их, вернее Марко, маршрут с момента прибытия на остров и до хозяина. Я думаю, что таким образом он задумал обезопасить тебя, потому что к тому времени составил завещание. Но не успел... Кстати, та пещера используется именно для контрабанды. Туда стгружают товар, который Марко потом забирает и доставляет дону Колаяни, на Сицилию...

Стоп! Колаяни, Колаяни... Где я уже слышала эту фамилию? Память услужливо подкинула картинку с довольной Олесей на носу шхуны, когда она общалась с Алессандро, в то время как я боролась с морской болезнью. Алессандро Колаяни! Точно!

— Дарио, — перебила я, — а Алессандро не родственник того Колаяни?

— И довольно близкий. Он сын дона.

Поражаюсь его спокойствию! У меня внутри уже все клокотало, готовое излиться наружу, на невинную голову. А он смотрит так умиротворенно, как будто рассказывает мне сказку на ночь.

— Вот сволочь! — кулак непроизвольно опустился на стол. Я вскочила и принялась мерить кухню шагами. Дарио даже позы не поменял, следя за мной внимательным взглядом. — Сволочь! Так он сын мафиози! — Не заметила, как перешла на русский. — Дончик, значит! Папочкин сынок! Такой же урод, как они все... Дерьмо!

Я продолжала выкрикивать ругательства, пока не иссяк их запас. Запоздало порадовалась, что Дарио не понимал смысл той грязи, что извергал мой рот. Хотя, думаю, по выражению моего лица не трудно было догадаться.

Стыд завладел мной окончательно, когда я заметила недоумение с примесью осуждения в глазах Дарио. Конечно, что еще он может подумать? Взрываюсь, как форменная истеричка. Постаралась взять себя в руки, опустилась на стул, чувствуя, как горят щеки.

— Слушай, получается, что Алессандро тоже завязан во все это?

— Не думаю... — Дарио откинулся на спинку стула, не переставая внимательно меня разглядывать. — У него свой бизнес, и живет он в Америке. Сюда приезжает только летом, отдохнуть.

— Значит, он оказывает мелкие услуги своему папаше мафиозику. А иначе, как объяснить то, что он потребовал восстановить капитана в должности?

— Вот как? — Дарио удивленно поднял брови. — А это интересно. И подтверждает мои подозрения, что корабль они используют в своих целях. Собственно, чтобы узнать это, я и устроился туда матросом после смерти твоего деда. Скорее всего, именно на твоём судне они и переправляют товар на Сицилию.

— Сволочи! — опять не выдержала и выругалась я по-русски.

Ситуация немного прояснилась. По крайней мере, в части Алессандро. Видимо он по просьбе отца приказал мне вернуть капитана. Легче от этого не становилось. У меня было такое ощущение, что потеряла последнего друга, хотя никогда не считала Алессандро таковым. Откуда-то появилась гадливость, и душу затопила тоска. Сильнее обычного захотелось бросить все и уехать домой, туда, где спокойно и привычно, нет мафии с их контрабандой. Если деда убили, то и мне грозит опасность. Страх накатиł волной. Я увидела себя, расprostертой на камнях под скалой, как до этого представляла деда.

— Что мне делать теперь? — Я смотрела на Дарио, чувствуя, как глаза наполняются

слезами. — Марко ведь вернется, он не оставит меня в покое.

— Икону отдавать им нельзя. — В голосе Дарио звучала уверенность, что немного ободряло, словно он уже наметил план действий. — Насчет Марко не волнуйся. Я останусь с тобой. При мне он не рискнет сюда сунуться.

— Я еще вчера планировала обшарить дом. Вдруг найду что-то, что прояснит ситуацию. Можно заняться этим прямо сейчас, — предложила я, немного успокоившись. Слезы высохли, так и не успев пролиться. — Кстати, ты так и не рассказал, как нашел меня?

— Тут все просто, — улыбнулся Дарио. — Я видел, как Марко покидал пещеру, правда случайно. Недалеко от того места причаливает их корабль с контрабандой. Я ждал его, а увидел Марко.

А если бы не увидел? Что бы тогда стало со мной? Видимо страх отпечатался на моем лице, потому что в следующий момент Дарио произнес:

— Не думай об этом. Я бы все равно нашел тебя.

Сказал он это так уверенно, что я сразу поверила. Почему-то степень доверия к Дарио все возрастала, хотя, по сути, его я тоже практически не знаю. Но рядом с ним мне было спокойно.

— Пойдем куда-нибудь, поедим, — предложил Дарио, — а потом займемся поисками. Я ужасно проголодался.

— А что мне делать с капитаном? — всполошилась я, вспомнив угрозу Алессандро.

— Думаю, нужно вернуть его на корабль, — немного подумав, ответил Дарио. — Пока нам лишние проблемы ни к чему.

Вернувшись после плотного обеда, да еще и по такой жаре, мы с Дарио какое-то время охлаждались и приходили в себя в саду. Я решила рассказать ему все, что знала сама, раз уж нам предстояло вместе заняться дальнейшими поисками и докапыванием до истины. Показала ему икону и записи деда.

— Так похожи... — Дарио рассматривал портреты, положив их рядом на кухонный стол. — Даже выражение лица у вас одинаковое, — перевел он взгляд на меня. — Не на портрете. А сейчас... Ты смотришь, как она тут, — кивнул он на икону.

Я стояла рядом и тоже рассматривала изображения. Странное чувство испытывала при этом, словно я — это не я, а переродившаяся она. И почему мне все время кажется, что она хочет что-то сказать, предупредить? Как художнику удалось передать настороженность во взгляде, работу мыслей? Я даже долго не могла смотреть на портрет, панически боялась, что Лиза сейчас заговорит, и такого потрясения я точно не вынесу.

— Как думаешь, почему они не нашли икону? — Под «они» я подразумевала Марко и мафию, на которую он работал.

Дарио вернул портрет Лизы на место, плотно пригнав заднюю крышку, и теперь рассматривал только мою фотографию.

— Наверное, им и в голову не пришло, что она может находиться на видном месте. А может и не искали, решили, что ты сама им ее отдашь.

Решили, что Марко соблазнит меня, и я преподнесу им икону на блюдечке с голубой каемочкой? Только вот соблазнитель из Марко никакой получился. Больше на маньяка тянет, чем на положительного героя. Меня передернуло от воспоминаний о его ночном визите. Шея отозвалась болью, словно ждала разрешения. Я невольно схватилась за ушиб.

— Он ударил тебя, чтобы вырубить? — догадался Дарио, заметив мой жест.

— Да я и сама не поняла, что произошло. Помню только, как стало больно, а потом очнулась уже в пещере.

— Ну-ка, дай посмотрю... — Дарио взял меня за локоть и бесцеремонно усадил на стул. Я даже не думала сопротивляться — оперлась на стол и опустила голову на руки. Дарио откинул волосы с шеи и какое-то время рассматривал ее, так низко склонившись надомной, что я чувствовала на коже его дыхание.

— Вот здесь болит? — он слегка погладил пальцем у основания черепа, отчего по коже побежали мурашки. Я утвердительно промычала, говорить не было ни сил, ни желания. — А он неплохо осведомлен, — размышлял Дарио, легко массируя мне плечевой пояс, — знаком с акупунктурой. Вот здесь, в месте сочленения затылка и первого шейного позвонка, — он снова дотронулся до пульсирующей болью точки, — даже слабого удара достаточно, чтобы человек потерял сознание. Сильным ударом можно перебить шейный позвонок и человек умирает от травмы продолговатого мозга. Мгновенно останавливается сердце и дыхание.

У меня волосы шевелились на голове от его слов, а по телу бегали мурашки от прикосновения его рук. Я даже сама не могла определить, какие чувства преобладают — наслаждения от расслабляющего массажа или ужаса от рисуемой Дарио картины внезапной смерти.

— На самом деле нужно четко знать, на какую глубину, под каким углом и с какой силой бить, чтобы достичь нужного эффекта, — продолжал просвещать меня Дарио, в то время как пальцы его умело проминали мои мышцы. — Эта точка очень чувствительна именно к небольшим воздействиям. Я даже удивлен, что Марко умеет это. Такое известно единицам.

Ну, предположим, я тоже удивлена тем, что узнала про Марко за последние несколько часов. Образ знойного мачо стремительно рушился в моей голове. Одного не могла понять, зачем ему нужно было разыгрывать передо мной страсть? Все эти приставания, граничащие с попытками изнасилования... К чему спектакль, у которого нет зрителей? Или Дарио прав, и Марко рассчитывал, что я втянусь в него по самое не хочу и в дар преподнесу икону? Тогда психолог из него гораздо хуже, чем знаток анатомических особенностей строения человеческого тела. Все, что ему удалось, вызвать чувство омерзения.

Массаж подошел к концу. Дарио вернул бретельки моего топа на место, тем самым намекая, что сеанс восстановительной терапии окончен. Я какое-то время пыталась побороть сонливость, в которую вогнали меня его искусные руки. В конце концов, поняла, что без чашки кофе мне не ободриться. Еще полчаса ушло на принятие этого напитка, в чем Дарио составил мне компанию.

По обоюдному молчаливому согласию мы не разговаривали о делах. Дарио рассказал мне про Венецию. Он так расписывал красоты города на воде, что становилось понятно, как же сильно он соскучился по дому. Если бы не обещание деду во всем разобраться, то с радостью уехал бы. Я эгоистично думала, как рада тому, что Дарио — человек слова, иначе у меня бы тут не осталось ни единого человека, которому смогла бы довериться. Была Олеся, и та упорхнула со своим Серхио.

Поиски решили начать с дома. Я не понимала, зачем Дарио так внимательно осматривает полы, отодвигая мебель. Ходила за ним из комнаты в комнату, как на привязи, пока не догадалась спросить.

— Я ищу погреб, — коротко ответил он, не отвлекаясь от работы и двигая массивный

платяной шкаф в комнате Олеси. — Не может быть, чтобы его тут не было.

Точно! Как же я сама об этом не подумала? Почти в каждом доме есть погреб. И именно там мы сможем найти хоть что-то, что прольет свет на дедову тайну. Я активно принялась помогать Дарио. Пока он обследовал комнаты, я отправилась в ванную, поздно сообразив, что полы в ней плиточные и ничем не застеленные. А под душевым поддоном дед вряд ли стал бы размещать вход в подвал. Кроме того, как тут же убедилась, дно душевой кабины ниже уровня пола, и края ее намертво забетонированы.

В коридоре меня тоже ждала неудача. Я простучала небольшим камнем каждую плитку, даже пыталась подковырнуть их ножом, но безуспешно. Звук получался приглушенным и плотным, а плитки крепко сидели, каждая на своем месте.

Через час поисков мы убедились, что погреба в доме нет, как и на веранде, которую мы исследовали второй. Оставался сад. Но даже, если там и был тайник, то как мы его найдем? Разве что какую-нибудь подсказку, которую решил оставить мне дед.

Я бродила между деревьями, рассматривая стволы в поисках подсказки, когда в калитку громко постучали. Ни о чем не подозревая, я отодвинула щеколду и открыла дверь. Только потом испугалась. Отстранив меня плечом, во двор вошел Марко. Как же мне не понравилась его улыбка — ехидная и плотоядная одновременно.

— Овечка отбилась от стада, так, кажется, у вас говорят? — еще шире ухмыльнулся он, закрывая калитку.

— А ты, я смотрю, научился стучаться? — в тон ему ответила я.

Раньше он не церемонился и проникал во двор, да и в дом одному ему известными способами.

Марко сделал шаг навстречу и замер, смотря куда-то мне за спину. Я оглянулась и увидела Дарио, выворачивающего из-за угла дома. Его лицо ничего не выражало. Мне даже показалось, что выглядит он нарочито равнодушно и двигается специально медленно, чтобы усилить эффект от своего появления.

Я наблюдала, как меняется лицо Марко. Наглость и насмешка сползали, уступая место злости и настороженности.

— И что он тут делает? — Марко впился в меня взглядом, от которого по коже побежали мурашки.

Пока соображала, что можно ответить, чтобы не злить его еще сильнее, подошел Дарио. Во мне необходимость резко отпала. Марко переключился на него, заговорил резко и отрывисто. Я не понимала ни слова и на всякий случай отошла подальше. Хоть Дарио и отвечал спокойно, даже чересчур, от Марко разве что не сыпались искры. Он весь напрягся, лицо побагровело, пальцы сжаты в кулак... Я опасалась драки и прикидывала, что стану делать, если начнется рукопашная.

Мне совершенно не понравилось, каким тоном Марко выплюнул последнюю фразу, перед тем, как уйти. В голосе слышалась угроза и нешуточная. Дарио даже бровью не повел. Он вообще ни разу не повысил голоса за время перепалки и не сменил позы — так и стоял, засунув руки в карманы и в упор глядя на Марко.

— Что ты ему сказал? — поинтересовалась я, когда убедилась, что забор не пострадал от того, как Марко шарахнул калиткой.

— Сказал, что с сегодняшнего дня ты находишься под моей охраной, — только и ответил Дарио.

По тону я поняла, что развивать тему он не собирается. Оставалось догадываться, что

беседа была не такой безобидной. Скорее всего, Марко угрожал ему. Странно, что Дарио такой спокойный. Или он так искусно маскируется? Если за Марко стоит мафия, а судя по рассказу Дарио, именно на нее тот и работает, то опасаться есть чего. Правда, про итальянскую мафию я практически ничего не знала. Читала когда-то «Крестного отца», откуда и почерпнула основные сведения. Догадывалась, что на деле все обстоит по-другому. Мафия, она и в Африке мафия.

— Предлагаю продолжить поиски, — прервал Дарио мои размышления.

Я поняла, что задумалась, когда поймала на себе ласковый взгляд черных глаз. Он еще и улыбается! Но, странное дело, его улыбка ободряла, страх отступал, и зарождалась уверенность, что не все так плохо.

Еще через час я снова загрустила. Мы исследовали весь сад, но так и не нашли ничего. Ни единого намека на тайник. Меня не покидала уверенность, что дед где-то спрятал что-то еще, что поможет разгадать тайну. Но как найти это место?

Глава 19. Вещие сны

Вечером Дарио отправился в порт по каким-то своим делам. Мы договорились, что он сообщит Карло Пуччини о восстановлении в должности. Хотя моя душа и сопротивлялась всеми фибрами против такого решения, но на данный момент оно казалось самым правильным. Не нужны мне лишние проблемы. Их итак хватает, даже в избытке.

Появления Марко я не опасалась. Откуда-то взялась уверенность, что сегодня он точно не сунется. Решила спуститься к морю, где можно было посидеть и подумать. Думать, думать... Это единственное, что я пока могла. Дед задал головоломку, которая казалась нерешаемой. Зачем он так все запутал? Или я мыслю в неправильном направлении? Возможно, дед и не знал большего. Скорее всего, он тоже пытался разгадать эту тайну, имея в распоряжении только наше с Лизой сходство. А история, которую он записал для меня, стала известна ему от отца.

Я рассматривала свои руки, расположившись на любимом камне возле скалы. От нее падала тень. Хотя солнце и грело по вечернему, но жара еще стояла ощутимая. В этом я убедилась, когда взмокла по пути на пляж. С удовольствием окунулась и поплавала немного. Нырнула в прохладную воду с головой, пытаюсь смыть все негативные мысли, чтобы появилась ясность.

Обычные человеческие руки. Не самые красивые, с дурацкой формой ногтей, что загибаются книзу, когда отрастают. Приходится стричь их все время, чтобы не смахивали на когти Бабы Яги. Кости на пальцах большие, что кольца я покупаю не своего размера, чтобы протиснуть через эти набалдашники. И оно потом болтается на пальце, как обруч на талии гимнастки. Как эти невзрачные руки умудрились сотворить такое?!

Я вспомнила, как на моих глазах сама собой затягивалась рана на ноге Дарио и снова почувствовала, как зашевелились волосы на голове. Страшно становилось не от самой картинке, а от сознания, что в тот момент руки были не моими. Я только ощущала все, что с ними происходит, но не властна была это остановить. Если бы Дарио не догадался, что нужно поднести их к ране, я бы сгорела заживо? От этой мысли меня аж передернуло. Как их жгло в тот момент! Еще чуть-чуть и они запылали бы огнем!

Откуда взялись эти способности? Никогда раньше ничем таким не отличалась. Я даже особой проницательностью не была наделена. Вон и Олеся все время смеется надо мной, говорит, что в людях я разбираюсь так же, как в устройстве самолетов. И тут на тебе — из пешки в дамки!

Я легла на спину и закрыла глаза, вслушиваясь в шуршание, которое создавали маленькие волны, набегая на берег. Если выкинуть все мысли из головы, то можно вообразить себя абсолютно счастливой. Дует прохладный ветерок, изредка кричат чайки, заметив что-то в море, кругом ни души, только ты и природа. Идеальная модель счастья... В которую с наглостью ворвались посторонние звуки, не вписывающиеся в нарисованную мной картину.

Я открыла глаза и едва не застонала от разочарования. Ко мне приближался Алессандро. Высокий, красивый, знатный... враг. И когда он только забудет дорогу сюда? Наверное, это случится не раньше, чем я уеду с Лампедузы.

— Ты похожа на русалку в этом купальнике, — произнес он, подойдя вплотную к

камню и беззастенчиво разглядывая меня.

— А ты на морское чудовище, — пробормотала я по-русски, усаживаясь на камне и подтягивая к себе ноги.

Слава Богу, купальник догадалась одеть слитный, а не мини бикини, что заставила меня купить Олеся.

— Что? — переспросил Алессандро.

— Ничего. Погода, говорю, замечательная.

Смотреть на него не хотелось. В душе поднималось знакомое раздражение, как всегда при его появлении. Весь его холеный вид выводил меня из себя. Его самоуверенность рождала во мне трусость. Появлялось желание сбежать, чтобы не чувствовать себя вошью среди великих.

— Как прошел день? — вновь заговорил он, пропуская мимо ушей мою реплику про погоду.

О чем это он? Уж не намекает ли на похищение? Я бросила на Алессандро быстрый взгляд, и убедилась, что выглядит он нормально, даже без привычной наглости.

— Вернула капитана на корабль?

Ах, вот он о чем? У кого что болит, тот о том и говорит? Новый прилив раздражения всколыхнул внутренности.

— Для тебя это так важно? — спросила я, в упор глядя на него. Откуда только взялась храбрость? — Тебе-то что до этого?

— Скажем так, меня попросили об услуге... — Алессандро, не мигая, смотрел мне в глаза. Я старалась с честью выдержать его взгляд и не отвести своего. У меня получилось — он отвернулся первый и продолжил, разглядывая море: — Ты-то зачем его убрала с корабля? Сколько помню себя, он всегда на нем капитанствовал. Ты бы все равно не скоро нашла ему замену.

— Ошибаешься! Замену я нашла быстро. И не вмешайся твоя мафиозная семейка, капитаном моего корабля стал бы гораздо более достойный человек.

Только сказав это, я поняла, что наделала. Алессандро смотрел на меня ледяными глазами. Я почувствовала, как холодею внутри от страха. Ну, кто меня дергал за язык?

— А что ты знаешь о мафии? — Его слова разрезали воздух между нами, до такой степени он показался мне плотным. — Можешь не отвечать, я и сам знаю. Ты так же примитивно мыслишь, как и многие другие. В вашем понимании мафия — это сборище преступников и убийц. — Он опустился рядом со мной на камень. Мне пришлось отодвинуться на самый край, чтобы не касаться Алессандро. — Семья Колаяни — одна из самых уважаемых в Италии, да и не только... И я горжусь, что происхожу из нее. Меня воспитывали по законам чести.

— Учили убивать по чести?

Вот сейчас уже даже поздно откусывать язык. Реакция Алессандро на мои слова стала молниеносной. Он больно схватил меня за плечи и придвинул свое лицо вплотную к моему. От страха и боли у меня потемнело в глазах. Наверное, к лучшему, хоть не увижу его прожигающей злобы.

— Я ни разу не убивал за всю свою жизнь, — сквозь зубы процедил Алессандро.

Да ты сейчас это сделаешь, если не отпустишь меня! Он так сжал пальцы, что я не выдержала и застонала от боли, а на глаза навернулись слезы. Алессандро тут же выпустил меня. Сделал это так резко, что я чуть не скатилась с камня от толчка. Хорошо он успел

схватить меня за руку.

— Прости, — почти нормально проговорил он, не выпуская моей руки. Я рассматривала свои плечи и думала, что останутся синяки. На Алессандро старалась не смотреть. — Не зли меня больше. Это опасно. А по натуре я пацифист, — закончил он с улыбкой в голосе.

Хорошенький пацифист, чуть не покалечил... Я взглянула на него и замерла от восторга. Никогда раньше он не смотрел на меня так по-мальчишески весело. Озорные чертики плясали в его глазах. На губах играла задорная улыбка. Он взял меня за другую руку и потянул к себе. Чтобы не навалиться на него всем телом, я вынуждена была немного придвинуться.

— И тебя не обижу, не бойся, — прошептал он мне в губы, продолжая удерживать одной рукой, а другую положил мне на шею и притянул к себе.

Стоило оттолкнуть его, но я не могла пошевелиться. Предательская слабость разлилась по всему телу. Он прошелся вдоль моей руки, лаская кожу пальцами, и переместился на спину. Я чувствовала его горячую ладонь на своей талии и с ужасом осознавала, что возбуждаюсь все сильнее. Низ живота налился тяжестью, голова немного кружилась. Я догадывалась, что сейчас он меня поцелует, ждала этого и не хотела одновременно. Впервые мое тело отказывалось подчиняться разуму.

Его губы накрыли мои, и я перестала соображать. Вся отдалась поцелую. Не заметила даже, как зарылась пальцами в его волосы, крепче прижимая голову к себе. Опомнилась, когда он развязал бретельки купальника и принялся стягивать его, лаская плечи и грудь.

Если бы не мысль, что целуюсь с врагом, ни за что не остановила бы Алессандро. Его прикосновения рождали бурю эмоций в душе. Никогда раньше я не испытывала ничего подобного. Как мужчину я его желала, как человека не переваривала. Понимала несовместимость этих эмоций и не знала, как найти золотую середину. Уже второй раз он сбивал меня с толку, превращаясь из врага в соблазнителя.

— Пойдем ко мне, — прошептал Алессандро мне на ухо.

Не смысл сказанного отрезвил меня, а всплывший образ красавицы Орнеллы. Он вообразился так неожиданно, в голове что-то щелкнуло, и я резко оттолкнула Алессандро от себя. Теперь он чуть не навернулся с камня, только удерживать я не стала. Появилось садистское желание увидеть, как он падает и больно ударяется. Пока он приходил в себя, я поправила купальник и накинула на плечи платье-халат. Откуда только взялось спокойствие? Сама себе удивлялась.

— Извини, но мне нужно домой, — только и сказала я, слезая с камня.

Наверное, Дарио уже вернулся. Возможно, у него есть новости для меня. Интересно, как прошла беседа с Карло Пуччини? Я старалась думать о чем угодно, только не смотреть на Алессандро. Он наблюдал за мной все время, пока я собирала вещи. Я физически ощущала его взгляд. Когда развернулась, чтобы уйти, почувствовала, как его рука обхватила мое запястье.

— А ты занятная, — услышала я и с неохотой повернулась. Даже не удивилась, заметив в глазах Алессандро привычную холодность.

Он крепко держал меня за руку, хоть я и не собиралась вырываться, решив выдержать и это испытание.

— Обычно со мной девушки ведут себя иначе, — продолжал он, не меняя выражения лица.

Кто бы сомневался! Привык получать все, что пожелает. Но точно не меня. Тут тебе,

дружок, не обломится. Я постаралась придать своему лицу соответствующее выражение, заставив себя смотреть прямо в его глаза и вздернув подбородок. Очень хотела надеяться, что следы недавней страсти улетучились.

— Мне нужно домой, — как можно равнодушнее произнесла я.

— Одну минуту...

Алессандро встал с камня и подошел ко мне ближе. Я почувствовала, как сердце пропустило удар, а потом забилося в ускоренном темпе, когда он взял меня за подбородок и заставил посмотреть на себя. Только бы не выдать себя, подумала я, чувствуя, как глаза увлажняются. Я смогу выдержать!

— Я всегда добиваюсь желаемого, — проговорил Алессандро мне в лицо. — Кроме того, за тобой должок, если помнишь. Завтра я занят, а вот послезавтра ты исполнишь свое обещание.

— Какое? — в первый момент опешила я.

— И что это с нашей памятью? — издевательски усмехнулся он. — Забыла, как обещала мне целый день?

Это уже слишком! Я высвободилась из его руки и отошла на несколько шагов.

— По-моему мы квиты. Разве нет? — с вызовом спросила я. — Ты спас меня от бандитов, а я вернула на корабль капитана. Больше никаких долгов.

— Ошибаешься, — его улыбка стала еще шире. — И опять не учишься, что я только что тебе сказал. Повторяю, я всегда добиваюсь своего! И к слову о бандитах... Они ведь могут и вернуться. Так что, Люд-ми-ла, — выговорил он по слогам непривычное имя, — послезавтра я зайду за тобой с утра.

Больше Алессандро ничего не сказал. Молча обогнул меня и зашагал в сторону своего дома. Я потрясенно смотрела ему в спину, не зная, что испытываю, вернее, какое из отрицательных чувств к Алессандро преобладает.

Дарио я опередила на несколько минут, которых хватило, чтобы принять душ. Когда выходила из ванной, он уже сидел на диване в гостиной.

— Привет, — обрадовалась я ему, как родному.

Странное дело, внешне Дарио выглядит гораздо суровее Алессандро и Марко, но внушает безотчетное спокойствие. Рядом с ним я чувствую себя в безопасности, защищенной. Вот и с Марко он разобрался. Хочется верить, что тот оставил меня в покое навсегда.

— Пойдем пить чай, — позвала я, отправляясь на кухню. — Поговорил с Пуччини? — спросила я, налив две чашки чая и присоединившись к нему за столом.

— Поговорил, — кивнул Дарио. — Видела бы ты его лицо... Он как будто не сомневался, что так и будет.

— Мерзкая жаба, — не удержалась я от ругательства. — Но ничего, это до поры до времени. Пусть пока порадуется.

— Ты ходила на море? — сменил Дарио тему разговора.

— Ну, да... Немного поплавала.

— Не делала бы ты этого вечером, в одиночку.

— Да брось. Светло же еще было.

— Но возвращалась ты уже по темноте, — не унимался Дарио. — Никого не встретила?

Мелькнула мысль рассказать ему об Алессандро, но я тут же передумала. Если начинать

рассказывать, то все — и о моем обещании тому, и о реакции на его поцелуи... Но разве о таком можно рассказывать постороннему человеку? Что ни говори, а Дарио я знаю немногим лучше Алессандро.

— Да все нормально. Я там не долго пробыла, — только и ответила я. — Дарио, ты не обидишься, если я пойду спать? Что-то я сегодня вымоталась. Можешь занять комнату Олеси, пока ее нет.

— Лучше я в гостиной... Думаю, так будет благоразумнее. Иди. Я все тут уберу.

По дороге в свою комнату, я размышляла, что Дарио имел в виду под «благоразумно»? Опасается ночного вторжения? Господи! Как же я устала! Хочется уснуть спокойно, подумать о чем-нибудь хорошем, а не прокручивать до бесконечности последние события, не ломать голову, как выпутаться из всего этого.

— Ты — это я.

— В каком смысле?

— Я возродилась в тебе.

— Но как?..

— Моя душа возродилась в тебе, но не для того, чтобы страдать. Ты должна прожить счастливую жизнь.

Мы стоим на берегу моря. Я точно знаю, что вижу сон. Так было раньше. Только в том сне Лиза молчала. Первый раз слышу ее голос. Глубокий и нежный, как звуки арфы.

— Но я совершенно не знаю, как жить дальше? Я запуталась. Что я должна делать?

Какой-то странный сон. Она пришла, чтобы помочь? Хочет предупредить о чем-то? Почему тогда молчит и опять эта странная улыбка...

— Помоги мне. Расскажи то, о чем не знаю, — молю ее.

— Не могу. — Лицо Лизы становится грустным. — Я дала обет молчания, ты же знаешь.

Чушь какая-то! Она же говорит сейчас. О каком обете может идти речь?

— То было давно. Сейчас уже можно, — решаю схитрить я.

— Ты сама все узнаешь.

— Когда? — кричу. — Когда я узнаю? Когда будет поздно?

— Ищи под камнем, — шепчет Лиза, и я замечаю, как она растворяется, исчезает на моих глазах. — Ищи под камнем...

— Под камнем?! Каким? Их тут видимо невидимо! Каким камнем? — кричу в пустоту. Лишь маленькое облачко трепещет от моего дыхания. То, что осталось от Лизы. — Каким камнем? Каким камнем?..

— Каким камнем?!

Я проснулась от собственного крика и резко села в постели, еще не понимая, что произошло. От пота сорочка намокла и прилипла к телу. Меня била дрожь. В открытое окно вместе с утренним светом проникал легкий ветерок. Даже его хватило, чтобы я замерзла.

Какой жуткий сон! Из разряда тех, когда не снится ничего страшного, а просыпаешься в животном ужасе.

Сколько же время? Часы показывали половину шестого. Вряд ли уже усну. Да и согреться бы не мешало. Стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Дарио, я пробралась в ванную. Настроила воду погорячее. С удовольствием встала под упругие струи. Тело

расслаблялось, а голова работала с четкостью компьютера. Что она сказала? Искать под камнем? Но под каким?

Я даже не сомневалась, что сон был вещим. Важнее другое — о чем он говорил?

После душа захотелось плотненько свежего воздуха. Я прокралась в сад мимо Дарио. Тоже мне охранник! Я чуть не рассмеялась, когда увидела его с головой под подушкой. Да даже если стрелять будут рядом, он вряд ли услышит.

Двор тонул в рассветной тени. Даже непривычно было мерзнуть, в то время как раньше я в основном изнывала от жары. Захотелось на солнце, ближе к небу. Не раздумывая, я забралась на дедову скалу и с удовольствием растянулось на уже нагретом солнцем камне. Как же хорошо! Даже ветер не охлаждал кожу, а ласкал ее, как искусный любовник. Некстати вспомнился Алессандро. Как я могу поддаваться на его пошлые приставания? Веду себя, как старая дева, истосковавшаяся по мужской ласке. И с каких это пор мое тело перестало подчиняться рассудку? Не замечала такого раньше за собой. Что бы сказала Олеся? Именно она обвиняла меня в холодности, говорила, что каждого мужика я рассматриваю под лупой на «профпригодность».

Я перевернулась на живот, подставляя набирающим жар лучам спину. Прижалась щекой к гладкой поверхности и любовно погладила серую твердыню с мелкими белыми вкраплениями. Откуда же дед приволок тебя сюда, такой огромный? На какой глубине ты лежал, омываемый водой, годами, пока не стал таким ровным, без единой зазубринки?

Камень! Я резко приподнялась на руках и уставилась на свое ложе. Камень! «Ищи под камнем» — слова сами всплыли в памяти. Откуда-то появилась уверенность, заставившая меня чуть ли не кубарем скатиться с лестницы.

— Дарио, вставай! — С этими словами я ворвалась в дом. — Да вставай же! — подбежала я к нему и принялась расталкивать за плечо. — Я знаю, где искать...

— Что случилось? — Он сонно щурил глаза и явно не понимал, кто перед ним.

— Просыпайся скорее! Я нашла камень!

— Какой еще камень?

Судя по выражению его лица, он узнал меня, но резко засомневался в моей нормальности. Приступ внезапного смеха душил меня. Ну, конечно! Откуда ему знать про камень? Представляю, что он сейчас обо мне думает.

— Не смотри на меня так, — сквозь смех проговорила я. От его вида мне становилось еще веселее. Хохот заставил меня согнуться пополам, а живот заболел, как будто мне ударили под дых.

Видно Дарио испугался за мой рассудок, потому что схватил за руку, усадил рядом с собой и принялся гладить по голове. Но успокоилась я только тогда, когда смеяться уже не осталось сил и по щекам катились слезы. Только тогда я нашла в себе силы рассказать ему про сон.

— Это дедов камень, на скале, — в заключении сказала я.

Дальше уже Дарио перехватил инициативу. Он исследовал камень и понял, что вдвоем нам его никак не сдвинуть. Привлекать к этому делу кого-то из знакомых не хотелось. Дарио и тут быстро сориентировался — сходил в порт и нанял четверых беженцев из желающих подработать.

Я не сомневалась, что под камнем мы что-то найдем. Единственно, ожидала, что находка окажется не такой маленькой, какой мне показалась плоская деревянная коробочка. Она лежала в углублении в скале, выдолбленном по ее размеру, в целлофановом мешке,

завернутая в тряпку. Сколько же лет она тут пряталась?

Глава 20. Находка

— Как думаешь, что это? — Я вертела в руках деревянную табличку с какими-то символами, то ли выжженными, то ли выцарапанными на ней. От времени дерево потемнело и покрылось мелкими трещинами.

— На рисунок не похоже, — размышлял Дарио, забрав у меня табличку и рассматривая ее на свет. — Скорее всего, здесь что-то написано.

Я приуныла, чувствуя, как стремительно портится мое настроение. Это же какая-то китайская грамота! Никакой ясности, все только еще больше запутывается.

— Какая разница, что это, если мы никогда не сможем узнать?

Я почувствовала такую усталость, словно работала без отпуска несколько лет подряд. Столько надежд я возлагала на эту находку, и все впустую. Какая-то доска, с дурацкими иероглифами!

— Еще как сможем.

Я открыла дверь, собираясь покинуть дом, чтобы побыть наедине и как следует все обдумать. Реплика Дирио заставила меня замереть на месте.

— Что ты имеешь в виду?

Я смотрела на улыбающегося Дарио и не понимала, чему можно радоваться в такой момент? Некоторые, например, близки к отчаянию...

— У меня есть знакомый лингвист. Если даже он сам не сможет прочесть, что здесь написано, то найдет того, кто это сможет.

Дарио подошел ко мне с тщательно завернутой дощечкой. Он даже успел засунуть ее обратно в пакет. Как священную реликвию протянул сверток мне. Не разделяла его восторга, поэтому равнодушно взяла бестолковый по моему мнению предмет и кинула его на диван. Потом мне стало стыдно, когда заметила осуждение в черных глазах. Только такие идиотки, как я, так обращаются со стариной. Возможно, какой-нибудь коллекционер отвалил бы за нее круглую сумму. Господи, о чем я только думаю. Даже ошибки деда меня ничему не научили.

— Не верю я, что там написано что-то полезное, — продолжала я поддаваться пессимизму. — Скорее всего, очередная глупая байка.

— В любом случае, нужно перевести, чтобы узнать, — улыбнулся Дарио и положил руку мне на плечо.

Простой жест, ничего особенного, но он странным образом ободрил меня. А может, то, как Дарио смотрел в этот момент, сыграло свою роль. Только я почувствовала, как его уверенность передается мне. Вместе с ней ощутила прилив сил.

— Давай тогда узнаем, — как-то очень торжественно произнесла я. — Пойдем к твоему переводчику.

— Не пойдем, а полетим, — еще шире улыбнулся Дарио. — Пьетро живет в Венеции.

Наверное, его рассмешило мое лицо с открытым ртом, потому что в следующий момент Дарио весело рассмеялся.

— Полетим в Венецию? — решила уточнить я, не веря в подобное.

— Ну, да... Побывать в Италии и не посетить Венецию — это глупо. Я буду твоим личным гидом.

— А когда?.. — Это было все, что я нашлась спросить в этот момент.

— Когда полетим? — уточнил Дарио и посмотрел на часы. — Да прямо сейчас и отправимся в аэропорт. Самолет через два часа с небольшим.

На споры времени не оставалось. Его хватило, чтобы покидать вещи первой необходимости в сумку и собраться в дорогу. Я предусмотрительно поинтересовалась, сколько мы пробудем в его родном городе.

— Дня три, не больше, — успокоил меня Дарио.

Хорошо, что не дольше. Это значит, что вернемся мы примерно в один день с Олесей. Звонить и предупреждать ее мне не хотелось. К чему выслушивать ценные наставления или ненужные измышлизмы. Если позвонит сама за это время, расскажу все честно. Не позвонит — на нет и суда нет. Расскажу ей при встрече.

Уже сидя в самолете и глядя в иллюминатор на подушки облаков, я вспомнила, что обещала, вернее вынуждена была обещать, завтрашний день Алессандро. Что ни делается, все к лучшему. Сама судьба оградила меня от него. Стараясь быть честной перед собой, я пыталась разобраться в собственных чувствах. На первом месте стоит подленькая мстительная радость, что смогу досадить Алессандро. Хоть раз в жизни он не получит желаемого. Тогда откуда берется сожаление, робко ковыряющее душу? Неужели я сама не осознаю, что хочу провести с ним время? Или мне просто хотелось увидеть его перед отъездом? Но я не могла этого хотеть и поездку не планировала.

Стоило закрыть глаза, как образ Алессандро предстал передо мной, как настоящий. И не такой, как обычно, а какого я его видела лишь однажды — вчера, перед тем, как он поцеловал меня. Я громко чертыхнулась и чуть не разлила сок, который мне протягивал Дарио. Видно, я пропустила приход стюардессы.

— Ты чего? — удивился Дарио. — Давай выпьем за новые открытия, — тут же забыл он о своем вопросе.

— Которых пока нет, — пробурчала я.

— Но обязательно будут!

Он чокнулся своим бокалом о мой. Опять я оказалась во власти его оптимизма. Мне бы так уметь!

— Так чего ты ругаешься? — выпив сок, прищурился Дарио. Я даже испугалась серьезности в его голосе и какое-то время не могла придумать, что бы такого ответить?

— Подумала, что жить мне негде, — нашлась я.

— Тоже мне проблема! Поживешь у меня. Места хватит.

Дарио мне не поверил, я это прочитала в его глазах. Но переубеждать или успокаивать не собиралась. В конце концов, он мне не брат и не сват, чтобы оправдываться. И душу перед ним я раскрывать не собиралась. Мне бы самой разобраться в ее потемках.

Аэропорт Марко Поло это еще не Венеция. От него двенадцать километров до города на воде. Но уже там, стоя на берегу лагуны у причала, я ощутила его дух. Пока Дарио договаривался с владельцем небольшого катера — таксистом, я вдыхала теплый влажный воздух, пропитанный солью, и чувствовала, как все быстрее бьется мое сердце. Позади меня современное здание аэровокзала, а впереди — сказка. Откуда пришло такое ощущение, я не понимала. Но волновалась все сильнее.

Дарио помог мне пройти на катер и проследил, чтобы я удобно устроилась в мягком кресле и пристегнулась.

— Через пятнадцать минут будем дома, — сказал он, усаживаясь в соседнее кресло. — Как приедем, сразу позвоню Пьетро и договорюсь о встрече.

Катер медленно отчалил и, набирая скорость, помчался в море. Так мне показалось сначала... На самом деле, очень скоро мы въехали в город. Дарио о чем-то разговаривал с водителем, а я рассматривала окрестности. Удивительное дело, насколько не похожи друг на друга были дома, что мы проезжали, вернее проплывали. Я не знаток в архитектуре, но догадывалась, что тут нет единого стиля. Строгие здания с огромными арками на первом этаже сменялись «кружевными» домами с заостренными арочками, украшенными резьбой в виде трилистника. А рядом дом с колоннами и выступающим карнизом под крышей. Такие дома смотрелись торжественно, помпезно. Но впечатление тут же разрушал следующий — с фасадом, разукрашенным яркими гирляндами, херувимами и гротескными масками. Правда, одно у зданий общее — почти все они трехэтажные, с мансардой или без. Я догадывалась, что такой отпечаток наложило время и смена эпох.

Я не могла определить, во власти каких эмоций нахожусь. Казалось, что я чего-то жду. С другой стороны, не верила, что все происходит со мной, что это я рассматриваю дома, о которые плещутся воды канала. Восторг сменялся смятением, восхищение — непониманием того, что вижу. И где-то глубоко внутри зарождалась романтика. Я приняховалась к влажному воздуху с примесью ненавязчивой затхлости и понимала, что все это мне нравится, что непроизвольно начинаю влюбляться в этот старинный город.

— Ты как? — услышала я голос Дарио.

Так увлеклась рассматриванием, что даже не заметила, как смолк разговор. Дарио смотрел на меня с любопытством. Его глаза блестели на солнце. Родилась мысль, что настоящие венецианцы именно так и выглядят — немного суровыми внешне, но добрыми внутри, с грубыми чертами лица, не лишенными привлекательности. Странное дело, но сейчас мне Дарио показался почти красивым. Наверное, потому, что он вернулся домой.

— Немного сбита с толку, но в общем нормально, — ответила я и тут же подумала, что фраза получилась сухой, безэмоциональной. А тут так нельзя, тут все пропитано трепетом.

— Тебе понравится Венеция, — уверенно произнес Дарио, и столько любви и гордости прозвучало в его голосе, что я даже позавидовала. Раз он так любит этот город, значит, есть, за что. — У нас будет время побывать в самых красивых местах.

Мне уже нравится. Так нравится, что я боюсь захотеть еще сюда вернуться. Венеция очаровывала постепенно, но необратимо. И это я только краем глаза посмотрела на нее. А что будет, когда я познакомлюсь с ней поближе?

Катер замедлил ход и принялся выруливать с середины канала. Он причалил к трехэтажному дому, выкрашенному в бледно-желтый цвет, с огромными арками на первом этаже. К дому примыкал небольшой сад, обнесенный невысоким кирпичным забором и густо заросший зеленью. В него и вела мраморная трехступенчатая лестница, на которую помог мне сойти Дарио. Сад только сначала производил впечатление запущенности. Возможно, так казалось из-за спускающихся к воде веток деревьев. На самом деле внутри он выглядел ухоженным, с ровными чистыми дорожками и цветущими кустарниками. К дому примыкала пристройка, перед которой пол был выложен кирпичного цвета тротуарной плиткой. На этом маленьком пятачке поместились плетеный стол и два таких же кресла. Невольно представилось, как сижу тут вечером и слушаю тихий шелест воды, любясь домами на противоположной стороне канала.

— Вот тут я и живу, — проговорил Дарио, поднимаясь на крыльцо и отпирая дом.

— Один?

— Ну, да, — ответил он, распахивая дверь и пропуская меня вперед. — Моя семья живет в Лидо. Они переехали туда много лет назад. Я тоже жил там, пока не решил вернуться в Венецию. Тогда купил себе вот этот Паллацо.

— Паллацо? — не поняла я.

— Так у нас называют старинные особняки. Этот построен в шестнадцатом веке, — улыбнулся Дарио.

Ничего себе! Такая древность! Мы уже зашли в огромный холл на первом этаже. Из мебели там стояли только две каменные лавки на массивных изогнутых ножках, встроенные в стены. Две большие зарешеченные арки от пола до потолка пропускали много света, и он играл лучами на полу, выложенном глянцевой плиткой кирпичного и кремового цветов, в шахматном порядке. По бокам той из арок, что выходила на канал, имелись еще по два небольших окна, обычных с виду, но тоже закрытых витой решеткой. С трудом поборола желание подойти к одному из них и полюбоваться видом.

Я с удивлением разглядывала стены, декорированные под кирпичную кладку, на которых кроме четырех старинных бра, напротив друг друга, больше ничего не было, как и в холле в целом. С белоснежного потолка спускалась выдержанная в одном стиле с бра, из белого непрозрачного стекла, увитая металлическими прутьями, люстра.

— А почему здесь так пусто? — не выдержала и спросила я. Не могла поверить, что такое огромное помещение никак не используется.

— Остальные комнаты наверху. Там есть все необходимое, — явно не понял смысл моего вопроса Дарио, направляясь к внутренней арке, откуда на второй этаж вела мраморная лестница. — Комнат у меня всего три, но места хватит нам обоим.

На втором этаже из небольшой прихожей, совмещенной с лестничной площадкой, вели три двери.

— Здесь ванная. — Дарио распахнул левую дверь. — А это кухня. — Он проделал то же самое с правой дверью.

Чувство любопытства подтолкнуло меня посмотреть, что же представляет из себя кухня венецианца. Не очень большая, с кучей техники, но какая-то необжитая, как будто на ней почти не бывают.

— Я тут практически не готовлю, — подтвердил мои подозрения Дарио. — Иногда только завтракаю. В остальное время предпочитаю есть в кафе.

Он открыл центральную дверь арочного типа с ярким витражным стеклом.

— Это гостиная и мой кабинет по совместительству.

Комната оказалась не такой большой, как я ее себе представляла. Дарио поделил ее на функциональные зоны. Слева стоял письменный стол со стулом. Там же вдоль стены тянулись стеллажи с книгами. Правая часть комнаты была поделена на обеденную зону, которую всю занимал большой овальный стол с шестью массивными стульями вокруг, и зону отдыха, состоящую из плазменной панели на стене, белого кожаного дивана, пары каких же кресел и небольшого журнального столика со стеклянной поверхностью.

Гостиная мне понравилась. Несмотря на многофункциональность, захламленной она не выглядела. Каждая вещь смотрелась на своем месте.

— Ты сам убираешь дом? — спросила я, заметив, какая кругом царит чистота.

— Нет, — засмеялся Дарио. — Я бы тогда превратил его в свинарник. Два раза в неделю приходит домработница. Я договорился, что она будет убирать дом, когда я в отъезде.

тоже.

— А ты за полгода ни разу сюда не приезжал?

— Пару раз пришлось, по делам.

Вдаваться в подробности Дарио не стал, да мне это и не было интересно. Хотелось принять душ с дороги, чтобы смыть несильную усталость. Что-то мне подсказывало, что силы еще понадобятся, чтобы усвоить все то новое, что увижу и узнаю здесь.

— Пойдем, покажу тебе твою комнату, и ты сможешь немного отдохнуть, — догадался Дарио.

Мы поднялись на третий этаж. С такой же, как на втором этаже, площадки вело три двери — две рядом, напротив лестницы, а одна слева.

— Тут вторая ванная, — показал Дарио на левую дверь. Но я уже и сама догадалась. Она находилась прямо над нижней. — Это твоя комната. — Дарио распахнул дверь, ближнюю к ванной. — Моя рядом. — Он указал на соседнюю дверь.

Дарио оставил меня одну, сказав, что ему нужно сделать несколько звонков по работе. Я рассматривала небольшую спальню. Стены, как и везде, кроме холла внизу, были выкрашены в бежевый цвет. Обстановка больше напоминала гостиничный номер, чем спальню в жилом доме. Шкаф-купе во всю стену, двуспальная кровать с двумя тумбочками, угловой стол с телевизором и приглушенно-зеленый пушистый ковер на полу. На окнах тяжелые портьеры в тон ковру, создающие затемнение, больше похожее на сумерки.

Я решила разогнать потемки, от которых начинало клонить в сон. Решительно подошла к окну и раздвинула шторы. И тут я застыла, пораженная открывшейся картиной. Окно состояло из трех частей, средняя из которых выполняла роль балконной двери. Балкон, не больше метра в ширину и трех в длину, по периметру был заставлен цветами в напольных горшках и вазах. Но главное даже не в этом, а в панораме, открывающейся с него. Сверху все выглядело немного иначе — и канал, и дома на другой стороне. А слева открывался вид на дворец, словно сплетенный из кружев — белый, с многочисленными остроконечными башенками, залитый солнцем и кажущийся нереальным в таком виде. Я даже сначала подумала, что он мне померещился, потому что не заметила его, когда мы подплывали к дому на катере. Потом я поняла, что его просто не было видно, из-за того, что находился он в углублении, а перед ним простиралась площадь.

— Это площадь Сан-Марко, а смотришь ты на Дворец дождей, — услышала я голос Дарио и вздрогнула от неожиданности. Не заметила, как он зашел в комнату. — Мы туда сходим обязательно, и ты увидишь его вблизи.

Я посмотрела на Дарио. Он тоже любовался дворцом и не скрывал этого. Торжественность последнего словно накладывала отпечаток почтительности на его лицо. А ведь в отличие от меня, он любит эту красоту почти всю жизнь. Значит, надоест она не в состоянии.

— Ты удивительно подходишь этому месту, — снова заговорил Дарио, и голос его прозвучал слишком интимно, или мне так показалось, потому что обстановка выглядела чересчур торжественно. — Ты похожа на венецианку.

— Скажешь тоже! — попыталась отшутиться я, почувствовав непонятное стеснение.

Я развернулась, чтобы зайти в комнату, но Дарио придержал меня за руку. От его прикосновения у меня по коже побежали мурашки, и волнение всколыхнуло душу. Он стоял так близко и смотрел так пристально, что я неожиданно покраснела.

— Я рад, что ты тут, — продолжил он, не переставая всматриваться в мои глаза,

которые я периодически отводила, чувствуя все большее стеснение. — Уверен, что ты полюбишь этот город.

А ведь он прав! Я уже полюбила Венецию. Она прочно заняла место в моем сердце. И теперь я буду использовать любую возможность, чтобы приехать сюда снова. Как же сильно изменилась моя жизнь за последние несколько дней! Раньше я и понятия не имела, что в мире есть такая красота. Нет, конечно, я видела Венецию на фотографиях в журналах и картинах. Но они и сотой доли ее величия и самобытности не передавали. Да и рассматривала я их, как что-то отстраненное, далекое... А сейчас я поняла, что это и мое тоже.

Я попыталась высвободить руку, но Дарио держал крепко. По его лицу видела, что он хочет еще что-то сказать. Он нахмурил брови, словно прикидывал, стоит ли это говорить. Я вдруг испугалась, сама не зная чего. Очень обрадовалась, стараясь не подавать виду, когда лицо его разгладилось, и он будничным тоном произнес:

— Я договорился с Пьетро на три часа. Хватит времени, чтобы пообедать. Ты, наверное, ужасно проголодалась?

— А ты? — с улыбкой спросила я, предприняв очередную попытку достать руку из его горячих пальцев.

— Если честно, ужасно. — Дарио спохватился и отпустил, наконец, мою руку.

— Я успею принять душ? — спросила я, по-детски пряча руку за спину.

Снова почувствовала, как кровь прилила к щекам, и ужасно злилась из-за этого на себя. Что за дурацкий организм! Краснею по поводу и без. Олеся шутит всегда, что мои кровеносные сосуды находятся на поверхности. Как она там, кстати? Внезапно захотелось поболтать с ней за бокалом коктейля, рассказать о последних событиях. Она бы, конечно, возмущалась долго и нудно, но мне все равно стало бы легче. А сейчас мне тяжело? Неуютно — так бы я охарактеризовала свое состояние. Такое ощущение, что я вторглась на чужую территорию без приглашения. Словно навязываюсь...

— Времени вагон, — проговорил Дарио, пока я украдкой рассматривала его лицо, в поисках признаков недовольства. — Жду тебя внизу, а потом поведу обедать.

Похоже, все в порядке, и Дарио не думает ни о чем таком. Сколько не борюсь, а привычка накручивать себя срабатывает все время. Ну, с чего я взяла, что навязываюсь ему? Он ведь сам предложил поехать сюда, а до этого признался, что уже полгода разгадывает, что дед оставил после себя. Мне бы радоваться, а я занимаюсь самокопанием.

В просторной санкомнате имелась и ванна, и душевая кабина. Я решила воспользоваться последней, чтобы не затрачивать слишком много времени. В белоснежной красавице можно поваляться и вечером, перед сном. Тогда же можно и подумать обо всем спокойно.

Вытираясь насухо в комнате и надевая чистое платье, меня пронзила внезапная мысль, что не зря мы затеяли эту поездку. Это больше похоже на предчувствие, только на этот раз чего-то хорошего, приятного. Первая положительная эмоция за весь день, без посторонних примесей.

Глава 21. Детектив из Венеции

Дарио я нашла в гостиной. Он сидел за столом и что-то писал.

— Я готова, — решила предупредить о своем приходе с порога. Он явно не слышал, как я зашла в комнату.

— Тогда, пошли... — тут же откликнулся Дарио, вставая и потягиваясь.

Непривычное зрелище — в рубашке и с заглаженными стрелками брюках, он совершенно не походил на моряка в бессменной бейсболке, каким привыкла его видеть. Появился какой-то лоск. Даже обветренная кожа казалась бархатистой и ухоженной, а загар ей необычайно шел. В какой-то момент мне показалось, что передо мной не Дарио, а мужчина, сильно похожий на него.

— Что-то случилось? — спросил Дарио, подходя ко мне.

В голосе прозвучали нотки беспокойства. Только тут поняла, что стою и пялюсь на него, как забитая провинциалка на витрину модного столичного бутика. С досады я опять покраснела. Похоже, это состояние становится привычным в присутствии Дарио. Хоть он и вел себя обычно, когда открывал дверь и пропускал меня вперед, почему-то была уверена, что он надо мной потешается. А если бы я сейчас призналась, что он вдруг показался мне до ужаса привлекательным, обсмеял бы в голос?

Я спускалась по лестнице за Дарио и ловила себя на глупых мыслях. Что плечи у него широкие и надежные. За такими можно спрятаться от любых жизненных неурядиц. Бедрa узкие, как и положено настоящему мужчине. На ногах бугрятся мышцы, которые даже брюки не скрывают... Да что это со мной?! Как будто я никогда не встречала привлекательных мужчин. Или все дело в том, что мужчину в Дарио я заметила только что? А до этого он был обычным моряком, моим подчиненным.

Чуть не рассмеялась, когда решила поискать у него недостатки и заметила, что руки длиннее нормы. Чем-то он мне напомнил обезьяну. В общем, когда мы спустились, и он повернулся, то наверняка поймал глупейшую улыбку, которую я не успела спрятать. Теперь я боялась даже предположить, что он обо мне подумает.

Решив, что думаю о пустяках и стараясь выглядеть гордой, я выпрямила спину и прошагала мимо Дарио к выходу.

— Ты куда? — спросил он, и я поняла, что мои догадки были верны. Дарио явно забавлялся. Это подтверждала улыбка на его губах и насмешка в голосе.

— Наружу, куда же еще, — против воли насупилась я.

— Так ты попадешь в сад, а нам нужно на улицу, — еще шире улыбнулся он, блеснув белыми зубами. — Тут три двери. Эта в сад. — Он указал на дверь, через которую мы вошли в дом. — Эта ведет прямо к каналу. — Он поднял левую руку. — А нам сюда. — Он указал на дверь, расположенную на противоположной стене.

Еще две двери? Одну из них я приняла за окно, а вторую и вовсе не заметила — по цвету она сливалась со стеной. Размышлять над ситуацией, как и обижаться дальше было некогда — Дарио распахнул дверь и ждал, когда я выйду первой.

А дальше началось что-то невообразимое. С самого начала мы наткнулись на стену почти такого же дома, только выкрашенного в розовый цвет и местами облупившуюся. Дарио уверенно петлял по узеньким улочкам. Именно петлял, потому что повороты сменяли

друг друга. У меня голова закружилась от нависающих отовсюду стен и постоянной смены курса. Никогда бы не подумала, что застройка может быть настолько плотной. Дорожки между домами такие тесные, что идти по ним рядом невозможно. На велосипеде тут тоже вряд ли проедешь. Всегда думала, что самые беспорядочные и многонаселенные старые районы Одессы. Но Венеция переплюнула даже этот город.

К тому моменту, когда мы вышли на небольшой, но пустой, пяточок перед каким-то зданием, я уже практически ошалела и ничего не соображала.

— Такова Венеция изнутри, — засмеялся Дарио, заметив, как я озираюсь по сторонам. — Но тяжело только с непривычки. Я наоборот теряюсь на широких проспектах и не знаю, куда идти в первый момент. Наверное, поэтому люблю Лампедузу с ее простотой и неброскостью.

Дарио подошел ко мне и положил руку на плечо. Видно, я ему показалась чересчур уставшей или еще что похуже, потому что он расстроено произнес:

— Хочешь, можно посидеть на лавочке, пока ты не придешь в себя. Я дурак, не подумал, каково это с непривычки...

Он взял меня за руку и потянул в сторону одного из раскидистых деревьев, что росли по периметру площадки и служили естественным навесом из-за соприкасающихся друг с другом крон. Хотя запариться я не успела — несмотря на двадцативосьмиградусную жару, в этом городе было столько воды и тенистых мест, что временами становилось даже прохладно.

Под деревом я заметила лавочку, на которую с удовольствием опустилась, чтобы немного привести мысли в порядок.

— Ты случайно не собираешься упасть в обморок? — Дарио сел рядом и заглянул мне в лицо.

— С чего ты взял?

На самом деле я уже немного пришла в себя, дышать стало легче. Я даже осмелилась взглянуть в ту сторону, откуда мы пришли и снова подивиться обилию и разнообразию домов, которые, казалось, построены друг на друге.

— Наверное, ты жутко голодная, потому и почувствовала себя плохо, — вместо ответа произнес Дарио. — Сам виноват — хотел в первый день повести тебя в настоящий ресторан. Хотя сам не люблю их и хожу редко.

— Да, все в порядке... — попыталась вставить я слово, видя, как он расстроился.

— Надо было пойти в бокаро и не мудрить, — не слушая меня, продолжал Дарио. — Я всегда туда хожу. Но там не посидишь...

— Как это? — отчасти заинтересовалась я, но скорее задала вопрос, чтобы отвлечь его от собственной персоны.

— Там едят стоя у бара. У меня прямо возле дома есть такой ресторанчик, где вкусные закуски и шикарное белое вино. Я почти всегда там обедаю и ужинаю. Ты как? — Он снова посмотрел мне в глаза и выглядел так трогательно заботливым, что я не выдержала и рассмеялась.

— Да, нормально все! Перестань думать, что я сейчас рассыплюсь. И не такое видела, — соврала я, сама не зная зачем.

— Ну, раз так, тогда пошли, а то я тоже рискую свалиться в обморок от голода.

Дарио встал и подал мне руку. Он не отпускал меня, пока не усадил за столик возле окна, застеленный нежно-розовой скатертью. В тот же миг я забыла обо всем на свете —

установилась в окно, как зачарованная. За окном начиналась огромная площадь, а на ее задворках виднелось чудесное здание с фасадом из арок, расписанным картинами, и купольной крышей.

— Это наш оперный театр, — сказал Дарио.

А меня поразила даже не сама театр, хотя он и выглядел величественно, а площадь перед ним. Как может быть за нами теснота, а впереди такое пространство?! Не Нью-Йорк город контрастов, а Венеция, все больше в этом убеждалась. Сколько еще сюрпризов готовит мне сегодняшний день?

Я даже не нашла, что ответить. Хорошо, в этот момент подошел официант и подал нам два комплекта меню в массивных кожаных переплетах. Стоило раскрыть эту шикарную книжечку, как мне сразу же поплохело от цен на блюда, названия которых я не понимала. Еще до этого меня смутили хрустальные зеркала, развешанные по всему залу, массивные канделябры на каждом столе, приборы предположительно из серебра. Когда официант поставил передо мной и Дарио по комплекту тарелок, меня привлекла яркая расцветка. Я взяла самую маленькую в руки, чтобы рассмотреть получше. Восторг испарился, когда я прочитала надпись на обороте «hand made» — сделано вручную.

— Эти тарелки ручной работы? — уточнила я у Дарио.

— Здесь вся посуда такая. Визитная карточка ресторана. И столовое серебро тоже... — ответил он, увлеченно изучая меню.

Вот тогда мне перехотелось есть. Я поняла, что не могу себе позволить обед в таком ресторане. Денег у нас с Олесей было в обрез, хватало, чтобы кое-как дотянуть до возвращения на родину. Мы их разделили перед ее отъездом. На этот обед уйдет вся моя половина. Я решительно закрыла меню.

— Выбрала? — тут же спросил Дарио.

— Да... — начала я, придумывая, какую причину назвать, чтобы уговорить его уйти отсюда.

— Разрешите мне угостить тебя? — перебил Дарио. — На правах хозяина.

— Дарио... — опять попыталась я вставить слово.

— Не возражай, пожалуйста. — Он накрыл мою руку, нервно комкающую салфетку, своей. — Я хочу угостить тебя обедом в одном из лучших ресторанов Венеции. Хочу, чтобы ты запомнила это надолго.

Даже если я планировала настоять на своем, слушать меня не входило в планы. Дарио отвернулся и жестом пригласил официанта. Потом что-то говорил ему по-итальянски, на что тот либо кивал, либо отрицательно качал головой, все время улыбаясь.

— Я заказал нам рыбный суп Бродо ди пеше, Баккала мантеката, на гарнир Полента, — вежливо доложил мне Дарио. — И еще бутылку Мальвазии.

Из всех названий знакомым мне показалось только Мальвазия. Кажется, это белое сухое итальянское вино. Позже я выяснила, что суп из морепродуктов яркого шафранового цвета, Баккала мантеката — пюре из вымоченной соленой трески с оливковым маслом, чесноком и петрушкой, а Полента — обычная кукурузная каша, типа мамалыги, которую венецианцы варят очень крутой, остужают, нарезают на кусочки и обжаривают.

Аппетит мой вернулся сразу же, как только принесли суп с плавающими в нем креветками, кусочками кальмара и мидиями. Морепродукты — вообще моя слабость, правда, ем я их не очень часто. Когда подали второе, я поинтересовалась, ничего, что мы наедемся паштета с чесноком и запьем все это вином? Понравится ли это Пьетро? Дарио только

посмеялся над моими опасениями, заверив, что ничего особенного в этом нет. Его послушать, так от всех венецианцев постоянно разит чесноком. К тому моменту, как мы разлили остатки вина, и мне стало тяжело дышать от обжорства, о таких пустяках, как чесночно-алкогольный перегар, я уже не думала.

Когда мы выходили из ресторана, Дарио придерживал меня под локоть, видно, решил, что на ногах я держусь не очень уверенно. Мне и на самом деле хотелось вздремнуть, нежели ехать куда-то. Пришлось тут же напомнить себе, что приехала сюда не развлекаться.

Мы пересекли ту самую площадь. Оперный театр показался мне еще более величественным вблизи. Правда времени у нас оставалось в обрез. Мы обогнули старинное здание и вышли к небольшому причалу, который оказался своеобразной остановкой городского транспорта. Через пять минут причалил маршрутный кораблик под красивым названием «вапоретто». Я заняла место возле оконного проема без стекла и всю дорогу любовалась окрестностями, чувствуя, как сонливость улетучивается и появляется приятная легкость.

Солнце купалось в водах канала, и ветер приносил запах моря. Я задремала под приглушенный гул мотора. Разбудил меня голос Дарио:

— Наша остановка, — сказал он, тронув меня за плечо.

Не сразу сообразила, где я. А катерок уже причаливал к пустынной набережной.

— А где мы? — спросила я Дарио.

За полдня привыкла, что повсюду люди, разнообразные звуки сливаются в общий гам. А тут так тихо, что слышен плеск воды в канале. И вокруг никого.

— Это Каннареджо — самый северный и отдаленный от центра из районов Венеции, — пояснил Дарио, направляясь в ближайший проулок. — Здесь живут большинство венецианцев, а туристов наоборот мало. Тут еще не тихо, — улыбнулся он. — Вот в глубине квартала можно услышать шаги прохожего на соседней улочке.

Шли мы не долго. Вскоре Дарио свернул в узкий проулок, упирающийся в длинную лестницу с каменными перилами. Через трещины в ступенях пучками пробивалась трава. Откуда она только взялась в мире кирпича и бетона? Видно тесно ей там стало, под всем этим.

Мы поднялись по лестнице, которая заканчивалась деревянной резной дверью. Я чуть не рассмеялась, увидев, какие у них тут звонки. Посередине втиснутой в стену металлической полусферы маленькая кнопка, а сверху надпись полукругом с фамилией владельца квартиры. Таких звонков тут было восемь — по четыре в столбиках.

— Тут живет твой знакомый? — спросила я, когда Дарио нажал на одну из кнопочек.

— Нет. Тут его офис, а живет он недалеко отсюда.

Почти сразу дверь распахнулась, и на пороге появился папа Карло. По крайней мере, именно таким я его представляла, читая «Буратино» — невысокого роста, с брюшком и лысиной на макушке в обрамлении редких волос соломенного цвета. Он шумно нас приветствовал, расцеловался с Дарио и повел по темному коридору к такой же темной лестнице на второй этаж. С непривычки я ничего не видела и шла на ощупь, боясь споткнуться. Хорошо Дарио догадался взять меня за руку, иначе, точно навернулась бы вниз.

Примерно таким я ожидала увидеть офис Пьетро — тесным, захлавленным свитками, тетрадями, книгами и листами бумаги, с толстым слоем пыли на редких пустых поверхностях.

Дарио представил нас с Пьетро друг другу и сразу перешел к делу. Он достал из

портфеля сверток и протянул его последнему. Тот сначала освободил кусочек места на столе, просто сдвинув рукой все в сторону, отчего некоторые бумаги посыпались на пол. Пьетро даже не обратил на это внимания, положил сверток на освободившееся место и принялся бережно «распеленывать». Когда табличка предстала его глазам, мне показалось, что о нас он забыл и вовсе. Минут десять он ее рассматривал. Периодически брал в руки и подносил к лицу. Потом опять клал на стол и смотрел на нее издалека. Я уже решила, что он больше не заговорит сегодня, когда он резко разогнулся и повернулся к нам.

Диалог Пьетро с Дарио длился еще минут десять. Как всегда, я не поняла ни слова. Оставалось надеяться, что Дарио потом переведет. Каково же было мое удивление, когда он хлопнул Пьетро по плечу и сказал мне:

— Можно возвращаться.

— А?.. — Я показала на табличку и Пьетро, вернувшегося к ее изучению.

— Перевод будет послезавтра. Пошли, расскажу все по пути...

Когда мы спускались по обшарпанной лестнице, я не удержалась и обернулась, чтобы еще раз посмотреть на прикольные звоночки. Чего только не придумают люди! Такого я еще нигде не видела. Почему-то два столбика блестящих выемок с кнопками посередине напоминали мне соски у свиньи, отчего становилось смешно.

— Что тебя так развеселило? — спросил Дарио, видно, обратив внимание, что я улыбаюсь.

Пришлось рассказать правду, выдумывать что-то еще не было времени. Дарио так смеялся, что я даже пожалела о содеянном. Еще решит, что я глупая. Хотя, с каких это пор меня стало волновать, что может подумать обо мне Дарио? Я искоса бросила на него взгляд, и сама чуть не рассмеялась, заметив, как он вытирает слезы и продолжает хохотать. В конце концов, если бы не эта глупость, увидела бы я его смеющимся когда-нибудь?

— Фух!.. Ну, ты даешь! Я теперь только об этом и буду думать, глядя на звонки, — с трудом проговорил Дарио, все еще похохатывая между словами.

— Рада, что насмешила.

Мы подходили к остановке, а он так и не рассказал мне ничего. И вообще, похоже, думал Дарио о чем угодно, только не о нашей находке и о ее возможной важности.

Подошел кораблик, и мы заняли два свободных места. Мне опять досталось возле окна, вернее борта. Я демонстративно повернулась к Дарио, всем своим видом показывая, что готова внимательно слушать.

— Знаю, знаю, что ты умираешь от любопытства, — догадался он. — Только, мне пока и рассказать нечего. Пьетро сказал, что написано на каком-то древнем языке, которого он не знает. Он вообще больше по современным языкам... Сказал, что отнесет приятелю. Тот, как раз, специалист по древности. А так как сегодня Пьетро занят ужасно, как сам выразился, то сходить к приятелю сможет только завтра. Ну, а нам, соответственно, велел явиться послезавтра.

Дарио смотрел на меня с доброй улыбкой. Я же старалась не подать вида, как расстроилась. Опять задержка и неведение. Сколько еще это будет продолжаться? А если и приятель Пьетро нам не поможет? Как тогда узнать, что написано на этой злополучной табличке? Кому только пришла в голову мысль так запутывать следы?

— Не переживай. — Дарио обхватил одной рукой меня за плечи и привлек к себе. — Пьетро обязательно доберется до истины. Даже не представляешь, какой он упрямый.

Его лицо было так близко, что я чувствовала легкое дыхание на щеке и виске. Невольно

повернулась и посмотрела на его губы. Сразу же по телу побежали предательские мурашки, а в голове зародилась мысль, что эти губы сейчас поцелуют мои. Догадку подтвердили увлажнившиеся глаза Дарио, больше похожие на два черных омута с такого близкого расстояния. Вдруг почувствовала безотчетный страх, предчувствие, что этого не должно случиться. Я пошевелилась в попытке высвободиться, отворачиваясь к окну. Дарио правильно понял мою попытку и выпустил плечи, убрав руку. Какое-то время я не смотрела на него, делая вид, что разглядываю окрестности. Он тоже молчал, за что я была ему благодарна. Очень напрягала интимность, что временами проскальзывала между мной и им в последнее время. Этого быть не должно!

Постепенно я отвлеклась. Вапоретто слегка покачивало, с канала дул влажный ветер, охлаждая разгоряченные щеки. Солнце приближалось к горизонту. Чем ниже становилось оно, тем дальше отступала тревога, нахлынувшая на меня. Хотелось ни о чем не думать, а просто наслаждаться моментом. Подумать только, я в Венеции! О таком я даже помыслить не могла раньше. И вообще, как изменилась моя жизнь за последние недели! Только сейчас я осознала, что стала другим человеком, мыслящим по-новому. Внезапно нахлынула приятная грусть. Я думала, что все время в моей жизни был человек, которого я узнала только после смерти. Дед Михаил. Как бы я хотела, чтобы он сейчас оказался жив. Поговорить с ним, услышать его версию того, в чем я сейчас пыталась разобраться. Не верю, что он был плохим. Возможно, просто немного запутавшимся в жизни. Но точно не плохим!

Я почувствовала, как глаза наполняются слезами сочувствия к одинокой судьбе, какую, я считала, прожил дед. Чтобы Дарио не заметил, я сильнее отвернулась к окну. Но это не помогло.

— Люда, что случилось?

Дарио взял меня за руку и потянул в свою сторону. Я лихорадочно моргала, чтобы прогнать слезы, но две из них все же выкатились и проложили мокрые дорожки на щеках в тот момент, когда я повернулась к Дарио.

— Ты плачешь? — потрясенно проговорил он. — Я тебя обидел?

— Нет, конечно, — затрясла я головой, больше от желания успокоиться, чем доказать свою правоту. — Просто... Просто мне жалко деда.

И еще по две упрямых слезы выкатилось из моих глаз. Наверное, нервы сыграли роль, расшатала я их в последнее время.

— Не жалея его. Микаэль прожил такую жизнь, которую выбрал сам. Думаю, он был счастлив.

Вряд ли... Думаю, он хотел быть счастливым, а был ли?.. Теперь уже на этот вопрос никто не сможет ответить.

— А ты знаешь, что Венеция состоит из ста восемнадцати островов в одной лагуне? — решил сменить тему Дарио.

— Слышала, но не знала, что их так много, — откликнулась я, все еще во власти грусти.

— Все они соединены мостами, которых больше четырехсот, — улыбнулся Дарио. — А еще Венеция считается одним из самых безопасных городов Европы. И мы подплываем к площади Сан Марко, чтобы выпить кофе с пирожными в знаменитом кафе возле Старых и Новых прокураций.

Я поняла, что он специально тараторит, чтобы отвлечь меня, и была ему благодарна. Все-таки хороший он человек, добрый.

Кораблик причаливал к набережной, за которой сразу начиналась площадь.

— Сколько тут голубей! — невольно воскликнула я, наблюдая, как птицы крутятся у ног туристов и парят вокруг них.

— Видимо невидимо, — согласился Дарио, помогая мне сходить на берег. — Только советую не обращать на них внимания, иначе потом не отвертишься. Они будут садиться на тебя, как на елку — и на плечи, и на голову, а согнать их не так просто. Делай вид, что не замечаешь их.

Не желая быть атакованной этими гостеприимными и общительными хозяевами площади, я последовала совету Дарио — шла, смотря куда угодно, только не на птиц. Невольно обратила внимание, что кругом слышна русская речь.

— Такое чувство, что я в России, столько тут русских, — засмеялась я.

— Значит, и тебя мой город не оставит равнодушной, — отозвался Дарио, и голос его прозвучал очень серьезно. Как-то не вписывался он в легкомысленную суету пернатых, царящую вокруг.

— Ты говорил, что это кафе знаменито. Чем? — спросила я, когда мы подошли к небольшому зданию со столиками на улице.

— Кафе Флориан не просто знаменито, но и, пожалуй, самое популярное в Европе. Тут любили посидеть за чашкой кофе Гете и лорд Байрон, Руссо, Хемингуэй, Бродский...

Он помог мне устроиться за столиком. Звучала скрипка, но скрипача видно не было. Настроение мое стремительно улучшалось, так радовала глаз царящая вокруг красота и чистота.

— А еще сюда заходил Казанова. Естественно не один. — Рассказывая, Дарио подозвал официанта и сделал заказ. — А знаешь, он ведь не только дам любил. Еще больше он любил родной город. В этом мы с ним похожи, — засмеялся он.

— А в остальном? — не выдержала и подколола я.

— Ты о дамах? Ну, как тебе сказать?.. Я же не слепой, и красоту подмечаю в любом воплощении. Только не всякая меня трогает. — Дарио замолчал, а я в который раз поклялась отрезать себе язык. Он так смотрел, что по моей дурацкой коже опять забегали мурашки. Его черные глаза прожигали насквозь. — Тобой я готов любоваться часами. — Повисла пауза. — И, кажется, не я один...

Если до этого я старалась избегать смотреть на него, то последняя фраза привлекла мое внимание. Взгляд Дарио был обращен к входу в кафе. Я проследила за ним и чуть не упала со стула. У входа стоял Алессандро и в упор смотрел на меня. За ним, как обычно, высились его амбалы.

Глава 22. Вторжение

Повисла немая сцена, как в плохом кино. Время остановилось, словно давая возможность рассмотреть непрошенного гостя. Алессандро, в черном костюме, с руками в карманах и темных очках, смотрелся впечатляюще. Не только мой и Дарио взгляды были прикованы к нему, а и всех остальных посетителей в кафе. За очками я не видела его глаз, но не сомневалась, что смотрит он на меня. Дарио молчал, как назло. Я только чувствовала, как накаляется воздух вокруг него. Еще немного и посыпятся искры. Очень некстати вспомнился случай на дне рождения Олеси, когда Алессандро вот так же явился, и Дарио исчез, пользуясь случаем. Надеюсь, он не собирается проделать то же сейчас? Нужно, кстати, спросить, почему он тогда ушел, даже не попрощавшись. Хотя, тогда мы еще не были так близко знакомы. А сейчас? Мы знакомы близко? Эта мысль отвлекла меня от Алессандро, и я не зафиксировала момент, когда он двинулся в нашу сторону.

— Добрый вечер, — произнес он, подойдя к нашему столу. — Разрешите?..

Легким кивком головы он отправил охрану за соседний столик, а затем выдвинул стул и уселся за наш, не дожидаясь разрешения. Хотя я и не видела его глаз, но могла представить их выражение. Губы Алессандро уже кривила привычная ухмылочка. В душе росло раздражение, как всегда при встрече с ним.

— Что ты здесь делаешь? — спросила я в лоб.

Убеждение, что он оказался тут не случайно только росло. Не верила я в такие совпадения.

— А ты как думаешь?

Алессандро смотрел на меня в упор. Он снял очки, потому что на улице уже темнело. Я видела, как блестят холодной сталью его глаза. Но лучше уж так, чем дурацкая усмешка. На Дарио он не обращал внимания, словно за столом мы находились одни. Тот тоже продолжал хранить молчание, рассматривая меня же. Под двумя перекрестными взглядами я чувствовала себя преступницей.

Не хочет же он сказать, что приехал требовать долг? Как же наивно я полагала, что хоть раз оставлю его с носом. Этот человек не привык проигрывать. Для него не существовало преград.

Я не знала, что сказать. Сковывала неловкость перед Дарио, что испортила такой замечательный вечер. Не хотелось посвящать его в наши отношения с Алессандро. Да и отношениями это трудно назвать. От сознания, что кто-то позволяет себе играть со мной, как кот с мышью, становилось противно. Чувство гадливости росло. Если бы я могла, то встала бы из-за стола и ушла. Сейчас я хотела оказаться одна. Но куда я могу пойти? С моими деньгами даже гостиницу на ночь снять не получится.

Я повернулась к Дарио в невольной попытке найти поддержку, но наткнулась на холодный мрак в его глазах. Сейчас он мне напомнил Алессандро — тот чаще всего именно так и смотрел. Злость накатила волной. Почему от меня все время что-то требуют?! С чего они оба взяли, что я им чем-то обязана?!

— Что тебе нужно? — спросила я, в упор глядя на Алессандро. Всю злость выплеснула в этом коротком вопросе.

— Завтра в восемь я за тобой заеду. Пожалуйста, не задерживайся.

Плевать он хотел на мою злость. Намерен получить свое, как всегда. Уверен, что я сделаю так, как он требует.

— А если нет? — с вызовом спросила я.

— Подумай хорошенько, надо ли тебе это?

Больше он не сказал ни слова. Спокойно встал из-за стола, придвинул стул и направился к выходу. Дрессированная охрана последовала за ним, сохраняя дистанцию.

Я смотрела на пирожное, утопающее в воздушном креме, которое только что принес официант вместе с дымящимся кофе. Жаль попробовать этот шедевр не смогу. Алессандро умудрился до такой степени испортить настроение, что вид пирожного вместо аппетита вызывал тошноту. Вечер был окончательно испорчен. Хотелось поскорее уйти отсюда, спрятаться от всех и спокойно подумать.

— Не хочешь рассказать? — заговорил Дарио, впервые с момента появления Алессандро.

— Не хочу. — Я продолжала тупо разглядывать пирожное и вдыхать кофейные пары.

— Люда, посмотри на меня.

Я нехотя подняла глаза на Дарио. Он выглядел таким расстроенным, что мне стало его жалко.

— Не обращай внимания. Я просто кое-что обещала Алессандро и не выполнила. А то, что он так себя ведет... Думаю, он привык приказывать всем вокруг.

— Что ты ему обещала? — вновь спросил он.

Я поняла, что Дарио не успокоится, пока я ему все не расскажу. Не очень хотелось возвращаться в те дни, пусть и в воспоминаниях. Но делать нечего — пришлось рассказать ему, как нам помог Алессандро и что потребовал взамен.

— И что ты решила? — после непродолжительной паузы, последовавшей за коротким рассказом, вновь заговорил Дарио.

— Пойду, наверное... Иначе будет еще хуже.

— Ты вправе этого не делать, если сильно не хочешь. Заставить он тебя не сможет, да и я рядом.

В тот момент я поняла, что решение созрело само. Я даже не дала себе шанса поупрямиться, мысленно согласившись провести с Алессандро завтрашний день. Я сделала это еще до того, как он заговорил и потребовал должок. Несмотря на неприятие, я была рада видеть его. Эта мысль шокировала до такой степени, что я забыла о Дарио, ожидающего от меня ответа. Рука машинально нащупала чашку, и я глотнула обжигающего напитка, чтобы немного прийти в себя.

— Ты хочешь этого, да? — В голосе Дарио прозвучала грусть. — Ну что ж... Завтрашний день у тебя свободен. Я займусь делами, пока тебя не будет.

— Дарио...

— Все в порядке, — улыбнулся он, и получилось у него это до слез трогательно. — Ты не обязана отчитываться передо мной. Я хочу, чтобы ты завтра была со мной, но не имею права этого требовать.

Почему мне так стыдно, будто планирую совершить подлость? Домой мы шли пешком, и всю дорогу Дарио мне что-то рассказывал. Правда смысл все время ускользал. Я думала о том, что веду себя с ним недостойно, что отплачиваю грубостью за все то хорошее, что он делает для меня. С другой стороны, ничего особенного я не делала. А в том, что хотела провести завтрашний день с Алессандро, не признавалась даже самой себе. Да и дол

платежом красен.

— Я лучше пойду в свою комнату, — ответила я на предложение Дарио что-нибудь выпить перед сном.

Но в комнату не пошла, а заперлась в ванной. Сразу же пустила воду в джакузи. Необходимость полежать в пене и расслабиться преследовала меня с момента приезда. Я поняла, насколько вымоталась за этот бесконечный день. Столько всего произошло. Масса впечатлений давила на мозг. В чувствах наблюдалось разброд шатание. Необходимо какое-то время ничего не делать и ни о чем не думать, чтобы привести эмоции в порядок.

Расслабиться получилось до такой степени, что я чуть не уснула в ванной. Очнувшись от того, что увидела строгое лицо Лизы. Она хмурила брови, словно собиралась меня отчитать. Я поняла, что далекая родственница пытается меня предостеречь от утопления. Вода к тому времени совсем остыла и неприятно охлаждала кожу. Не мешкая, я выбралась из ванны и принялась до красноты растирать кожу полотенцем. Еще не хватает заболеть в разгар лета.

С опозданием сообразила, что не прихватила с собой ничего из чистой одежды. Правда, на вешалке висел халат, наверное, Дарио, судя по огромным размерам. Ничего, накину его, чтобы дойти до комнаты. А потом верну в ванную, на случай, если Дарио тоже захочет принять душ. Волосы не стала заматывать полотенцем, гладко расчесала и оставила сохнуть.

Путаясь в длинных полах халата, я едва не упала, споткнувшись о порожек, когда выходила из ванной. Тут же оказалась в объятьях Дарио.

— Решил проверить, все ли у тебя в порядке. Ты так долго не выходила...

Он не выпускал меня, так и продолжал удерживать за плечи. Я видела, как пульсирует жила у него на шее и чувствовала, как мое сердце бьется в унисон. Посмотрела на его лицо и заметила лучики морщин в уголках глаз, проступающую щетину и губы, складка вокруг которых почему-то показалась скорбной. Интересно, какие у него губы? Дурацкая мысль! И сама я не очень умная, раз думаю о таких вещах. И все-таки, какие они на вкус? Мягкие или жесткие, каким кажется весь облик Дарио? Я представила, как они касаются моих губ, и не выдержала — закрыла глаза от нахлынувшего удовольствия.

Рука Дарио легла мне на щеку. Большим пальцем он погладил уголок губ, заправил мокрую прядь за ухо. Все это время я стояла с закрытыми глазами и не двигалась. Его касания были так приятны, что мучительно хотелось большего. Он переместил руку мне на затылок. Действовал медленно, словно боялся, что в любой момент я могу оттолкнуть его. Но делать этого не собиралась. Дикое, эгоистическое желание получить небольшую порцию удовольствия захватило меня.

Я открыла глаза и посмотрела на его подбородок. Представила, как глажу его по мощной шее сверху вниз, до ключичной впадины, где блестит тонкая золотая цепочка, на которой, как я знала, висит маленький крестик. Снова посмотрела на губы. Хотелось попросить: «Поцелуй меня», но я ждала, когда Дарио сам решится на это.

Он взял меня за подбородок и заставил посмотреть себе в глаза. Я прочитала в них вопрос: «Можно?» Видно, мой взгляд ответил ему сам, потому что в следующее мгновение я почувствовала, наконец, вкус его губ. Нежные и страстные одновременно, они пахли кофе с легкой примесью спиртного. Я вся отдалась поцелую, стараясь не думать больше ни о чем. Дарио целовал неторопливо, словно исследовал меня. А может, боялся показаться грубым. Неважно. Главное, что мне было безумно приятно, именно так, как в фантазиях до этого.

Он оторвался от моих губ и заскользил своими по шее, стягивая халат с одного плеча и целуя его. Я по-прежнему хотела большего, мечтала о пике наслаждения. Но противная

мысль, что так нельзя, что я обманываю этого хорошего человека, пульсировала и мешала получать удовольствие. Когда Дарио перешел на другое плечо, и я поняла, что вот-вот останусь без халата, пришла пора действовать, хоть я и ненавидела себя и весь мир в данный момент. Себя за то, что даю ложную надежду и иду на поводу у мимолетной прихоти, а весь мир — за то, что не имею морального права так себя вести, что такое поведение осуждается в обществе.

Я перестала обнимать его за шею и натянула халат обратно. Поцелуй прервался сам собой. Дарио ничего не спросил. Наверное, опять прочитал ответ в моих глазах. Все началось странно, длилось несколько минут и закончилось так же странно. Я боялась увидеть осуждение в его глазах, но ничего подобного там не было. Доверие, уважение, доброта и... благодарность. И это далеко не все чувства из того, что выражал его взгляд.

— Я сейчас повешу халат на место, — сказала я первое, что пришло в голову. Главное не молчать, чтобы не вернулась интимность, которую мы вместе так лихо преодолели.

— Не торопись. Я еще поработаю...

Я лежала в кровати и слушала, как вода бьется об воду. Дождь полил внезапно и не стучал привычно о дождевые сливы и асфальт, а пополнял огромный резервуар. Ни молнии, ни грома... Ничего, что сопутствует ливню, не было. Как будто тучи решили сбросить лишнюю влагу, накопленную за день. Они собрали ее в миллион ведер и теперь выливают на землю.

Странные ощущения я испытывала: предчувствие чего-то хорошего, стеснение за непонятное счастье и послевкусие от поцелуя с Дарио. Последнее я все время прокручивала в голове по новой, пока сон не сморил меня.

Проснулась я от звонка мобильного. Олеся изменила своим принципам экономии и звонила мне в дорогущем роуминге, хоть мы и договорились этого не делать.

— Люська, у тебя все в порядке? — без приветствия заорала она в трубку.

— А у тебя? — вторила я спросонья.

Я еще даже не поняла окончательно, что происходит, и жутко испугалась.

— Ты мне так плохо приснилась, будто тебя медленно убивают, режут ножом. А ты должна раскрыть им какую-то тайну...

— Кому им-то?

— Откуда я знаю, это же сон! — возмутилась Олеся. — Быстро говори, все ли у тебя в порядке. Деньги капают.

— Все хорошо, не считая того, что ты звонишь в пять утра.

Я уже успела посмотреть на часы и окончательно проснуться. Голос Олеси всегда действовал на меня, как шоковая терапия. Рассказывать, где я, не собиралась. Экономия должна быть экономной. Олеся успокоилась, сообщила, что у нее все «тип-топ» и отключилась. Больше чем уверена, что поговорив со мной, она отвернулась на другой бок и тут же уснула. Я же проворочалась в постели до семи утра и встала, чтобы успеть привести себя в порядок перед вынужденным свиданием.

Одеться решила практично. Минимум откровенностей сверху и максимум удобства снизу. С удовлетворением оглядела себя в зеркале — белая футболка и бежевые шорты как раз то, что нужно для предстоящего... не знаю чего. Свидание из-под палки? Вряд ли, раз я сама этого хочу. Долг чести, и того менее вероятно, так как еще вчера я собиралась его нарушить. Назову это вынужденной необходимостью. Соломенная сумка и солнцезащитные

очки в пол лица дополняли наряд, делая его менее спортивным.

Спускаясь вниз, я заглянула в гостиную. Дарио сидел за столом и что-то писал. Хотела было окликнуть его, но потом передумала. Скорее всего, он слышал, как я шла по лестнице и открывала дверь. Раз не смотрит, значит, не хочет. И навязываться я не стану.

Ровно в восемь я выходила из дома. Небольшой катер разглядела в двери-окне нижнего холла. Какая пунктуальность! Сердце екнуло и забилось быстрее. Его удары отдавались в ушах. Я поняла, что волнуюсь перед предстоящей встречей. На негнущихся ногах пересекала небольшой дворик. Алессандро помог мне перебраться на катер. Сама бы я не смогла, ноги начали противно дрожать, как перед публичным выступлением. Кроме нас и седоусого водителя в бескозырке на борту больше никого не было.

— А где же твои ребятки? — спросила я лишь бы что-то спросить. На самом деле этот вопрос меня волновал меньше всего. Гораздо больше занимала тема, куда мы отправимся и чем займемся.

— Остались дома. — Алессандро указал мне на пластиковое кресло, а сам устроился в соседнем, так близко, что я невольно касалась его рукой, если пристраивала ее на подлокотнике. В итоге, пришлось сложить руки на коленях, как прилежной ученице пансионата благородных девиц. — Тебе их не хватает?

— Просто странно видеть тебя одного.

— Не так уж часто мы и видимся.

Разговор рисковал перерасти в обмен бессмысленностями или, что еще хуже, колкостями. Не хотелось начинать день с ругани, поэтому я благоразумно умолкла, отвернувшись от Алессандро и разглядывая воду, бьющуюся о борт катера. Мимо проплыла гондола, и я залюбовалась черным блестящим корпусом и красными бархатными сидениями внутри. Наверное, спешит за пассажирами, вон как гондольер лихо орудует веслом.

— Извини, что не приехал за тобой на такой же, — раздался рядом с ухом голос Алессандро. — Не разделяю романтических бредней приезжих и не считаю эти посудины транспортом.

— А, по-моему, очень даже романтично.

Я бы хотела прокатиться на настоящей гондоле. Это было бы по-настоящему по-венециански. Но, видно, Дарио в этом вопросе разделял мнение Алессандро, выбирая более удобный вид транспорта. Скорее всего, гондолы пользовались популярностью больше у туристов.

— Что ты называешь романтикой? Что, несмотря на светофоры и дорожные знаки, гондольер перед перекрестком кричит на весь квартал, как рыночная торговка, чтобы не столкнуться с каким-нибудь катером? Что когда он не справляется с управлением, отталкивается от стен домов ногой? Куда уж романтичнее...

— Иногда они напевают баркаролу.

— Ну, да... И мало кто из них умеет это делать сносно. Обычно их пение похоже на коровье мычание.

— Просто ты скептик, — исчерпала я аргументы.

— Я прагматик и сужу о вещах, опираясь на собственные впечатления. А Венецию не люблю за ее показушность. Здесь зарабатывают на туристах. Номер в клоповнике стоит в три раза дороже, чем в современном отеле, к примеру, в Берлине. С похолоданием растут цены на поездку в той же гондоле. Это просто бизнес, который на нет сводит окружающую красоту. Из-за этого, лично мне кажется, что здесь нет жизни. В том же Местре, где живут

все те, кто днем работают тут гондольерами или продавцами, жизни больше.

— Местре? — не поняла я.

— Это большой промышленный город совсем рядом с Венецией, только вряд ли ты его увидишь на рекламных проспектах или открытках. Там работают заводы, дымятся трубы, кипит настоящая жизнь.

— Зато здесь красиво, чтобы ты ни говорил.

— Красота может быть более естественной. И скоро ты в этом убедишься.

Я украдкой взглянула на Алессандро. Он выглядел расслабленным и серьезным одновременно. Кто бы мог подумать, что один из самых романтических городов на земле может вызывать столько негатива? Дарио живет здесь и то, уверена, так не думает. Скорее всего, у Алессандро какие-то свои счеты с Венецией. Не может такая красота оставить кого-нибудь равнодушным, даже несмотря на все те недостатки, что он перечислил. Моего отношения это точно не изменило.

— Куда мы едем? — спросила я, хоть этот вопрос меня и не особо волновал. Захотелось привлечь его внимание, которое он переключил на телефон. Листает книгу в поисках чьего-то номера.

— Скоро узнаешь, — ответил Алессандро, не глядя на меня. Он нашел нужный номер и нажал кнопку вызова. Потом последовал минутный разговор, во время которого он давал кому-то указания. Об этом говорил его властный и безапелляционный тон. — Туда, где ты сможешь просто отдохнуть, ничего не делая. Ты ведь в отпуске? — спросил он, на что я просто кивнула, недоумевая, к чему он клонит. — А почему не отдыхаешь? Чем ты занята, Люд-ми-ла? Это нам тоже предстоит обсудить.

Глава 23. Долг платежом красен

Что Алессандро хотел сказать последней фразой? На что намекает? У нас нет общих дел, которые мы могли бы обсуждать. Значит ли это, что я, наконец, узнаю характер его интереса ко мне?

Нехорошие предчувствия закрались в душу. Вот, значит, для чего я ему понадобилась на целый день? Корыстный интерес. Он такой же, как Марко, только более уравновешенный и влиятельный. Вернее, богатый. Человек, который вырос с уверенностью, что за деньги можно купить все.

Шальная мысль пришла в голову, что все усилия Алессандро напрасны. Он думает, я что-то знаю. Если бы... Ничего тебе тут не обломится. Я усмехнулась, радуясь, что он не может этого видеть. В этот момент он опять говорил с кем-то по телефону и на меня не обращал внимания.

Мы выехали за город. Катер уверенно рассекал море. Я, как зачарованная, смотрела на мощные струи, вырывающиеся из-под небольшого судна. Внезапно подумалось, что в последнее время я перестала управлять собственной жизнью. Тоска по былой беспечности, пусть и скучноватой порой, но стабильной, понятной, защемила сердце. Наверное, я уже никогда не буду жить так, как раньше. Все изменилось в тот момент, когда я вынула злополучное письмо из ящика. Эх, деда Миша... Жаль я не узнала тебя раньше. Какой бы была моя жизнь тогда? Но даже после смерти, тебе удалось изменить ее до неузнаваемости.

— Интересно, все русские такие?

Я вздрогнула от неожиданности. Алессандро уже какое-то время молчал и сосредоточенно рассматривал меня.

— Какие такие?

— Неулыбчивые и вечно чем-то озабоченные. А еще напряженные. Ты посмотри на себя. Сидишь с неестественно прямой спиной, пытаешься что-то разглядеть у линии горизонта. Расслабься. — Алессандро принялся массировать мои плечи и шею. — Откинься, тут есть спинка. Позволь себе ни о чем не думать, когда есть такая возможность. — Он провел рукой вдоль моего позвоночника, а потом насильно притянул к спинке сидения.

Только одного он не учел — такая я в его присутствии. Только с ним я ни на минуту не могу потерять бдительность. Он заставляет мой мозг работать с удвоенной нагрузкой.

— Твои улыбки на вес золота и каждое слово стоит денег, — продолжал Алессандро. — Мне иногда кажется, что легче разговорить слона, чем тебя, — усмехнулся он. — Ты всегда такая?

— Только тогда, когда надо мной издеваются или заставляют делать то, чего я не хочу?

— Такое впечатление, что ты все время в маске, — проигнорировал мой всплеск Алессандро. — За время нашего знакомства ты всего один раз проявила эмоции — в нашу первую встречу.

Я почувствовала, как щеки заливают краска стыда. Только он мог так безжалостно напомнить о позоре, который я пыталась забыть. У меня почти получилось, я уже не вспоминала тот случай каждый раз при нашей встрече. А сейчас я словно заново оказалась перед ним голой.

— Тогда ты была настоящей — злой и прекрасной, — рассуждал он, делая вид, что не

замечает моего румянца во все лицо. Оно уже было не просто красным, а пылало. Хотелось окунуть его в прохладную воду, чтобы остудить. — Ты так бушевала, что мне даже стало неудобно за свою выходку...

— Перестань! — невольно закричала я, поворачиваясь к нему всем корпусом и вцепившись в поручни. — Хватит напоминать об этом. Неужели не понимаешь, насколько это неприятно?

Он замолчал и с улыбкой разглядывал мое лицо. Он даже не пытался скрыть выражение удовлетворенного любопытства.

— Вот такая ты мне нравишься больше. Сейчас ты живая, а не прячешься под маской равнодушия.

— Ты специально провоцируешь меня все время? Тебе нравится злить людей? Удовлетворяй свои низменные потребности на Орнелле, а меня оставь в покое.

Как бы абсурдно это не звучало, мне хотелось крикнуть водителю: «Остановите, я выйду здесь!» Злость и обида переполняли. Каждый раз Алессандро выводил меня из себя. Обычно я старалась держаться, но видно сегодняшняя капля переполнила чашу моего терпения. И нервы, без того натянутые до предела, не выдержали. Я почувствовала, как глаза наполняются слезами и резко отвернулась. Еще не хватало расплакаться перед ним!

Я кусала губы, пытаюсь не дать слезам пролиться. Хорошо же начался день. Как ни старалась уйти от конфликта, он все же разгорелся и в самом начале. Хотелось вернуться обратно, к спокойному Дарио, рядом с которым все просто и понятно. Алессандро же меня напрягал до предела, вынуждая делать и говорить глупости.

— Кто такая Орнелла?

Он даже не попытался меня успокоить. Вместо этого продолжает задавать идиотские вопросы. Только тут я сообразила, что умудрилась ляпнуть. Зато слезы моментально высохли.

— Никто, — затрясла я головой, не желая смотреть на него.

— Людмила, кого ты назвала Орнелой? — допытывался Алессандро, пытаюсь заглянуть мне в лицо, которое я старательно прятала, так что рисковала вывихнуть шею.

— Ты имеешь в виду Франческу, с которой видела меня несколько раз?

Вот, значит, как ее зовут? Да хоть Жозефина, все равно для меня она останется Орнелой.

— Это моя старинная знакомая. Она любезно соглашается скрашивать мое одиночество, когда приезжаю на Лампедузу. А ты, значит, ревнуешь?

— Еще чего! — Я опять резко развернулась в его сторону. — Мне без разницы, кто там рядом с тобой крутится.

Ох уж эта его усмешка! Размазать бы ее по его лицу, да так, чтобы до кровавой кашицы. До такой степени она меня выбешивает, что аж руки чешутся.

— Точно, ревнуешь, — кивнул он. — Неужели я тебе нравлюсь?

— Ты слишком много возомнил о себе, — по слогам произнесла я. — Не допускаешь мысли, что в мире остались женщины, которым ты можешь не понравиться?

— И ты — одна из них? — как-то слишком вкрадчиво спросил он.

Ответить я не успела — в следующий момент Алессандро поцеловал меня. От неожиданности я ответила на поцелуй. А потом мою голову снесло ураганом эмоций. Я просто забыла обо всем на свете.

— Точно, нравлюсь, — сказал Алессандро мне в губы, перестав целовать.

— Да, иди ты!.. — ответила я по-русски, что есть силы оттолкнув его от себя. — Дурак, какой-то.

Он чуть не упал с кресла, то ли от смеха, то ли толчок был такой силы. Алессандро так смеялся, что я невольно заразилась от него, чувствуя, как губы кривятся в улыбке. Неизвестно почему настроение резко поползло вверх, и предстоящий день перестал казаться кошмаром.

— Такой ты мне нравишься больше, — отсмеявшись, сказал Алессандро. — Сейчас ты живая.

— Скоро мы приедем? — решила я сменить тему, опасаясь очередной ссоры.

— Скоро, минут через пятнадцать.

И все-таки интересно, куда он меня везет? Что это за место, где можно по-настоящему отдохнуть, как он утверждает?

Вскоре я разглядела берег, к которому и направился катер. Алессандро опять давал кому-то распоряжения по телефону. А я наблюдала, как небольшая тоненькая полоска на горизонте растет, превращаясь в пляж с коричнево-золотистым песком.

Катер остановился возле длинного причала. Хотя мы и плыли не больше сорока минут, меня немного качало, когда вышла на сушу. Песок мягкий и приятно горячий. Правда, идти по нему в балетках неудобно, он все время норовит залезть внутрь. С удовольствием сняла тесную обувь и при каждом шаге погружала ноги в ласковую сыпучесть. Алессандро последовал моему примеру и тоже снял сандалии.

Мы подошли к небольшой, но довольно крутой лестнице на травяном склоне горы. Обуваться я не стала, так и пошла босиком по бетонным ступеням, которые показались непривычно твердыми после песка и более горячими. По мере подъема взгляду открывалась сначала серая треугольная крыша, а потом и сама белоснежная двухэтажная вилла.

Такой красоты я еще не видела. Перед виллой простиралась стриженная лужайка. В белоснежной беседке стоял накрытый стол. Чуть поодаль шелестела вода в большом альпинарии из камней с экзотическими цветами. Раскидистые деревья создавали повсюду естественную тень и прохладу. Но даже не это поразило меня сильнее всего. Теперь я поняла, что показалось мне странным еще на пляже. Виллу с трех сторон окружали густорастущие сосны, настоящий лес. Именно запах хвои в сочетании с морским создавал неповторимый аромат.

— Боже мой! — В этом возгласе вылились все чувства, что я испытала в тот момент. Всего одно место на земле вызывало во мне подобные эмоции — домик деда на скале.

— Город называется Лидо ди Езоло, — сказал Алессандро, останавливаясь рядом со мной. — Пока еще здесь больше итальянцев, чем туристов. Всего тридцать пять километров от Венеции, но ты поймешь, насколько здесь спокойнее. Скорее всего, ситуация будет быстро меняться, туристы пронюхают и про это райское местечко, но пока тут можно окунуться в тишину. — Алессандро взял меня за руку. — Пойдем, выпьем чего-нибудь прохладного и позавтракаем.

По дорожке, выложенной цветной плиткой в виде мозаики, мы дошли до беседки. Невидимая заботливая рука сервировала стол по высшему разряду. В высоких бокалах нас ждал коктейль с прозрачными кубиками льда. Аппетит разжигал салат из морепродуктов в большом блюде посередине стола. В тарелках дымился пышный омлет. Круассаны выглядели неестественно румяными и воздушными.

— Налетай! — скомандовал Алессандро, первый усаживаясь за стол и принимаясь за

омлет.

Я последовала его примеру, почувствовав, как сильно умудрилась проголодаться. В конце концов, вчера по его милости я осталась без ужина.

— У меня созрел тост, — оторвал меня Алессандро от поглощения салата. С омлетом, к тому времени, я уже успела справиться. Он был такой вкусный, что съела его, не заметив как. — За наш первый совместный завтрак! — Алессандро прикоснулся своим бокалом к моему.

Что происходит с моим бедным сердцем? Оно пропустило удар от внезапно нахлынувшего чувства. Ведь ничего особенного не сказал и не сделал. Один шуточный тост. Он и произнес его, как шутку. Почему тогда я так разволновалась, словно услышала какой-то скрытый интимный подтекст?

Я поднесла бокал к губам и медленно пила прохладную жидкость с примесью мяты и лимона. Чувствовала, что Алессандро смотрит на меня, и боялась встретиться с ним взглядом. Боялась того, что он может прочесть в моих глазах.

— Сколько тебе лет? — спросил Алессандро.

Ну, что он за человек! Испортить такой момент нелепым вопросом! И кто спрашивает женщину о возрасте? Вот что мне ему ответить? Врать глупо. Зачем обманывать саму себя, прежде всего. Говорить правду стыдно, все-таки тридцатник, как ни крути. А какое число мне было бы не стыдно назвать? Двадцать, двадцать пять?..

— Тридцать, — поторопилась ответить, чтобы и дальше не накручивать себя. Не дай Бог еще совру.

— А мне тридцать шесть. Идеальная разница, не находишь?

Да что со мной?! Откуда взялась эта непонятная робость, что я не могу даже уточнить, идеальная разница для чего? Наверное, все дело в том, что боюсь услышать очередную колкость. От такого, как Алессандро, хорошего ждать не приходится.

— Не задумывалась об этом, — выпалила я и опять припала к коктейлю, пока не допила его до дна.

Вопросы на этом не закончились. На протяжении всего завтрака Алессандро меня расспрашивал о моей семье, работе, увлечениях. Это больше смахивало на допрос с пристрастием. Приходилось отвечать, хоть некоторые вещи и трудно было объяснить. Например, в чем заключается работа менеджера по рекламе, почему до этого ни разу не была за границей. Сказывалась разница в менталитетах и среде обитания. Мы как будто на разных полюсах находились.

Постепенно неловкость прошла, и я с охотой принялась рассказывать о себе. Мне даже интересно стало наблюдать за его реакцией. Например, когда я сказала, что больше всего люблю есть борщ, то пришлось в подробностях рассказывать Алессандро, что это такое. Он слушал так внимательно, будто готовился стать поваром и собирал рецепты со всего мира.

— Наверное, вкусно? Приготовишь как-нибудь?

Этот вопрос опять поставил меня в тупик. Еще около двух недель, и я его никогда больше не увижу. Второй раз за сегодня мое глупое сердце повело себя непредсказуемо. От мысли, что я скоро уеду, и мы расстанемся навсегда, мне стало по-настоящему плохо. Завтрак запросился обратно. Я усиленно задышала глубже, чтобы прогнать состояние тошноты. Прошло, но тоска, казалось, поселилась навечно. Вынуждена была признаться себе, что встреч с Алессандро будет не хватать, и этот день навсегда останется в моей памяти.

— А теперь купаться и загорать, — ошарашил Алессандро. — Пока еще не сильно жарко.

— Я не взяла купальник.

Купальник остался на Лампедузе. Не подумала, что в поездке он мне может понадобиться.

— Не беда. Я позаботился об этом. Пойдем...

Он направился в дом, а я поплелась за ним, во власти непонятной грусти и доверия. Хотелось плакать, но я усиленно боролась со слезами. От роскоши, царящей внутри виллы, я немного обалдела и отвлеклась от печальных мыслей. В огромной комнате, занимающей весь первый этаж, вся мебель была белой. Ярким пятном выделялись бардовые портьеры и такие же люстра и светильники. Пол был выложен черной глянцевой плиткой, что тоже контрастировало с белизной мебели.

Алессандро завел меня в небольшую пристройку, судя по всему, гардеробную. Правда, из вещей там были только с десяток купальников, каждый на своей вешалке.

— Выбирай любой. Я распорядился купить разных фасонов. Размер примерно знаю.

Алессандро окинул меня откровенным взглядом. В маленькой комнате, рядом с ним, мне вдруг стало ужасно жарко. Хорошо, длилось это всего несколько секунд, после чего он оставил меня одну.

Из разнообразия купальников я выбрала самый скромный — темно-синий с глубокими чашечками, надежно скрывающими грудь. Почему-то это место на теле мне хотелось спрятать как можно лучше. С размером Алессандро угадал идеально. Наверное, в нашу первую встречу рассмотрел меня гораздо лучше, чем я думала. Тут же висел шелковый халатик на запахе, который я решила надеть поверх купальника.

Алессандро ждал меня на террасе, у входа в дом. В белоснежных шортах и борцовке он напомнил мне нашу первую встречу. Это опять повлекло за собой приступ ностальгии с примесью грусти. Что ни говори, а встречи с ним навсегда останутся в памяти, как яркие события. Еще долго я буду проигрывать их в голове, дорисовывая, что могло бы быть, если бы... Если бы что? Я смотрела на него во все глаза во власти осенившей меня догадки. Боковым зрением машинально отметила, что стол в беседке пустует — словно по мановению волшебной палочки с него исчезли следы недавнего пиршества.

Я люблю этого мужчину! Именно поэтому так болезненно реагирую на его поведение, реплики. Когда же это произошло? Как я вообще умудрилась в него влюбиться? И что мне теперь делать, чтобы не щемило так сердце.

— Ты чего так смотришь, как будто я позеленел внезапно? — улыбнулся Алессандро. Я не видела его глаз, они привычно прятались за темными очками. Но в этот момент была уверена, что улыбается он по-доброму, как в тот единственный раз, на пляже деда, когда между нами впервые зародилась духовная близость. — Пойдем? Солнце Лидо к нашим услугам.

Окружающее великолепие тонуло в тумане. Я видела и чувствовала только мужчину, спускающегося впереди меня. Взгляд ласкал его спортивную фигуру, терялся в блестящих смолой волосах. Как же сильно я люблю его! Ни к одному мужчине до этого не испытывала подобного. Именно потому, что сама не осознавая, ждала от него ответного чувства, воспринимала его поведение в штыки. Все казалось не таким, потому что желала я большего.

Возле самого моря, под раскидистым зонтом, нас ждали лежаки и столик с коктейлями и фруктами.

— У тебя слуги-невидимки? — спросила я больше для того, чтобы услышать его голос, который теперь казался мне самым красивым на свете, чем получить ответ.

— Это я называю стопроцентным сервисом. Да, они вышколены не мелькать перед глазами.

Алессандро принялся раздеваться, а я застыла во власти желания подойти, обнять его, пробежаться пальцами по рельефным мышцам, прижаться щекой к впадинке у основания шеи и вдохнуть запах, который сейчас казался самым родным на свете.

— Да, что с тобой? — спросил он, оставшись в одних плавках. В этот район его тела я даже не пыталась смотреть, опасаясь своей реакции. — Ты как будто первый раз видишь меня. — Рассмеялся. — Купаться идешь? — Он сделал приглашающий жест в сторону моря.

— Я лучше полежу, — с трудом ответила я, не в силах избавиться от комка в горле.

— Как знаешь... — пожал плечами Алессандро. — Тогда располагайся, — кивнул он на лежаки.

Я перевела дух, когда он отвернулся и направился к морю. Мозг сверлила мысль — не выдала ли я себя с головой? Не догадался ли Алессандро, что я испытываю? Этого нельзя допускать ни в коем случае. Я не переживу унижения быть отвергнутой, если он узнает о моих чувствах. Главное пережить сегодняшний день. Завтра мы с Дарио получим перевод и вернемся на Лампедузу. Ну, или я одна вернусь, этот момент я еще не уточняла. А там нужно будет постараться сделать так, чтобы больше не видеться с Алессандро. Возможно, тогда, я еще до отъезда приучу себя к мысли, что больше никогда его не увижу, что наша встреча была ярким, но мимолетным событием в моей жизни.

Кого я пытаюсь обмануть? Я же буду теперь вечно сохнуть по нему, пестовать воспоминания, смаковать каждое мгновение, проведенное с ним, пока не состарюсь и умру. И за что мне только все это? Почему я не такая везучая, как Олеся? Неужели мой удел — безответная любовь?

Убедившись, что Алессандро плавает достаточно далеко от берега и возвращаться пока не планирует, я с чистой совестью дала волю слезам. Разрыдалась чуть ли не в голос. Минут пять оплакивала свою горькую участь, пока не почувствовала, как от недосыпа и переизбытка эмоций глаза начали слипаться. Тогда с чистой совестью уснула, решив будь, что будет.

Мне снилась Лиза. Он вела меня за руку по длинному пирсу, пока мы не подошли к самому его краю. Лиза сначала долго смотрела мне в лицо такими похожими на мои, но пугающе серьезными глазами. Потом повернулась к морю и показала на него рукой. Так настойчиво долго она указывала в темнеющую глубину, что я почувствовала признаки страха. Он наползал со всех сторон, превращаясь в панический. Что я должна там увидеть? — хотелось спросить, но губы не повиновались мне. Получалось только мычать. А образ Лизы постепенно стал рассеиваться, как это всегда происходило в моих снах. Она так и растаяла в воздухе с вытянутой рукой и застывшей в глазах мыслью, которую я не поняла. От страха и горя я заплакала, но опять молча. Я чувствовала, как слезы катятся по щекам, щекочут уши...

— Люда, проснись.

Теплые пальцы гладили меня по лицу, стирая влагу. Что-то мокрое приятно холодило бедро. Когда на живот упала холодная капля, я окончательно проснулась.

— Ты плакала во сне.

Алессандро сидел на моем лежаке в накиннутом на плечи полотенце. Это его плавки касались меня, охлаждая бок, а с волос капала вода.

— Дурной сон? — спросил он, опуская руку мне на шею и поглаживая ее.

Нет, — хотелось сказать мне, — я плакала из-за тебя. Потому что люблю...

Но разве могу я сказать такое? Если только хочу все испортить.

Его пальцы возбуждали. Кожа горела в местах, где они касались ее.

— Ты можешь сгореть, — он провел рукой по моему животу, отчего заломило в паху. — Нужно намазать тебя кремом.

Только тут поняла, что большая часть моего тела находится на солнце. В тени зонта пряталась только голова и плечи.

Алессандро взял со столика крем и выдавил немного себе на руку. Я замерла от предвкушения того, что должно сейчас произойти. Никакие доводы рассудка не заставили бы меня сейчас попросить его не делать этого. Да и рассудок молчал во власти всепоглощающего желания.

Алессандро растер крем в ладонях и принялся намазывать мне живот, касаясь пальцами края плавок. Он действовал медленно, умело. Ревность кольнула меня — скольких женщин он вот так же ублажал до меня? Понимала, что глупо думать об этом, но ничего не могла с собой поделать.

После живота настала очередь рук. Он стянул бретельки купальника, намазывая плечи. Я боялась пошевелиться, мечтала, чтобы это никогда не заканчивалось. Когда руки Алессандро коснулись ног, тяжесть внизу живота превратилась в свинцовую. Я чуть не застонала, когда он ненароком дотронулся до внутренней стороны бедра в самом верху.

— Перевернись на живот, — попросил он, и я заметила, как потемнели его глаза.

Он развязал купальник и принялся намазывать спину, касаясь груди по бокам. Он легонько проводил по ней самыми кончиками пальцев, а мне хотелось приподняться и дать ему возможность завладеть ею всей. Я готова была отдаться ему прямо здесь и сейчас, но понимала, что нельзя этого делать ни сейчас, ни потом, никогда. Видимо, он тоже это понимал, потому что не переходил границы допустимого, позволяя себе лишь намеки на интимность.

Когда Алессандро завязал лямки купальника, я поняла, что массаж окончен. Переворачиваясь на спину и усаживаясь на лежаке, надеялась только, что лицо мое не выдаст возбуждения, которое испытывала.

— Плавать ты со мной не захотела, но от катания на скутере не отвертишься, — сказал он и внезапно едва коснулся губами моей щеки. — Когда ты краснеешь, похожа на ребенка.

Скутер ждал нас у пирса. Могу поклясться, что раньше его тут не было. Точно, у Алессандро работают сверхъестественные существа. А иначе, как он мог тут появиться, если не по мановению волшебной палочки?

Мысли отвлекли меня, и возбуждение немного спало. Но только до того момента, когда мне пришлось сесть сзади Алессандро и обнять его за талию.

— Держись крепче и не бойся, — сказал он, заводя водный мотоцикл и притягивая меня за руки так, что я легла всем корпусом на его спину, ощущая каждую мышцу.

Я чуть не замурлыкала от удовольствия и не потерялась щекой об его гладкую и горячую кожу, такое внезапное наслаждение испытала. Он пах морем и еще чем-то, что казалось мне

до боли родным. Мысль, что я люблю этого человека, но никогда не смогу считать своим, обожгла паникой и таким глубоким горем, что я чуть не разрыдалась в тот момент, когда Алессандро начал выруливать.

Он так резко тронулся с места, что нос скутера поднялся в воздух, а мне пришлось как можно крепче вцепиться в его талию, чтобы не слететь в море. Сначала был только страх от бешеной скорости. Я сидела с закрытыми глазами, обдаваемая ветром и брызгами. Постепенно любопытства победило, и я открыла глаза и даже смогла смотреть по сторонам.

Что только не вытворял Алессандро. То несся вперед на предельной скорости, то делал резкий вираж чуть ли не на сто восемьдесят градусов и летел к берегу. Я потерялась в лабиринте собственных ощущений. Страх сменялся восторгом, а потом паникой, особенно на разворотах, когда мне приходилось держаться из последних сил. Затем меня снова охватывало удовольствие, когда Алессандро несся по прямой. В такие моменты я подставляла лицо ветру и старалась ни о чем не думать, а может все мысли просто выдувало из моей головы.

Что случилось, я так и не поняла. На очередном повороте меня резко подбросило и швырнуло в море. От неожиданности я нахлебалась горько-соленой воды и долго отплевывалась, когда всплыла на поверхность. И тут паника парализовала меня на мгновение, чуть не отправив на дно. Скутер мирно покачивался на небольших волнах, а Алессандро нигде не было. Я пыталась высмотреть его голову на поверхности, но все бесполезно.

— Алессандро! — закричала я, чувствуя, как растет ком в горле и слезы застилают глаза. — Алессандро!..

Тишина. Только шелест моря и оглушительное биение моего сердца где-то в ушах. Дальше случилось невероятное, во что я потом еще долго не могла поверить. Я перестала быть и управлять собой. Женщина, что ныряла и выглядывала в морской толще любимого, словно всю жизнь только и занималась спасательными работами, а потом, найдя его, тащила к берегу, была не я. Я словно превратилась в стороннего наблюдателя. Ни усталости, ни отдышки. Как преодолела такое расстояние до берега вплавь, да еще и одной рукой, даже не пыталась представить.

Первые признаки усталости почувствовала уже на берегу, когда вытаскивала Алессандро на обжигающий песок. Вместе с усталостью появилось отчаяние, что он не подает признаков жизни. Губы синие, в лице ни кровинки...

— Алессандро! — тормошила я его, не представляя, что делать дальше.

Откуда-то со школьных времен пришло воспоминание, что спасенного утопающего нужно положить на спину и сделать массаж сердца и искусственное дыхание. Слезы размазывала по щекам, а руки снова принялись действовать самостоятельно.

Как тогда с Дарио, я почувствовала сначала легкое покалывание в кончиках пальцев. Постепенно пламя разгоралось до локтя. Нестерпимо жгло руки, пока «огонь» не стал «просачиваться» в тело Алессандро в тех местах, где я его касалась. Его лицо розовело у меня на глазах, а губы тоже постепенно приобретали естественный окрас. Но дыхание все еще не появилось, как я не старалась.

Мои руки и грудь Алессандро, на которую я не переставала надавливать, превратились в единое горячее месиво. Я уже не чувствовала своих конечностей. Казалось, прошла целая вечность, когда он закашлялся и начал отплевываться. И тут мое сознание поплыло. Сначала медленно, а потом все сильнее закручивая и засасывая в омут. Последнее, что зафиксировала

затуманенным мозгом, как Алессандро открыл глаза и выглядел при этом практически здоровым.

«Вот, что ты мне показывала? Хотела предупредить?» — вела я мысленный разговор с Лизой. Мы снова стояли на краю пирса, только она смотрела на меня с доброй улыбкой, а не вглядывалась с тревогой в море, как некоторое время назад. Она молчала, да мне и не нужен ее ответ. Я его итак знала.

«Ты и до этого предупреждала... Только я не догадывалась» Ее улыбка согревала, проникая в душу, дарила ощущение счастья и покоя.

«Спасибо тебе!» Лиза подняла руку и коснулась моей щеки. Тепло и приятно...

— Люда...

Голос Алессандро эйфорической волной ворвался в сознание. Я открыла глаза и увидела его лицо — такое родное и любимое. Я только поняла, что уже не на пляже, а лежу на чем-то мягком, а он сидит рядом и с тревогой смотрит на меня и гладит по щекам, по волосам.

Первый порыв, неподвластный разуму, толкнул меня в его объятия. А потом хлынули слезы.

— Ты жив, ты жив... — безостановочно повторяла я, захлебываясь слезами, которых было столько, как никогда до этого.

Он прижимал меня к себе и гладил, гладил по волосам.

— Все хорошо, успокойся, — шептал он мне на ухо. — Все закончилось и никогда больше не повторится. Ты спасла меня.

— Ты жив...

В этот момент меня не волновало, что скоро судьба разлучит нас навсегда. Я плакала от счастья, от осознания, что он жив и будет жить дальше. Я была так счастлива, что боялась умереть от переизбытка этого чувства.

Истерика затянулась надолго. Все это время Алессандро утешал меня, как мог. Я сначала рыдала ему в плечо, потом, уткнувшись лицом в подушку. Даже в ванной, куда он привел меня, чтобы умыться холодной водой я продолжала плакать. В какой-то момент почувствовала, что слез не осталось. Наверное, я их выплакала все, о чем говорило красное опухшее лицо с неестественно большим носом. Слава Богу, к этому моменту Алессандро оставил меня одну, по моей же просьбе. Не хотела, чтобы он видел меня такой. Хотя, наверное, уже успел насмотреться.

На приведение внешности в порядок ушло не меньше получаса, в течение которого я и обмахивалась, и брызгала в лицо холодной водой, чтобы прогнать припухлость. Временами впадала в отчаяние, когда видела, что ничего не помогает.

Из ванной решила выйти, когда осталось только легкое покраснение вокруг глаз и носа. К тому моменту Алессандро уже несколько раз подходил к двери справиться, все ли у меня в порядке?

После этого мне пришлось выдержать настоящую атаку. Алессандро настаивал, чтобы я полежала и отдохнула. Я же хотела наполнить событиями этот день до отказа, чтобы он остался в памяти на всю жизнь. Мне хотелось быть рядом с Алессандро, слушать его, говорить самой. Пусть все наши разговоры будут ни о чем, лишь бы их было много.

Видимо, я была убедительна, потому что долго спорить и настаивать он не стал.

Обедать повез меня в шикарный ресторан. Сроду не ела такой вкуснятины, какую там подавали. Потом он учил меня играть в большой теннис, правда, безуспешно. Мы больше смеялись, чем играли.

Алессандро возил меня по острову на машине с откидным верхом. Ветер трепал мои волосы, а я чувствовала себя звездой Голливуда. А, когда начало темнеть, мы гуляли по центральной аллее Лидо ди Езоло длиной в пятнадцать километров. Алессандро немного рассказал мне о себе. Правда, информацию приходилось тянуть из него клещами. Оказывается, вилла принадлежит его семье. Они используют ее для отдыха, приезжая сюда по очереди. Из прислуги там всего-то повар и домработница. Это они со всем так лихо справляются и не мелькают перед глазами. Да что там не мелькают — за целый день я никого из них так и не увидела.

Алессандро рассказал, что с восемнадцати лет не живет с семьей. Как уехал поступать в колледж в Америку, так и остался там жить. Что меня больше всего порадовало, хоть я и не подавала виду, что он не женат и никогда не был. Сказал, что бизнес занимает все его время. Отдохнуть получается только летом, когда приезжает на Лампедузу. Мысли об Орнелле, его давней знакомой, я гнала метлой, чтобы они не отравляли замечательный день ростками ревности.

Ровно в одиннадцать нас ждал катер, чтобы вести меня обратно. К тому моменту грусть затопила меня окончательно. Я знала, что вернусь на Лампедузу и скорее всего снова увижу Алессандро. Но такого дня уже никогда не будет. Старалась не подавать виду и поддерживать непринужденную беседу, но мыслями всегда возвращалась к этому.

— Ты так и не рассказала мне всего. Поговорим на Лампедузе, когда вернешься. Когда, кстати, ты возвращаешься? — спросил Алессандро, когда катер причалил к лестнице дома Дарио.

— Скорее всего завтра, — ответила я, не сумев замаскировать грусть. Она прозвучала минором.

Я уже собралась шагнуть на ступени, как он придержал меня за руку.

— Постой... — Алессандро подошел так близко, что я уловила его запах, который старалась запомнить на всю оставшуюся жизнь. На глаза навернулись слезы, и я прикусила губу, чтобы не расплакаться. — Ты еще не поцеловала меня на прощание.

Он улыбался, я слышала это по его голосу. А мне хотелось рыдать, хоть я и думала совсем недавно, что слез уже не осталось.

Алессандро прижал меня к себе и какое-то время мы стояли просто обнявшись. На мгновение мне показалось, что он так же, как и я, не хочет расставаться. Я пыталась прочесть это в его глазах, но ночь не позволила мне. А потом его губы накрыли мои, и мир перестал существовать на несколько коротких минут, которые мне хотелось бы превратить в вечность.

— Буду ждать тебя на Лампедузе, — только и сказал Алессандро, помогая мне сойти на берег. — Не задерживайся.

А потом он уехал. Я смотрела вслед гаснущим вдали огням катера и думала, что жизнь моя закончится, если я не найду в ней какой-то смысл. С недавних пор, этот смысл я видела только в Алессандро.

Глава 24. Порция разгадки

Грусть грустью, а работа по расписанию. Новый день начался с новых забот, которые отодвинули на второй план грустные мысли.

Встала я рано, еще не было и семи. Приняв душ, оделась и спустилась вниз. Оказывается Дарио встал еще раньше. Он сидел за столом и, как обычно, что-то писал. Кроме того, выглядел готовым выйти из дома.

— Привет, — сказала я, заходя в гостиную.

— Привет. — Он мельком глянул на меня и вернулся к своему занятию. Я уже хотела уйти, когда поняла, что слишком долго жду продолжения, но Дарио заговорил: — Как прошел вчерашний день?

— Отлично! — стараясь говорить бодро, ответила я. О том, что засыпала в слезах, ему знать не обязательно.

— Куда он тебя возил?

В голосе Дарио я слышала нотки агрессии. Не очень хотелось беседовать с ним в таком тоне, но и как сгладить его реакцию, я не представляла.

— Мы ездили в Лидо ди Езоло, — только и ответила.

— Красивое место, — кивнул он во власти одному ему известных мыслей. Но занимали они его неслабо, судя по двум горизонтальным морщинам, что прочертили лоб. — Хочу предупредить тебя... У его семьи скандальная репутация.

И что?! — хотелось крикнуть мне. — А он не такой, как его семья! Он совершенно другой! Он самый лучший!

— Учту, — ответила вместо этого.

Какая разница, что за репутация у семьи Алессандро, если мне ничего с ним не светит. Я же прекрасно понимаю, что с его стороны увлечение мной, если даже такое и есть, временное, от скуки. Ему нужно было чем-то заполнить отпускной вакуум, и тут подвернулась я. Так что, Дарио, дружок, не нужны мне твои предостережения.

— Ладно, — кивнул он. — Я еще немного поработаю, а потом пойдем завтракать. Пьетро велел приезжать не раньше одиннадцати.

Никогда не думала, что можно просидеть три часа в кресле в саду, ничего не делая, и не заскучать. Я смотрела на проплывающие мимо катера, водные трамваи, гондолы, слушала звуки жизни этого удивительного города и думала, думала... О чем я только не передумала. О своей семье, о Михаиле и его жизни, полной ошибок. Думала об Олесе и Серхио, о том как ей повезло встретить любовь. Я не сомневалась, что они останутся вместе, и от этого становилось еще грустнее. Единственная подруга будет жить далеко от меня. Как часто мы сможем видеться? Думала о своей жизни, и что буду делать, когда вернусь в родной город, и закончится отпуск. Но основной на фоне всех этих мыслей, была об Алессандро. Можно сказать, о чем бы я не думала, все сводилось к нему.

И как я раньше не поняла, что люблю его? Когда это началось? Наверное, в тот день, когда он спас меня от Марко. Только поняла это я гораздо позже, а до этого приписывала свою реакцию на него неприязни, которой и в помине не было.

Старалась притупить муки ревности, когда представляла, что возможно сейчас он находится в объятьях Орнеллы. Рядом с таким человеком, как Алессандро, всегда были и

будут женщины. Кто угодно, только не я. Лучшеприучить к этой мысли себя сейчас, чтобы в будущем было легче вспоминать его. Но не получалось.

Я думала о Лизе — любила ли она так же своего мужа? Скорее всего... Только счастлива с ним была совсем не долго. Бедняжка.

Появлению Дарио я обрадовалась, как манне небесной. К тому моменту я уже так устала от мыслей, что с радостью переключилась на разговор с ним и предстоящем завтраке. Он повел меня в кафе, где ели, стоя возле бара. Аппетита особого не было, поэтому я ограничилась жареными креветками. Дарио настоял, чтобы я выпила стакан белого вина. После этого напиток жизнь немного порозовела, и перед глазами перестала маячить одинокая безрадостная старость.

Ровно в одиннадцать мы подходили к дому Пьетро. Его вид меня снова позабавил. Как же он похож на папу Карло, а офис его на каморку последнего!

— Ты только переводи мне, пожалуйста, постепенно все, что он будет говорить, — попросила я Дарио, еще когда мы плыли на кораблике. — А то я чувствую себя не очень уверенно, когда ничего не понимаю, о чем вы говорите.

Первым делом Пьетро вернул мне дощечку, тщательно завернутую. Он протянул ее, как священную реликвию. Потом он протянул мне лист, исписанный закорючками, по всей видимости, перевод того, что содержала дощечка. И только потом заговорил.

— Это написано на санскрите, — синхронно переводил мне Дарио. Тогда Пьетро делал перерыв. — Нужно сказать, что тот, кто написал обращение, был очень образованным человеком. Вернее была... Написала это женщина — Ольга. В то время санскритом владели только избранные из, так называемой, элиты общества. Такое положение идет из времен античности. Санскрит служил средством культурного общения среди подобных людей. Грамматика этого языка очень сложна, как и многообразна лексика. В очень узком кругу его использовали, как разговорный язык. Видимо, именно к такому и относилась эта Ольга, потому что владела языком в совершенстве, как определил знакомый Пьетро. С тех пор, как сделаны эти записи, язык сильно изменился, эволюционизировал. Не зря твоя родственница выбрала именно этот язык. — Дарио посмотрел на меня с интересом. — Знакомый Пьетро сказал, что только санскрит является идеальным, совершенным языком, способным выразить любые, даже тончайшие оттенки мысли. Его еще называют языком сознания или языком природы. А слово «санскрит» означает «обработанный, совершенный». Да уж... непростая у тебя была родственница, — Дарио перевел дух, пока Пьетро на время впал в задумчивость.

Я подумала, что пока не узнала ничего нового, кроме особенностей языка, на котором это новое написано. Вертела в руках бумажку, чувствуя ее бесполезность для себя лично. Скорее бы уже Дарио просто перевел, что тут написано. Хотя, узнать, что кто-то из моих предков был настолько образован, было приятно.

— Что еще интересно, что для передачи санскрита используются разнообразные алфавиты. Слава Богу, что твоя родственница использовала самый распространенный — Дэванагари, иначе и знакомый Пьетро мог не суметь перевести, что там написано.

— А дальше? — обалдела я, когда поняла, что Дарио благодарит Пьетро и собирается уходить.

— Пойдем, найдем спокойное место, и я тебе все прочитаю. Пьетро просит извинить, но ему некогда.

Мы вышли на улицу и направились к центру острова.

— Ты знаешь, что каждый остров, из которых состоит Венеция, является как бы

городом в городе? — задал неожиданный вопрос Дарио.

Я понимала, что он тянет время, но зачем? Хотя непонятный трепет, что я испытывал, заставлял и меня не торопиться, а сесть и спокойно прочитать, что же такого могла написать моя далекая родственница.

— У каждого островка своя система питьевой воды, церковь, колоколья... — Продолжал Дарио, и голос его разносился эхом по пустынным улочкам. — И в центре каждого есть кампо, то есть поле, если перевести. Как раз у одному из них мы и вышли.

Ну, какое же это поле? Небольшая площадь, да... Вымощенная булыжником, как и все почти здесь.

— Раньше здесь все было покрыто дерном, — заметил мое недоумение Дарио. — Видишь колодец в центре? На самом деле это цистерна для сбора дождевой воды. Такие есть на каждом острове. Не считая минеральной воды в бутылках, что завозят с материка, эти колодцы являются единственным источником питьевой воды. Вода в лагуне и каналах не пригодна для питья, — продолжал рассказывать Дарио, пока мы шли к лавочке, спрятанной в тени деревьев. — Смотри...

Мы как раз поравнялись с колодцем, верх которого был выложен и камней, обточенных временем. Дарио указал мне на небольшое отверстие у основания с выемкой, полной водой. Из импровизированной чаши самозабвенно хлебали воду две кошки, не обращая на нас никакого внимания.

— Все венецианцы испытывают особое благоговение перед кошками. — Он с улыбкой наблюдал за полосатыми пушистиком с поднятыми кверху подрагивающими хвостами. — Эти отверстия сделаны специально для них. Кошки — это единственное надежное средство от крыс, разносящих чуму.

Я вспомнила рассказ Дарио о трех эпидемиях чумы в четырнадцатом, шестнадцатом и семнадцатом веке. Первую даже прозвали «Черная смерть» из-за того, что она унесла жизни половины населения Венеции. Мороз пробежал по коже, как представила этот ужас.

— Раньше здесь кипела коммерческая и общественная жизнь острова, а сейчас это больше похоже на тихий дворик, — закончил Дарио как раз в тот момент, когда мы сели на лавочку.

Он достал из кармана сложенный вчетверо лист бумаги. Пальцы слегка подрагивали, словно он волновался даже больше меня. В который раз подумала, какой же он все-таки хороший, что так бескорыстно помогает.

— Читаем? — спросил Дарио, как будто я могла внезапно передумать.

— Давай, — не менее торжественно ответила я.

Он развернул лист и прочитал:

— Моей далекой, как звезда на небосводе, родственнице посвящается. — Дарио посмотрел на меня. — Получается, это тебе?

— Наверное... — пожала я плечами. Хотя откуда она тогда могла знать, что когда-то я появлюсь на свет?

Мир добр, но зла в нем, как изюма в пасхальной сдобе. И оно заметнее, как мы не стараемся закрывать на него глаза. Оно преследует тех, кто рожден помогать людям. Лик святой жил с моей матерью, а потом со мной. Но это не сделало нас счастливыми. С вершины прожитого я смотрю вниз и понимаю, что хочу скорее умереть. Дальше так не может продолжаться!

Заклинаю свой род! Отныне перестанут рождаться девочки, пока не появится плод плода греховной связи, как грань в бриллианте похожая на ту, с которой все и началось. Лишь с ее появлением на свет очистится наш род от проклятия, наложенного человеческим злом. И будет она сильнее всех нас. Не физически, а мерой того счастья, которого не имели мы. Как только святыня соединится со своим прообразом, сила родится заново, чтобы творить добро. Но не по принуждению, а волеизъявлению. Лик святой оживет в ней, чтобы помогать и направлять. И будет она счастлива, пока сама желает этого.

Ольга.

Дарио замолчал. Я пыталась осмыслить то, что только что услышала.

— О ком шла речь в письме? — решила я нарушить молчание, которое уже начинало тяготить.

— Думаю, о тебе.

— А причем тут плод греховной связи? Да еще и плод плода... Мои родители, насколько я знаю, появились в законном браке. Ничего не понимаю... А ты?

— До тебя и твоей сестры в вашем роду рождались девочки? — спросил Дарио.

— Если брать по папиной линии, то нет. Папа даже смеется на этот счет, что наконец-то в кузнице воинов появились ромашки, — улыбнулась я, вспоминая любимую фразу отца.

— Я так понимаю, что святая, о которой идет речь, это та самая Лиза, что изображена на иконе и на которую ты так похожа. Значит, по любому, это ты.

— Чушь какая-то, если честно!

От переутомления последних дней и мысленного перенапряжения у меня разболелась голова. Дарио предложил тогда отложить обдумывание письма до возвращения на Лампедузу. Обрато мы решили отправиться сегодня, вечерним самолетом. До рейса еще оставалось часов шесть. Как раз достаточно, чтобы немного передохнуть.

Как не одолевали меня всякие мысли, я заставила себя уснуть по возвращении в дом Дарио и проспала два часа. Сон излечил мою больную голову. Стоило купить Олеся какой-нибудь сувенир. Дарио проводил меня в магазинчик, где продавалась так называемая hand-made-косметика — мыло, масла для тела, все для душа и ванной... Олеся балдеет от таких вещей. С щедростью, которую только могла себе позволить, я набрала ей целый пакет пахучих штучек.

Вот так и закончилось мое путешествие в Венецию. С прощальной грустью я смотрела из иллюминатора самолета на уменьшающиеся островки, где осталась частичка моей души. Я всегда буду хотеть туда вернуться, но вряд ли когда появится такая возможность. Венеция из реальности опять превратилась в сказку, которую я буду видеть на картинках, только изображение теперь будет четче, подпитываемое воспоминаниями.

Дарио тоже выглядел грустным. Видно мое настроение передалось и ему. А может, он просто грустил, что закончился маленький отпуск и следует возвращаться к работе, которую он обещался довести до конца. Завеса над тайной приподнялась, хоть детали и оставались неясными. Но охота за реликвией продолжалась, в этом я не сомневалась. И я ума не прилагала, как ее прекратить. Надеялась только, что у Дарио есть какие-нибудь соображения на этот счет.

Уже стемнело, когда мы добрались до дома. Еще у калитки я почувствовала неладное, хоть с виду все выглядело как обычно. Сад цвел, кругом чистота и порядок. Чего не скажешь о доме... Как только я открыла дверь, так и замерла на пороге с вытаращенными глазами и

открытым ртом. Все было перевернуто вверх дном. Ящики в мебели выпотрошены, кругом валялись вещи — мои, Олесины... Посуда на кухне по большей части перебита, потому что кто-то не церемонился, выбрасывая ее из шкафов. На фоне хаоса одни картины в уродливых рамках выглядели нетронутыми. Почему-то это больше всего выводило меня из себя. И зачем только дед развесил по стенам безвкусицу? Даже грабители не посчитали их достойными своего внимания.

Я не знала, за что хвататься. То ли определять, что украли, то ли наводить порядок. Не могла избавиться от чувства гадливости, что кто-то рылся в моем белье. Этот кто-то осквернил дом, сделал его нечистым в духовном плане.

Дарио вел себя более организованно. Первым делом он обратил внимание, что с комода пропал портрет.

— Икону украли. — Он даже побледнел, сообщая мне эту новость.

— Нет, — качнула я головой.

— Чего, нет? Посмотри, портрет исчез.

— Он не исчез. Я его брала с собой.

— Как? Не понял... Все это время икона была с тобой?

— Ну да. В последний момент я сунула ее в сумку. Не знаю даже зачем...

Я, правда, не знала, зачем это сделала. Перед поездкой в Венецию, когда Дарио уже ждал меня в саду, чтобы ехать в аэропорт, я бросила взгляд на портрет. А потом схватила его и сунула в сумку. В самолете я о нем забыла, вспомнила лишь у Дарио дома. Признаться ему стало стыдно, боялась, что засмеет за излишнюю бдительность. Вот и протаскала портрет с иконой внутри все время на плече, в сумке, пока была в Венеции.

— Ты хоть понимаешь, что это значит? — спросил Дарио, подходя ко мне.

— Я спасла икону от грабителей?

— Ты чудо!

Дарио обхватил меня и закружил на месте, а потом стал целовать, куда попадал, повторяя, какое я чудо и как правильно сделала, что забрала икону с собой. Я смеялась, пока не поняла, что поцелуи перестали носить хаотичный порядок, и метит он в губы, несмотря на все мои увертки. Да и объятия из дружеских превратились в жаркие и настойчивые.

— Дарио, перестань! Отпусти меня. Дышать нечем, — что есть силы уперлась я ему в грудь, пытаюсь отпихнуть от себя.

Сейчас мне было стыдно, что тогда, у него дома, позволила ему целовать себя, даже хотела большего. После того, как осознала, что люблю Алесандро, мысль, что буду целоваться с кем-то другим, казалась нелепой. Да и поцелуи Дарио не считала уже такими приятными.

Он сделал вид, что не обиделся, но я заметила, каких трудов ему это стоило. Руки Дарио подрагивали, когда он помогал мне наводить порядок в доме. Глаза старательно отводил в сторону. И мы практически не разговаривали на протяжении часа, что длилась уборка. Меня такое положение вещей устраивало, хоть и чувствовала себя эгоисткой при этом. Лучше молчать, чем следить за каждым своим словом или постоянно испытывать неловкость, зная, что Дарио догадывается о моем отношении к Алессандро.

Портрет вернулся на законное место на комоде. Перепрятать икону, как предложил Дарио, я категорически отказалась, сама не знаю почему. Интуиция мне подсказывала, что ее место именно тут.

— Не поможешь мне снять картины? — попросила я Дарио, когда с уборкой было

покончено.

— Зачем?

Он выглядел непонимающим. Я, конечно, не считала себя тонким ценителем прекрасного, но и не верила, что эти дешевые репродукции, которыми были увешаны все стены, могли кому-то нравиться.

— Не могу больше видеть это уродство.

Мысленно я попросила прощения у деда Михаила, словно своим поведением оскверняла его память.

Дарио снимал картины и передавал мне. Я их складывала в небольшую коробку, чтобы потом засунуть под кровать, подальше от глаз. Какая-то мысль не давала покоя, все время сверлила мозг. Унылые пейзажи на картинах раздражали и отвлекали. Руки болели от тяжести, а спина от постоянных наклонов и вставаний.

— Ну, и тяжеленные они! — возмутился Дарио. — Можно подумать, что рамки из чистого золота, да и стекло двойное, а то и тройное...

— Точно! — воскликнула я, как громом пораженная. — Молодец!

С очередной картиной, что передал мне Дарио, я побежала на кухню. Сразу же принялась ковырять ее ножом.

— Что ты делаешь? — В дверях появился удивленный Дарио.

— Я все думала, зачем дед развесил эти картины, да еще и в таких рамках? Пока, после твоих слов, не поняла, что их оформление точно такое же, как у моего портрета. Эта мысль давно зародилась, только созрела сейчас.

— Думаешь, он в них что-то прячет?

Дарио подошел ближе и забрал у меня картину с ножом.

— Давай я, пока ты не отрезала себе палец.

Он ловко просунул нож в щель в торце и расколол картину надвое.

— А вот и тайник... — Я разглядывала жемчужное ожерелье, втопленное в бороздку в красном бархате, что выстилал дно тайника.

Не испытывала ни радости, ни удивления. Последнего не было, потому что примерно такого исхода и ожидала. Подспудно, конечно, но еще тогда, когда решила снять картины со стены, почувствовала, что они тоже хранят какую-то тайну. Радости не было, потому что ее затмевала грусть. Из-за этих драгоценностей дед Михаил прожил одинокую жизнь на чужбине. Оно ему надо было? Как и мне сейчас? Что я стану делать с драгоценностями? Судя по количеству картин, их тут немало. Принадлежат они моей семье. Но не начнутся ли из-за них распри? Прав ли был мой прадед, когда хранил эти ценности, спрятанными от глаз сыновей и жены? А до него так же хранил сокровища его отец... И так далее, в глубь веков.

— Что дальше? — спросил Дарио. Он тоже не выказывал ни удивления, ни радости, лишь вежливую заинтересованность.

— Давай достанем их все и спрячем пока куда-нибудь. А этот хлам выкинем, — кивнула я на останки картины.

— А потом что собираешься делать?

— Не знаю пока... Давай подумаем об этом позже.

Драгоценностей набрался небольшой мешок, который я соорудила из наволочки. Чего там только не было: старинные перстни, серьги, кольцо, цепочки... даже небольшая диадема, предположительно, с бриллиантами. Я все это рассматривала с интересом, но без единой искры восторга. Своими их считать отказывалась и забивать ими голову тоже не хотела.

Ничего лучше, как закопать их в саду, мы с Дарио не придумали. Он молодец — сделал все незаметно. Снял верхний слой почвы с травяным покровом, а потом так же вернул его на место. Даже намека не осталось, что тут недавно рыли яму.

Время близилось к вечеру. Я все чаще возвращалась мыслями к Алессандро. Он ведь знает, что я вернулась, и не пришел. А я ждала его. Даже тогда, когда занималась сокровищами семьи, думала о нем.

С наступлением темноты в душу стал закрадываться страх. Я поняла, что боюсь оставаться в доме одна.

— Ты собираешься уйти? — спросила я Дарио. Мне показалось, что он слишком часто смотрит на часы. Значит, торопится.

— С чего ты взяла? — Дарио отложил газету, что читал, сидя на диване в гостиной, пока я готовила ужин. — Я не собираюсь уходить, не волнуйся. Правда, завтра у меня есть кое-какие дела, но днем. Я же обещал тебе...

Он не договорил, вернувшись к чтению, но я итак была на седьмом небе от счастья. Дарио — человек слова. Раз обещал, что останется защищать меня, значит так и будет. Эти мысли внушили спокойствие. Я приготовила ужин. Мы мило провели вечер, болтая обо всем. Даже об Алесандро я умудрилась забыть на время.

Засыпала я в отличном настроении, слушая шум прибоя через открытое окно и думая о любви. А ночь принесла кошмар.

Глава 25. Одним врагом меньше

Мне снилось, что я у родителей, и папа злится. Он что-то говорил мне, но я не понимала ни слова. Знала только, что ругается. Один раз видела его в таком состоянии, когда мне было лет десять. Мы тогда с подругой решили таскать у родителей из карманов мелочь. Складывать их в общую копилку. Долго копить не получалось. Периодически шли в магазин и покупали всяких безделушек — бижутерии. В какой-то момент я сообразила, что раз родители до сих пор не замечают, как я таскаю у них деньги, то ничего не случится, если я стану брать больше. Тогда в ход пошли бумажные купюры. Я почувствовала себя богаче и беспечнее. Деньги складывала в карман пальто, пока там не накопилась ощутимая кучка. Вот ее-то родители и обнаружили случайно.

Помню, посадили меня на диван. Рядом на стол выгребли все деньги из кармана. И начался допрос. Я сижу, родители стоят передо мной, как инквизиторы. Размазывая слезы по щекам, я рассказала тогда правду. Папа не кричал, даже не ругал меня толком, но смотреть на него было страшно. Лицо чужое, взгляд отстраненный. Он сказал фразу, которую я запомнила на всю жизнь: «Избить бы тебя сейчас до полусмерти, чтоб больше неповадно было».

Вот и сейчас во сне он был таким — чужой и сердитый. Я силилась понять, что же он мне говорит, но слова тонули, не долетая до меня. Вдруг он выставил указательный палец и прижал его к моему лбу. Обжигающе холодный. Чужим голосом папа произнес:

— Попалась, крошка! Решила побегать от меня?

Я пыталась закричать и пошевелиться, но получилось только промычать. Что-то давило в грудь. Я мычала безостановочно, пробовала сдвинуться с места, побежать. Наконец, получилось крикнуть:

— Папа!

Я открыла глаза и увидела склонившуюся над мной тень. Лоб противно холодило, и дышать было не чем.

— Папа? — Кто-то засмеялся рядом.

Я узнала голос Марко. Это уже не сон, он находится в моей комнате среди ночи.

— Марко, что тебе нужно?

Главное, не дать паники завладеть сознанием. Спокойно, Люда, думай и просыпайся уже. Перед глазами все еще стояло сердитое лицо папы.

— Больше всего мне нужна ты. Ведьма, околдовала меня. — Он приблизил лицо к моему. Я уловила запах спиртного и попыталась отвернуться. — Еще мне нужна икона, — проговорил Марко мне прямо в губы. — И я убью тебя, стерва, если ты мне ее не отдашь.

Холод со лба переместился к виску и больно надавил на него. Что это? Пистолет?! От ужаса я перестала дышать на короткий промежуток времени. Очнулась, когда губы Марко грубо прижались к моим. Он делал мне больно — зубами и языком пытался раздвинуть мне губы. От омерзения я забыла про пистолет и принялась вырываться и кричать. Зная, как крепко спит Дарио, слабо рассчитывала, что он придет на помощь.

— Лежи спокойно, дура! — зашипел Марко. — Не брыкайся и больно не будет.

Он принялся стаскивать с меня одеяло и задирает сорочку. Я сопротивлялась уже не только руками, но и ногами. Пиналась что есть силы. В какой-то момент почувствовала, как

голову обожгла боль. Это Марко ударил меня пистолетом. От боли затошнило, но сопротивляться не перестала.

Когда силы готовы были покинуть меня, Марко внезапно отстал. Вернее, он отлетел в другой конец комнаты.

— Ты в порядке? — услышала я голос Дарио.

— Нормально.

Раскисать некогда. Я вскочила с кровати и зажгла в комнате свет. Марко сидел, привалившись к стене, злой и растрепанный, в руке он держал пистолет, дуло которого направил на Дарио.

— Отдай мне икону, а то я пристрелю его, — просипел он.

Ни на секунду не засомневалась, что именно так он и поступит. На негнущихся ногах направилась к выходу.

— Люда, не надо... Он не посмеет, — раздался голос Дарио, на который я даже не обратила внимания.

— Еще как посмею, — уже из коридора услышала я голос Марко.

А мне было все равно. Хочет он икону, значит получит. Не стоит она человеческой жизни, тем более такой, как Дарио. Он один из лучших людей, которых я встречала.

Я подошла к комоду, взяла портрет и направилась обратно в комнату. Странно, но с ним в руках чувствовала себя гораздо увереннее. Ноги уже не дрожали, страх испарился, осталась лишь вера, знать бы еще во что.

— Люда, не делай этого, — попытался остановить меня Дарио, когда я шла в сторону Марко.

Я лишь посмотрела на него, надеясь, что взгляд мой отражает все те чувства, что испытывала.

— Икона внутри портрета, — остановилась я возле Марко.

— Хорошая девочка, — с мерзкой улыбкой на губах произнес он, поднимаясь с пола и протягивая руку. В другой он продолжал удерживать пистолет, направленный на Дарио.

— Убери пистолет, — спрятала я икону за спину.

— Боишься, что пристрелю твоего любовничка? — хихикнул он.

— Спрячь пистолет, — повторила я, стараясь, чтобы не дрожал голос.

Марко сунул пистолет за пояс и характерно потряс рукой предо мной. Я протянула ему икону. И в следующее мгновение он рухнул, как подкошенный с иконой в руках.

— Она его убила?

Я не знала, что в большей степени испытываю — удивление или потрясение.

— Жив он. В обмороке. — Дарио подошел и проверил пульс у Марко.

Я подняла портрет с пола, невольно погладила изображение, думая о том другом.

— Пойду, поставлю его на место.

— А я пока свяжу его, — кивнул Дарио.

Когда вернулась в комнату, Марко лежал со связанными поясом от моего халата за спиной руками, а Дарио говорил по телефону.

— Вызвал полицию, — объяснил он. — Пусть дальше они с ним разбираются.

Минут через пятнадцать явились двое в форме. Все это время Марко продолжал находиться в отключке. Уж не знаю, что им сказал по этому поводу Дарио, но в итоге к нам у них претензий не было. Они унесли неподвижного пленника, и мы остались в тишине, словно ничто и не нарушало ее.

— Давай обсудим все завтра, — предложила я, чувствуя невероятную усталость, словно не спала несколько суток подряд.

Оказавшись в постели, я сразу же уснула, не успела закрыть глаза. Когда проснулась, испугалась. На часах стрелки приближались к двенадцати. Не в моих правилах спать так долго. Подскочила, кое-как пригладила волосы и отправилась на поиски Дарио. Чуть не завизжала от радости, когда на кухне, рядом с ним увидела Олесю. Они сидели за столом, чинно прихлебывали чай и тихо беседовали.

— Ну, наконец-то! Я думала, ты будешь дрыхнуть до вечера, — заголосила Олеся с видимой радостью.

Как же я соскучилась по ее улыбке, жизнерадостному лицу, по ней... Я тискала ее не меньше десяти минут. Сбегала за подарком и торжественно его вручила. С удовольствием наблюдала, как она восторгалась каждой безделушкой, доставая их из пакета.

Я тоже не осталась без подарков. Олеся привезла мне из Флоренции кожаный клатч и набор из серебра ручной работы: серьги, кольцо и браслет.

— Значит, пока я была во Флоренции, ты наслаждалась ведутами Венеции? — спросила Олеся, усадив меня за стол и налив кружку крепкого чая.

— Чем?

— Ну, ты даешь! Это даже коты мои знают. Ты точно там была? — засмеялась Олеся.

— Ведута — это вид местности, городской пейзаж, — пояснил Дарио. — Это чисто венецианский термин.

— В общем, пока ты спала, Дарио мне все рассказал, — резко сменила тему Олеся. Это было ей свойственно. — И про ночное нападение тоже. Дай-ка еще раз прочитать посвящение, — обратилась она к Дарио.

Он протянул ей знакомый сложенный лист. Она сначала читала, а потом еще какое-то время молчала.

— И что ты думаешь? — не выдержала я.

— А что тут думать? Понятно, что ты и есть та самая далекая родственница. Ты же, как две капли, похожа на портрет.

— Да? Но есть одна нестыковочка. Я не плод плода греховной связи.

— А вот это пока не известно. И я даже знаю, кто сможет нам раскрыть и эту тайну.

— Кто?

Я не понимала, к чему она клонит. Любит же напустить на себя загадочности, вместо того, чтобы говорить прямо и открыто.

— Твоя бабушка.

— Она-то тут причем?

— Сама подумай, — передразнила меня Олеся. — Первый плод ты, а вторым плодом кто может быть? — Она выдержала торжественную паузу, наблюдая за мной. — Именно! Твой отец!

— Отец?

— Именно! Тут два варианта: либо твоя бабушка вовсе не твоя, либо у тебя другой дед. Что-то мне подсказывает, что верный вариант второй. — Олеся широко зевнула. — Ладно, топай звонить бабушке. Ты выдыхалась, а я устала с дороги и хочу поваляться с журнальчиком.

Олеся осталась дома, Дарио отправился по каким-то своим делам, а я побрела к автомату. Волновалась перед разговором с бабушкой. А если мы ошибаемся, и дело обстоит

не так? Как я смогу спросить об этом бабушку? Она же обидится и не будет разговаривать со мной до конца своих дней. Все, что касается вопросов морали, в этом она непреклонна и меня учила тому же. Кроме того, она очень набожна, а я ее собираюсь уличить в прелюбодеянии. Она так может подумать, хоть я и не собираюсь ее обвинять, а пытаюсь выяснить правду.

Несмотря на волнения, разговор с бабулей дался легко. Она словно ждала моего звонка. Не стала увиливать или отпираться, сразу же рассказала мне правду. Домой я возвращалась еще более задумчивая. По дороге зашла в магазинчик и прикупила бутылку Лимончеллы. Чтобы осмыслить все, требовалось снять сначала напряжение. Я решила, что вкусный ликер будет кстати.

— Ну что? — спросила меня Олеся, как только я вошла в ее комнату с бутылкой и двумя бокалами. — Вижу, ты узнала правду.

Отвечать не торопилась. Сначала разлила ликер, подала ей бокал. Потом чокнулась и залпом выпила свой. Кошунственно, конечно, так пить приятную тягучую жидкость, но мне понадобился легкий туман в голове сиюминутно.

— Михаил — мой родной дед, — выпалила я самое сложное.

— Почему-то я не удивилась. — Олеся прихлебывала Лимончеллу и терпеливо ждала продолжения.

— Бабуля любила его и согрешила. От этого родился мой отец. Вот тебе и плод греха.

— А почему он уехал?

— Не хотел, чтобы узнали правду. Боялся не справиться со своими чувствами.

— Ага, — кивнула Олеся. — Именно поэтому он и прихватил семейные драгоценности?

— Об этом она ничего не знает, — встала я на защиту бабушки, да и деда тоже. — Хоть они и общались периодически, но о драгоценностях она никогда не спрашивала. Больше рассказывала о себе, детях, слала ему мои фото и моей сестры... Может, таким образом, он хотел отомстить?

— Кому? — Олеся вытаращила глаза. — Причем тут семья? Не они же толкнули их в объятья друг друга, после чего он был вынужден удрать.

Я добавила в Олесин бокал и себе налила опять полный.

— Откуда мы знаем, как дался ему отъезд? — Я выпила половину бокала. — Он был совсем молодой, ехал на чужбину. Я не оправдываю его, не подумай, просто размышляю. — Я допила вторую половину бокала. — В общем, этого я не знаю и, думаю, не узнаю никогда.

— Дела... — протянула Олеся и тоже осушила свой бокал. — Слушай, — неуверенно произнесла она.

Только тут я заметила, что выглядит Олеся немного грустной.

— Я тут... — продолжила она. — В общем, я не поеду домой.

Она смотрела на меня глазами побитой собаки, а мне вдруг стало так весело. Только веселость была вызвана алкоголем. Если бы не он, я бы, наверное, разрыдалась. Знала, что так будет, и надеялась, что все еще может обернуться по-другому.

— Чего ты смеешься? Я сказала, что остаюсь тут.

Олеся не понимала, что со мной происходит. А сама я понимала? Чувствовала только, что очень несчастна. Тайна почти раскрыта, а счастливее я не стала.

— Странная ты какая-то, — надула губы Олеся. — Я ей говорю, что остаюсь тут, выхожу замуж за Серхио, а она смеется.

— Не обижайся, пожалуйста, — обняла я ее. — Это все нервы. Досталось им и

последнее время по полной.

— Слушай! А оставайся тоже, а? — встрепенулась Олеся. — Чего тебе там делать? А здесь... Как-нибудь устроимся, в общем.

— Нет уж, — тряхнула я головой. — Мне нужно домой. Осталась как раз неделя до отъезда. Думаю, времени хватит, чтобы засвидетельствовать драгоценности, оформить их тоже, как наследство и вывести на родину. Надеюсь, Дарио поможет мне в этом. Нужно поделить все по справедливости между наследниками.

— А дом, корабль? Забыла про условие в завещании?

Я задумалась. Дом продать у меня рука не поднимется. Можно сдавать его. А самой приезжать сюда периодически. Мелькнула мысль об Алессандро. Так я смогу и его видеть иногда, если, конечно, он этого захочет. Корабль? Так пусть плавает себе и дальше на здоровье. Только от противного Карло Пуччини избавлюсь, да найму нормального капитана. Так и пользу будет приносить, и завещание не нарушу. Своими соображениями я поделилась с Олесей. Умолчала только про Алессандро, как обычно.

— А икона? Не собираешься же ты и ее делить между родственниками? — уточнила Олеся, опять погрузнев.

— Нет. Икона должна быть со мной. Теперь я это знаю.

— Так печально, что хочется реветь, — произнесла Олеся, и глаза ее увлажнились. Она суетливо схватила бутылку и налила еще по одному полному бокалу. — Давай выпьем, чтобы видаться как можно чаще. Я же люблю тебя, дуру.

Мы чокнулись, выпили, обнялись. Олеся заплакала, и я не выдержала, присоединилась к ней. Не нужно было столько пить. Алкоголь, что сначала помог расслабиться, потом только все осложнил. Рождал в душе ненужную жалость к себе. Но так я только подумала. Бутылку мы все-таки усидели. Потом завалились спать на Олесиной двуспальной кровати. Проснулись вечером, когда вернулся Дарио.

На сегодня еще не все сюрпризы закончились. Дарио принес небольшую коробку и протянул ее мне.

— Что это? — удивилась я, страдая от сильнейшей головной боли и плохо соображая.

— Вторая половина драгоценностей, — ответил он.

— Откуда?

— Они были спрятаны на корабле. Я их случайно обнаружил, когда ремонтировал днище. Сразу догадался, что это. Перепрятал, когда понял, на кого работают Марко и капитан.

— Да ты настоящая богачка! — Олеся рассматривала драгоценности, перебирая их пальцами, любуясь игрой камней в свете фонарей. — Такое даже продавать жалко.

А мне не жалко. Не хотела, чтобы эти безделушки и дальше становились камнем раздора в моей семье. Хотя решать не мне одной. Пусть сами думают, что с ними делать. Мне гораздо больше нравился этот дом, остров, Алессандро. Алессандро!

— Мне нужно уйти ненадолго, — перебила я Олесю, рассуждающую о драгоценных камнях.

— Куда это ты, на ночь глядя? — удивилась она.

— Нужно. Дело есть одно.

— А до завтра оно не потерпит?

— Нет, не потерпит.

— Давай, провожу тебя, — предложил Дарио.

— Я сама, спасибо. Еще совсем не поздно.

Больше я не слушала возражений. Сбегала в комнату, надела джинсы и тонкий свитер, махнула недоуменным Олесе с Дарио и вышла из дома.

К вечеру непривычно похолодало. Я немного замерзла, пока шла до дома Алессандро. Шаг не замедляла. Я иду по делу, и думать о всяких глупостях некогда.

У входа меня ждало разочарование в виде охранника, который на ломанном английском объяснил, что Алессандро нет дома. Тогда я решила подождать его, хоть охранник и не знал, когда он вернется. Я села на лавочку возле фонтана и задумалась. Все то, о чем я раньше не позволяла себе думать, теперь настырно лезло в голову. От мысли, что Алессандро, возможно, сейчас развлекается с Орнеллой, мне стало совсем дурно. Такой ревности не испытывала никогда раньше. Хотелось убить соперницу наижесточайшим способом. А его... Его тоже наказать, только еще не придумала, как.

О чем это я вообще? Разве он мне что-то обещал, как-то намекал на особое отношение? Это я влюбилась в него, как кошка. Как ни старалась внушить себе мысль, что это просто увлечение, которое быстро пройдет, стоит вернуться домой, ничего не получалось. От попыток самовнушения становилось только хуже. Чувствовала себя несчастней некуда. Даже всплакнула немного от жалости к себе.

За час с небольшим, что ждала Алессандро, успела изрядно промерзнуть. Он выглядел удивленным, когда увидел меня на лавочке.

— Что ты тут делаешь?

— Тебя жду.

— А почему не в доме?

— Меня никто не приглашал, да я бы и не согласилась.

— Так, пошли. — Он взял меня за руку и не выпускал, пока не привел в ту самую комнату, где поил Лимончеллой, и не усадил в то же кресло возле камина. — Что будешь? Ты совсем замерзла.

— Я бы выпила большую чашку чая.

— Я сейчас...

Алессандро вышел и вернулся с подносом, на котором дымились две чашки чая и вазочка с печеньями. К тому времени я уже успела согреться, огонь в камине пылал гостеприимно и ненавязчиво.

— А теперь рассказывай, — велел Алессандро, усаживаясь в соседнее кресло.

Глава 26. Как просто, когда все знаешь

— Когда свадьба? — спросила я, разглядывая Олесю.

За месяц на Лампедузе кожа ее стала темно-золотистой, что шло к голубым глазам, делая их еще светлее и больше, и белым волосам. Да и сама Олеся изменилась. Из ветреной красавицы превратилась в броскую женщину, светящуюся изнутри счастьем. Любовь ее такой сделала. Она нашла своего мужчину, которого так долго искала. Серхио обожал ее. Мне даже казалось, что когда она рядом, он не замечал никого вокруг. Так трогательно было наблюдать, как он старается предугадать малейшее ее желание. Она же, со своей стороны, окружала его заботой, как любящая мать драгоценное чадо. Я ей чуточку завидовала, не могла избавиться от этого коварного чувства, но больше радовалась, что она нашла свое счастье.

Олеся сняла соломенную шляпу с лица и повернулась на бок. Мы загорали на пляже Алессандро. Как я не сопротивлялась, она настояла на своем, затащила меня сюда. Если бы я точно не знала, что Алессандро нет на острове, ни за что бы не пошла. Но он уехал на Сицилию, о чем сообщил мне вчера, когда мы случайно встретились в баре Серхио. С того вечера, когда я пришла к нему, мы практически не виделись, хоть и прошла уже неделя. Он уехал на следующее утро, и не было его три дня. Когда вернулся, забежал ненадолго, чтобы рассказать, как прошел разговор с отцом. В тот вечер я рассказала ему все, без утайки: об иконе, о письме Ольги, о своих новых способностях и об интересе его отца к реликвии. О многом он догадался сам, когда узнал, чем занимается Дарио, и потом, когда Марко арестовали.

В тот вечер я поняла, что Алессандро не имеет к моему делу никакого отношения. Единственный раз, когда он вмешался с требованием вернуть капитана на корабль, действовал по настоятельной просьбе отца, не смог отказать ему. И теперь об этом жалеет. Я взяла с него обещание, что и этот вопрос он решит. Рассказала, что знаю об истинном интересе его отца к рыболовной шхуне. Что много лет он ее использовал для своих контрабандных целей, и капитан помогал ему.

На следующий день первым делом я повторно уволила Карло Пуччини. Сделала это сама, хоть Дарио и настаивал не встречаться с ним, уверял, что уладит это дело самостоятельно. Но мне хотелось посмотреть в глаза наглецу. Хотелось самой высказать ему все, что накопилось.

Всю неделю я занималась делами наследства. Спасибо Дарио за неоценимую помощь, иначе я бы погрязла в бюрократии и не смогла бы доказать, что найденные драгоценности — часть наследства деда. Меня бы не выпустили с ними из страны. Но сейчас все было в порядке, все бумаги мы оформили надлежащим образом. Драгоценности упакованы и ждут завтрашнего дня, когда я улетаю домой.

За последние несколько дней это был первый вечер, что выдался спокойным. Мы с Олесей решили провести его вместе — позагорать, искупаться напоследок. Мы уже предприняли вылазку русалок, как в первый день на Лампедузе, и сейчас обсыхали на горячем, но не обжигающем, белом песке.

— Свадьбу решили сыграть в сентябре, — ответила Олеся и мечтательно улыбнулась. Видно, мыслями унеслась в тот волнительный день. — Серхио хочет устроить пир на весь

мир. У него столько родственников, не представляешь. По всей Италии. Он меня знакомил только с теми, что живут во Флоренции, и то я никого не запомнила, — засмеялась она. — Все они приедут сюда, прикинь! Мы еще даже не считали, сколько человек наберется.

Когда она рассказывала о Серхио или предстоящей свадьбе, как сейчас, то переставала грустить из-за моего отъезда. Она не раз заводила разговор на тему: «Останься здесь со мной». Когда в очередной раз мы чуть не поссорились из-за этого, она, наконец, престала трепать мне нервы. Если бы она только знала, какую боль испытывала я! О моих чувствах к Алессандро она если и догадывалась, то деликатно молчала. О нем мы не разговаривали. Свою любовь я спрятала под панцирь и никого к нему не подпускала. Горе засунула туда же, решив, что успею погрустить, когда вернусь домой.

— Обещай, что приедешь ко мне на свадьбу, — встрепелась Олеся. — С моей стороны кроме тебя и родителей больше никого не будет. Если и ты не приедешь, то я сойду с ума.

— Обещаю.

Конечно, приеду. Разве я могу пропустить такое событие. Чуть не расплакалась от мысли, что в сентябре Алессандро, скорее всего уже здесь не будет, улетит в свою Америку. Отчаяние накатило волной. Не представляла, как буду жить, не видя его.

— Люсь, что с тобой? — Олеся придвинулась и обняла меня за плечи. — Ты плачешь?

Как ни старалась, сдержать слезы не получилось. Слишком сильно болело в груди.

— Не плачь, а то я тоже разревусь, — всхлинула Олеся. — Слушай, ты же теперь богачка! — воскликнула она, чем вызвала у меня невольную улыбку. В этом была она вся — не умела долго грустить. — Что будешь делать со своей частью наследства?

— Не знаю. Наверное, ничего.

— Как это ничего?! Это же куча денег! То можешь больше не работать.

— Не хочу продавать их, — тряхнула я головой. — Оставлю, как музейные экспонаты, напоминание о былом величии...

— Ты рехнулась?! — перебила меня Олеся. — Каком еще величии? Куча денег будет храниться в камнях и золоте, а сама ты будешь гнуть спину за гроши?

— Получается, что так, — кивнула я.

Не хотелось и дальше обсуждать эту тему. Для себя я уже все решила, что не стану продавать свою часть наследства. Остальные пусть поступают, как им велит сердце. Мое в этом вопросе было непреклонно.

— Обещай хотя бы, что не вернешься в наш гадюшник, — правильно поняла Олеся мое настроение.

— Нет, в редакцию я точно не вернусь.

По возвращении на родину я твердо решила начать новую жизнь. Вернее изменить старую коренным образом. Сначала уволюсь с прежней работы и буду искать новую. Чем бы хотела заниматься, я для себя пока не определила. Но и в рутинную и однообразную деятельность тоже не хотела погружаться. Поездка изменила меня сильнее, чем хотелось. Я стала другим человеком, по-новому смотрящим на мир.

— Обязательно съезжу к бабуле, — продолжала я. — Хочу обо всем с ней поговорить. Вместе повспоминаем деда Михаила. Это единственное, что мы можем сейчас для него сделать. Наверное, там и соберу родственников.

— Одобряю, — кивнула Олеся и снова улеглась на спину, подставляя живот скользящим лучам заходящего солнца.

Мы еще пару раз искупались и провалялись на пляже дотемна. Возвращались уже по полной темноте. Ночь стояла на удивление теплой, даже душной. Наверное, будет дождь. Даже природа грустит, как я, покидая это место.

Олеся последнюю ночь проводила в доме. На следующий день она перебиралась к Серхио. Я ей предлагала жить здесь до свадьбы, но она ни в какую.

— Без тебя я тут умру от тоски и горя, — говорила она. — Пусть уж лучше быт засосет меня.

Чемоданы стояли собранными в гостиной. В доме царила чистота и какая-то пустота, хоть не было только портрета на привычном месте. Его я тоже уже упаковала. Видно дом тоже грустил из-за моего отъезда, поэтому и казался нежилым. Даже сад приуныл и не благоухал, как обычно, когда я вышла из дома ночью.

На сон Олеси не могла повлиять грусть. Она уже давно крепко сопела в кровати. А я все ворочалась, пока не поняла, что уснуть не смогу. Тогда я вышла в сад и поднялась на «дедову скалу», как привыкла ее называть. Небо было усыпано звездами. Они сверкали так низко, что, казалось, можно протянуть руку и потрогать. Хотело впитать южное небо и приторный морской запах в себя надолго. Чтобы закрывать глаза и представлять себе это место. Всегда буду скучать по Лампедузе. Так, как здесь, еще нигде мне не было хорошо, возможно только в Венеции, которая тоже останется в моей памяти, да и в сердце, навсегда.

Рано утром пришел Дарио. Я как раз готовила завтрак. Олеся еще спала сном праведника. А я, хоть и провела полночи без сна, проснулась все равно с первыми петухами. Волнение перед полетом зашкаливало и лишало сна.

— Ты чего так рано? — удивилась я, впуская Дарио.

Мы договорились встретиться в аэропорту в половине первого. Мой рейс отправлялся в два часа.

— Хочу поговорить с тобой без посторонних.

Дарио выглядел расстроенным и каким-то помятым. Наверное, тоже провел бессонную ночь.

— Пошли, тогда, завтракать. — Я старалась говорить непринужденно, хоть и предвидела, что разговор будет не очень приятным.

Пока я делала бутерброды и наливала кофе, Дарио молча сидел за столом. Он молчал и когда я присоединилась к нему и сделала вид, что с аппетитом завтракаю.

— О чем ты хотел поговорить? — не выдержала я. Лучше сразу расставить все точки над и.

— Не уезжай, — без предисловий начал Дарио, за что я была ему благодарна. — Останься со мной.

— Я не могу.

Не хотела врать ему и увиливать. Такие люди заслуживают, чтобы с ними вели себя честно. И я очень хорошо относилась к Дарио, но как к другу, не больше. Я понимала, о чем он говорит. Еще в Венеции я догадалась, какие чувства он испытывает. Но не могла ответить тем же, хоть и хотела, наверное.

— Я люблю тебя.

Слова давались ему с трудом, я это видела по напряженному лицу, слышала в голосе. Не хотела мучить его и дальше.

— Дарио...

— Подожди, — перебил он. — Я ведь нравлюсь тебе?

— Конечно...

— Тогда, почему ты не можешь остаться? — снова перебил он.

— Я не люблю тебя. Извини...

Он не разозлился, не принялся меня обвинять во всех смертных грехах, только немного побледнел и плотнее сжал губы, так что они побелели.

— Ты его любишь, да?

Отвечать на этот вопрос не стала. Думаю, он итак все понял по моему лицу, потому что сказал:

— Я бы мог сделать тебя счастливой. А вот сможет ли он?..

Я могла бы многое ему объяснить и успокоить: что не нужна Алессандро, что он не испытывает ко мне пылких чувств. Для него я как была временным увлечением, так и осталась, хоть мы и подружились в последнее время. Но не стала... Унизительно признаваться, что тебя не любят так же сильно, как ты. Больно было признаваться в этом даже самой себе.

— Ладно, — вздохнул Дарио, и получилось это у него обреченно. — Приду в аэропорт. До встречи.

Он встал из-за стола, так и не притронувшись к завтраку. Я не пошла его провожать. Сидела и думала, почему не могу влюбиться в этого замечательного человека. Почему выбрала другого, с которым мне ничего не светит?

В аэропорт мы пришли даже раньше намеченного времени. Дарио уже ждал нас. Серхис выполнял роль носильщика — тащил мои две огромные сумки. Откуда столько вещей, вроде и не покупала ничего? Хотя, половину одной сумки занимали драгоценности, а еще Олеся вчера притащила целый пакет сувениров и несколько бутылок итальянского вина в придачу.

— Раздаришь там всем, — велела она. — Чтобы не говорили потом, что приехала с пустыми руками.

Молодец она. За хлопотами последних дней о подарках я как-то не подумала.

— Как ты поедешь без меня? — чуть не плакала Олеся, когда мы остановились возле стойки регистрации, хоть она еще и не началась.

— Олесь, доберусь, не переживай, — как можно бодрее ответила я. — Я же не ребенок. Да и встречать меня будут.

Об этом я позаботилась заранее. Позвонила отцу и попросила приехать встречать меня. Он обещался быть с моим двоюродным братом. Боязно таскаться с полной сумкой драгоценностей одной.

На Дарио старалась не смотреть, чтобы не расстраиваться еще сильнее. И так держалась из последних сил, чтобы не расплакаться.

— Вы только посмотрите, кто пришел! — воскликнула Олеся.

Я проследила за ее взглядом. У входа в здание аэровокзала стоял Алессандро, высматривая, по всей видимости, нас. За его спиной, как всегда, маячили два охранника.

Олеся помахала ему призывно. Дарио нахмурился, как зафиксировало мое боковое зрение.

Алессандро был в джинсах и футболке. На плече висела объемная сумка. Сердце мое сжалось от боли. Значит, он не пришел проводить нас, а тоже куда-то улетает? И искал он, может, вовсе не нас, а свою Орнеллу. Я быстро обвела глазами небольшой зал, но надменной

красавицы нигде не нашла.

— Пойдем, прогуляемся по магазинчикам, — потянула Олеся Серхио за руку, когда заметила, что Алессандро направляется в нашу сторону.

Дарио оставался рядом, пока тот не подошел. Когда и он успел уйти, я не заметила. Центр моего зрения сосредоточился на приближающейся фигуре. Главное ничем не выдать себя, постараться сохранить чувство собственного достоинства.

— Привет, — сказал он, подходя ко мне и опуская сумку на пол. Охрана деликатно осталась за пределами слышимости разговора.

— Привет, — ответила я, стараясь говорить спокойно. — Куда-то улетаешь? — кивнула я на сумку.

— В Россию, — без тени улыбки ответил он.

— Зачем?

Вопрос мне самой показался глупым, но вырвался он непроизвольно. Получается, мы летим с ним одним самолетом?

— Хочу быть рядом с будущей женой, когда ее родня будет делить наследство. Волнуюсь за нее.

Сначала я ничего не поняла. Постепенно смысл сказанного начал доходить до меня. Сердце забилося, как ненормальное. Я испугалась, что оно не выдержит такого ритма и разорвется.

— Ничего не хочешь сказать? — спросил Алессандро, и в глазах его зажглись лукавые искорки.

— Я... — скорее промычала, чем проговорила я. Невольно прижала руку к месту под левой грудью, так сильно там защемило. Голова закружилась.

— Люда, что с тобой? — Алессандро подошел ближе и приобнял меня. — Тебе плохо?

— От радости. — На глазах выступили слезы.

— Ты слишком много волновалась в последние дни, — не понял или не расслышал он. — Может, не стоит делить все эти драгоценности? Отдай ты все им, пусть делят сами. Деньги тебе не нужны...

— Алессандро... — Я подняла на него глаза, чувствуя, как успокаивается сердце в его теплых руках, и проясняется голова. — Повтори, что ты сказал.

— Что? Повторить, что я еду с тобой?

Я уже не скрывала своей радости. Светилась, как медный тазик, с дурацкой улыбкой от уха до уха.

— А они поедут с нами? — кивнула я в сторону охранников.

— Нет, — рассмеялся он. — На своей территории меня будешь охранять ты, а я тебя. А если честно, то об этом я тоже позаботился, — серьезнее добавил он.

— А когда ты говорил о будущей жене, не шутил? — спросила я в упор.

— Я редко шучу такими вещами, — без тени улыбки ответил он.

— Но ты кое о чем забыл?

— Неужели? — правая бровь Алессандро картинно взлетела.

— Ты забыл спросить, согласна ли я...

Он нахмурился, но лишь на мгновение. Я поняла, что сработала привычка получать все и сразу. Не могла злиться на него за это, потому что любовь затопила меня с головой. Даже эту его черту я любила. Его лицо уже снова разгладилось, и он со знакомой ехидной улыбочкой произнес:

— Люд-ми-ла, — полное мое имя всегда давалось ему с трудом. Выговаривал его он по слогам, — ты выйдешь за меня замуж?

— Если обещаешь никогда не называть меня Люсьеной и еще... Никаких Орнелл больше!

— Как скажешь, Люсьена, — рассмеялся он и тут же поцеловал меня на глазах у всех присутствующих.

Не могу сказать, что не испытала некую долю тщеславия, ведь Алессандро был так популярен на Лампедузе, что его приход не мог остаться незамеченным.

Уже сидя в самолете, на высоте почти одиннадцати тысяч метров, и прижимаясь к его плечу, я подумала, что вот оно то счастье, о котором говорилось в письменах Ольги.

Седеющий брюнет с зачесанными назад волосами, открывающими умный высокий лоб, в очках-хамелеонах в дорогой оправе на аристократически выступающей переносице, сидел за столиком в пустующем в это время суток ресторане и курил гаванскую сигару. Он уже сделал заказ на двоих и ждал свою спутницу. Блюда велел подать, когда придет дама. А пока на столе стояла бутылка Каберне Совиньон, и бокалы были на треть наполнены густой красной жидкостью.

Дверь звякнула колокольчиком, и на пороге застыла стройная женщина в простом белом платье и таких же белых балетках без каблука. Тут же рядом с ней материализовался работник ресторана. После пары фраз, которыми они пребросились, он указал ей на столик, за которым сидел мужчина. Тот встал при ее приближении и протянул правую руку с печаткой на среднем пальце.

— Виктор, — представился он. — Это я вам звонил.

— Я догадалась, — улыбнулась она, пожимая руку. — Людмила.

Не такой он себе ее представлял. Слишком простая. Рыжие волосы гладко расчесаны и свободно спадают на спину. Веснушки на лице и минимум косметики. А вот улыбается она необычно — открыто, доверчиво, и тогда в ней зажигается внутренний свет, а глаза начинают поблескивать. Интересная женщина, решил Виктор, такие редко встречаются.

— Наслышан о вашей коллекции, — заговорил он о деле.

Подошел официант и проворно сервировал стол. Запахло свежими овощами и жареным мясом.

— Да какая там коллекция? — рассмеялась она. — Несколько украшений всего лишь.

— Зато каких! Рода Савельевых, о котором я столько слышан. Знаете ли, ваши предки были очень дружны с моими, и история вашего рода передается из уст в уста в моем. Давайте выпьем за знакомство, — Виктор поднял свой бокал. Вино плеснулось, оставляя на стенках густой красный след.

Об одном он умолчал — что его предки были в услужении у рода Савельевых на протяжении нескольких поколений.

— Давайте, — весело подхватила она и дотронулась своим бокалом до его.

— Сгораю от нетерпения увидеть коллекцию, — проговорил он. — Особенно икону с ликом святой Лизаветы.

— Так пойдемте, чего ждать, — предложила она.

— А вы живете одна?

— Временно, — она опять рассмеялась, и Виктор снова невольно залюбовался ею. — Я скоро выхожу замуж. А сейчас мой жених уехал в Америку улаживать дела. У него там бизнес. А жить мы решили на Лампедузе.

— Давайте сначала позавтракаем. — Виктор подал пример, первым надрезав кусок сочного мяса, рядом с которым дымился картофель с золотистой коркой. — А потом мы пойдем к вам, и вы мне покажете коллекцию и расскажите историю иконы. Я, когда узнал, что вы здесь, сразу же загорелся любопытством.

И опять он лукавил. Он специально приехал в Италию, чтобы все разузнать самому.

— Тогда давайте быстро расправимся со всем этим, — обвела она глазами стол.

Через час Виктор выходил из дома на скале. Глаза его лихорадочно горели. Не успел он спуститься с горы, как уже набирал номер на мобильном.

— Планы изменились, — сказал он невидимому собеседнику. Куда делась любезность, граничащая со слащавостью, из голоса? Сейчас в нем звучала стальная властность. — Теперь мне нужна икона вместе с хозяйкой. Даю тебе сроку два месяца!

Больше книг на сайте - Knigolub.net